

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volume 23. No. 2

ISSN 2587-8115 (Print)

ISSN 2587-6899 (Online)

LEGAL CONCEPT

2024

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 23. № 2

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2024
Volume 23. No. 2

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2024
Том 23. № 2

18+

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2024. Vol. 23. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

**Mainstream issue: “The Institution of the Family in the Era of Global Changes:
The Socio-Ethical and Entrepreneurial Context in Law”**

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФЦ77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof., Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, Yu.I. Nedelkina*

Editor of English texts by *D.A. Novak*

Making up and technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on May 27, 2024.

Date of publication: Aug. 8, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.3. Published pages 18.6.

Number of copies 500 (1st printing 1–31 copies).

Order 59. «С» 17.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.jvolsu.com>

English version of the website: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2024. Т. 23. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Институт семьи в эпоху глобальных перемен: социально-этический и предпринимательский контекст в праве»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), SciUp (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Инишкова – главный редактор (г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварадо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, Ю.И. Неделькина

Редактор английских текстов Д.А. Новак
Верстка и техническое редактирование Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 27.05 2024 г.

Дата выхода в свет: 08.08 2024 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,3.
Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.).
Заказ 59. «С» 17.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.volsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Инишкова А.О. Роль семьи в условиях современного многокультурного этноса: вектор законодательного развития 6

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Рыженков А.Я. Защита семейных ценностей в российском праве: вопросы теории и практики 16

Батурина Н.И., Котельников Н.В. Способы защиты семейных ценностей по семейному законодательству Российской Федерации 26

Матыцин Д.Е., Квициния Н.В. Перспективы правового регулирования имущественных отношений супругов при заключении брачного договора с применением цифровых технологий 34

Балтутите И.В. Семейное предпринимательство в России: перспективы развития и основные направления государственной политики 42

Давтян-Давыдова Д.Н. Договор суррогатного материнства: правовая природа и проблемы правового регулирования 48

Каплунова Н.А. Нотариальные документы в электронном формате как средства доказывания в области брачно-семейных отношений 55

Соловьева Н.А. Значение института частного обвинения для защиты жертв домашнего насилия 63

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Федосеев П.С. Метод гражданского права: регулирование, оценка или моделирование? 74

Терехов Е.М. Векторы правоинтерпретационной деятельности при толковании договоров 81

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Инишкова А.О. Правовые презумпции добросовестности и разумности осуществления предпринимательской деятельности 86

Долинская В.В. Ценные бумаги как объект доверительного управления в составе наследственного имущества. Часть 2 94

Вдовиченко П.В. Формы волеизъявления в гражданско-правовых сделках 102

Аблятипова Н.А., Волкова И.Ю. Актуальные проблемы защиты прав наследников при злоупотреблении правом кредиторами 109

Демин А.А. Механизм гражданско-правового регулирования действий по охране изображения гражданина 116

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Архипцев И.Н., Сарычев А.В. Классификация видов сексуальных услуг, предоставляемых на материальной основе, и их потенциальные криминологические риски 122

Богомолова А.Г. Криминалистическое предупреждение преступности несовершеннолетних с использованием сети Интернет 131

Славкович В. Грубая халатность как элемент непредумышленного убийства [На англ. яз.] 136

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Рысбекова Б.Р. Понятие гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел при причинении вреда в Российской Федерации и Кыргызской Республике 148

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО:

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Ромашова М.В. Совершенствование уголовно-процессуального механизма избрания и применения меры пресечения в виде запрета определенных действий 156

Рыжков К.С. Передача дела, принятого судом к своему производству, в другой суд: теоретические и прикладные проблемы 164

Шинкарук В.М., Дехерт А.А. Бремя возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе Федеративной Республики Германии: особенности правовой регламентации 171

Сафронский Г.Э. К вопросу необходимости системного криминалистического обеспечения уголовного преследования 177

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

Inshakova A.O. The Role of the Family Under Conditions of a Modern Multicultural Ethnic Group: A Vector of Legislative Development 6

MAINSTREAM ISSUE

Ryzhenkov A.Ya. Protection of Family Values in Russian Law: Questions of Theory and Practice 16

Baturina N.I., Kotelnikov N.V. The Ways to Protect Family Values Under the Family Law Legislation of the Russian Federation 26

Matytsin D.E., Kvitsinia N.V. Prospects for the Legal Regulation of Property Relations Between Spouses when Concluding a Marriage Contract Using Digital Technologies 34

<i>Baltutite I.V.</i> The Development of Family Entrepreneurship in Russia: The Development Prospects and Main Directions of State Policy	42
<i>Davtyan-Davydova D.N.</i> The Surrogacy Contract: The Legal Nature and Problems of Legal Regulation	48
<i>Kaplunova N.A.</i> Notarial Documents in Electronic Format as a Means of Proof in the Field of Marital and Family Relations	55
<i>Solovyova N.A.</i> The Importance of the Institution of Private Prosecution for the Protection of Victims of Domestic Violence	63

**THEORY AND PRACTICE
OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT**

<i>Fedoseev P.S.</i> The Method of Civil Law: Regulation, Evaluation or Modeling?	74
<i>Terekhov E.M.</i> Vectors of Legal Interpretation Activity when Interpreting Contracts	81

**PRIVATE LAW
REGULATION ISSUES:
HISTORY AND CONTEMPORANEITY**

<i>Inshakova A.O.</i> Legal Presumptions of Good Faith and Reasonableness of Doing Business	86
<i>Dolinskaya V.V.</i> Securities as an Object of Trust Management as Part of the Inherited Property. Part 2	94
<i>Vdovichenko P.V.</i> Forms of Expression of Will in Civil Transactions	102
<i>Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu.</i> Actual Problems of Protecting the Rights of Heirs in Case of Abuse of the Right by Creditors	109

<i>Demin A.A.</i> The Mechanism of Civil Regulation of Actions to Protect the Image of a Citizen	116

**CRIME PREVENTION
AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION**

<i>Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V.</i> The Classification of Types of Sexual Services Provided on a Paid-For Basis and Their Potential Criminological Risks	122
<i>Bogomolova A.G.</i> Criminalistic Prevention of Juvenile Delinquency Using the Internet	131
<i>Slavković V.</i> Gross Negligence as an Element of Involuntary Manslaughter	136

**INTERNATIONAL LAW
AND COMPARATIVE JURISPRUDENCE**

<i>Rysbekova B.R.</i> The Concept of Civil Liability of Internal Affairs Bodies in Case of Harm in the Russian Federation and the Kyrgyz Republic	148

**PROCEDURAL LAW:
THEORY AND LAW ENFORCEMENT ISSUES**

<i>Romashova M.V.</i> The Improvement of the Criminal Procedure Mechanism for Selecting and Applying a Measure of Restraint in the Form of Prohibition of Certain Actions	156
<i>Ryzhkov K.S.</i> Transfer of a Case Accepted for Processing to Another Court: Theoretical and Applied Problems	164
<i>Shinkaruk V.M., Dekhert A.A.</i> The Burden of Reimbursement of Procedural Costs in the Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany: Features of Legal Regulation	171
<i>Safronsky G.E.</i> On the Necessity of System Criminalistic Support for Prosecution	177

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.1>

UDC 347.6

LBC 67.404.5

THE ROLE OF THE FAMILY UNDER CONDITIONS OF A MODERN MULTICULTURAL ETHNIC GROUP: A VECTOR OF LEGISLATIVE DEVELOPMENT

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The relevance of research: the editor-in-chief's column analyzes the topic and content of the key heading of the current issue of the journal "Legal Concept = Pravovaya Paradigma" entitled "The institution of the family in the era of global changes: the socio-ethical and entrepreneurial context in law". The prepared issue deals with the questions discussed at the international round table of the same name, held at Volgograd State University on March 29, 2024. The prerequisites for the selection and the problems of legal support of the issues selected for the discussion sessions of the international round table in the context of the Concept of State Family Policy of the Russian Federation for the period up to 2025, as well as a set of measures carried out during this period and aimed at popularizing the state policy in the field of family protection and preservation of traditional values are outlined. The scientific and practical significance of the papers presented in the feature topic of the issue is analyzed. The **scientific novelty** lies in the fact that a comprehensive intersectoral study of the legal regulation of family relations in the most relevant spheres of public life in the context of the state family policy of the Russian Federation has been conducted, as well as specific proposals and recommendations for improving the relevant theoretical and regulatory framework have been formulated. The methodological framework for intersectoral legal research has traditionally been made up of the general scientific methods of cognition used in the social sciences and humanities in general, including in law. Among the most significant general methods of cognition are the method of historical materialism, as well as the general logical methods: analysis, synthesis, the method of analogy, induction, deduction. The special and private methods are presented in the scientific papers of the heading mainly by the formal legal and comparative law methods. The **results** of the study: the analysis of the relevance of the papers selected for the heading "The feature topic of the issue", their novelty, the results obtained and their scientific and practical significance is carried out. The commentary of the current family legislation and the proposed legislative initiative on amending Article 2 of Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2022 "On Youth Policy in the Russian Federation" is presented. The lack of a uniform understanding of the family in both the legislation and doctrine has been established. The analysis of the relationship between the concepts of "young family" and "student family" is carried out, the qualifying factors of a student family are established. The author has analyzed the scientific papers concerned with: the theoretical and practical issues of protecting family values in Russian law; the prospects for the legal regulation of property relations between spouses when concluding a marriage contract using digital technologies in terms of the content of the conditions for concluding a marriage contract as an effective tool for resolving property disputes in the family; the legal nature and problems of the legal regulation of the surrogacy contract; the prospects and main directions of the state policy of the Russian Federation in the field of family entrepreneurship; notarial documents in electronic format as a means of proof in the field of marital and family relations; the role and importance of the institution of private prosecution for the protection of victims of domestic violence. **Conclusions:** the necessity of the legislative consolidation of the definition of the concept of "family" is proved, which is due to both practical and theoretical expediency, the creation of an effective mechanism for the legal protection of the family, ensuring the stability of the family in Russian society and the state. The definition

of “student family” is proposed. The conclusions of the authors of scientific papers on the feature topic of the issue are supported: on the expediency of amending Art. 1 of The Family Code of the Russian Federation with a new principle dedicated to the protection of family values, which will allow for a more clearly normative fixation of this vector of state policy; on the need to legislate the possibility of concluding a marriage contract in electronic form; on the timeliness of improving the regulatory framework aimed at supporting and developing family entrepreneurship, including simplifying the registration and licensing procedures, reducing the tax burden, the development of specialized programs to support and stimulate innovation; about the importance of grouping electronic evidence provided by a notary into a separate type, as well as establishing signs that allow identifying this proof; about the insufficient effectiveness of private prosecution in protecting the rights, freedoms and legitimate interests of citizens and the need to solve this problem by broadening the powers of a justice of the peace.

Key words: family, institution of the family, state family policy, marriage and family relations, family law, young family, student family, protection of family values, marriage contract, surrogacy, family entrepreneurship, domestic violence.

Citation. Inshakova A.O. The Role of the Family Under Conditions of a Modern Multicultural Ethnic Group: A Vector of Legislative Development. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.1>

УДК 347.6

ББК 67.404.5

РОЛЬ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МНОГОКУЛЬТУРНОГО ЭТНОСА: ВЕКТОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования: в колонке главного редактора анализируется тема и контент ключевой рубрики очередного выпуска журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» под названием «Институт семьи в эпоху глобальных перемен: социально-этический и предпринимательский контекст в праве». Подготовленный номер посвящен вопросам, рассмотренным на одноименном международном круглом столе, проведенном в Волгоградском государственном университете 29 марта 2024 года. Обозначены предпосылки выбора и проблемы правового обеспечения вопросов, выбранных для дискуссионных сессий проведенного международного круглого стола в контексте Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., а также комплекса мер, проводимых в данный период и нацеленных на популяризацию государственной политики в сфере защиты семьи и сохранения традиционных ценностей. Анализируется научная и практическая значимость представленных в главной теме номера статей. **Научная новизна** заключается в том, что проведено комплексное межотраслевое исследование правового регулирования семейных отношений в наиболее актуальных сферах общественной жизнедеятельности в контексте государственной семейной политики Российской Федерации, а также сформулированы конкретные предложения и даны рекомендации по совершенствованию соответствующей теоретико-нормативной базы. **Методологическую основу** межотраслевого юридического исследования традиционно составили общенаучные методы познания, применяемые в социально-гуманитарных науках в целом, в том числе и юридической. Среди наиболее значимых общих методов познания – метод исторического материализма, а также общелогические методы: анализ, синтез, метод аналогии, индукция, дедукция. Специальные и частные методы представлены в научных статьях рубрики в основном формально-юридическим и сравнительно-правовым методами. **Результаты исследования:** проведен анализ актуальности выбранных для рубрики «Главная тема номера» статей, их новизны, полученных результатов и научно-практической значимости. Представлен комментарий действующего семейного законодательства и предложенной законодательной инициативы относительно дополнения ст. 2 Федерального закона от 30.12.2022 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Установлено отсутствие единообразного понимания семьи как в законодательстве, так и доктрине. Проведен анализ соотношения понятий «молодая семья» и «студенческая семья», установлены квалифицирующие признаки студенческой семьи. Проанализированы научные статьи, посвященные: теоретическим и практическим вопросам защиты семейных ценностей в российском праве; перспективам правового регулирования имущественных отношений супругов при заключении брачного договора с применением цифровых технологий в контексте содержания условий заключения брачного дого-

вора как эффективного инструмента разрешения имущественных споров в семье; правовой природе и проблемам правового регулирования договора суррогатного материнства; перспективам и основным направлениям государственной политики РФ в сфере семейного предпринимательства; нотариальным документам в электронном формате как средствам доказывания в области брачно-семейных отношений; роли и значению института частного обвинения для защиты жертв домашнего насилия. **Выводы:** доказана необходимость законодательного закрепления определения понятия «семья», которое обусловлено как практической, так и теоретической целесообразностью, созданием эффективного механизма правовой охраны семьи, обеспечивающего стабильность и устойчивость семьи в российском обществе и государстве. Предложено определение «студенческая семья». Поддержаны выводы авторов научных статей главной темы номера: о целесообразности дополнения ст. 1 СК РФ новым принципом, посвященным защите семейных ценностей, что позволит более четко нормативно зафиксировать данный вектор государственной политики; о необходимости законодательного закрепления возможности заключения брачного договора в электронной форме; о своевременности совершенствования нормативно-правовой базы, направленной на поддержку и развитие семейного предпринимательства, включая упрощение процедур регистрации и лицензирования, снижение налоговой нагрузки, разработку специализированных программ поддержки и стимулирования инновационной деятельности; о важности выделения в отдельный вид электронных доказательств, обеспечиваемых нотариусом, а также установления признаков, позволяющих идентифицировать эти доказательства; о недостаточной эффективности частного обвинения в деле защиты прав, свобод и законных интересов граждан и необходимости решения этой проблемы путем расширения полномочий мирового судьи.

Ключевые слова: семья, институт семьи, государственная семейная политика, брачно-семейные отношения, семейное право, молодая семья, студенческая семья, защита семейных ценностей, брачный договор, суррогатное материнство, семейное предпринимательство, домашнее насилие.

Цитирование. Иншакова А. О. Роль семьи в условиях современного многокультурного этноса: вектор законодательного развития // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.1>

Главная тема очередного номера юридического журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» «Институт семьи в эпоху глобальных перемен: социально-этический и предпринимательский контекст в праве» стала продолжением научно-практического общения, состоявшегося на международном круглом столе в Волгоградском государственном университете 29 марта 2024 года.

Семья – это место, откуда все начинается: в ней мы рождаемся, получаем первые уроки жизни, приобщаемся к традициям и ценностям. Именно здесь мы учимся общаться, познавать мир и строить отношения с людьми. Соответственно, для каждого человека «семья» – это нечто большее, чем группа людей, это уют, поддержка, любовь, которые сопровождают нас на протяжении всей жизни.

В соответствии с Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение ду-

ховно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

В России 2024 г. был объявлен годом семьи. Проводимые в данный период действия нацелены на популяризацию государственной политики в сфере защиты семьи и сохранения традиционных ценностей. В течение года планируется проведение комплекса мероприятий по всем направлениям поддержки семьи. Это важная инициатива, направленная на укрепление семейных уз и обеспечение благополучия семей в России.

В своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2024 г. Президент России Владимир Владимирович Путин сделал ряд важных заявлений о поддержке семей и детей. Прежде всего, он обратил внимание на несколько аспектов: рост числа многодетных семей, анонсирование национального проекта «Семья», продление различных мер поддержки семей (ипотека, материнский ка-

питал). Президент неоднократно подчеркивал важность семьи как основы общества.

Различные инициативы по сохранению семейных ценностей, материнства и детства исходят как от различных органов власти (от федеральных до местных), так и общественности.

В 2024 г. по инициативе выступивших организаторами международного круглого стола профессоров кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета С.Ю. Казаченок, А.О. Иншаковой, А.Я. Рыженкова, Д.Е. Матыцина было создано региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз семей России» в Волгоградской области. Основными целями организации является формирование консолидированной позиции по ключевым вопросам семейной политики; оказание помощи семьям и организация социально-экономических программ в интересах семей; популяризация традиционных семейных ценностей; формирование общественного мнения и конструктивных предложений по основным вопросам развития института семьи; развитие и укрепление связей с национальными, зарубежными и международными организациями и учреждениями для распространения фундаментальных знаний, обмена достижениями и передовыми технологиями, культурными ценностями, формирования и дальнейшего развития института семьи. Ключевой целью в этом перечне является содействие в совершенствовании законодательства, направленного на поддержку семьи и традиционных семейных ценностей. В достижение этой цели и был организован международный круглый стол «Институт семьи в эпоху глобальных перемен: социально-этический и предпринимательский контекст в праве», некоторые доклады которого составили рубрику «Главная тема номера».

Организаторами проведения круглого стола выступили Волгоградская областная Дума, Волгоградская городская Дума, Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Волгоградское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз семей России», Общественная организация «Волгоградский

областной Союз женщин», Ассоциация «Союз юристов Волгоградской области». Инициатором проведения научно-практической встречи от Волгоградского государственного университета выступила кафедра гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН) Института права.

Работа по укреплению традиционных семейных ценностей уже давно и активно ведется специалистами кафедры ГиМЧП как профильной кафедрой ВолГУ. Так, в 2023 г. коллективом авторов издан учебник в двух форматах – для высшего и профессионального образования «Семейное право» под редакцией А.О. Иншаковой, А.Я. Рыженкова в издательстве «Юрайт», получивший по результатам конкурса Ассоциации юристов России Диплом I степени за лучший учебник, разработанный для высших учебных заведений [4; 5]. Кроме того, в феврале 2024 г. кафедра приняла активное участие в работе Комитета по науке и высшему образованию ГД по вопросу о необходимости законодательного закрепления понятия «студенческая семья» и совершенствования мер социальной поддержки таких семей. Специалистами кафедры был проведен анализ действующего законодательства и предложенной законодательной инициативы относительно дополнения ст. 2 Федерального закона от 30.12.2022 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». По результатам проведенного анализа было установлено, что в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» молодая семья определяется как – «лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона)». Комитетом Государственной думы по науке и высшему образованию прорабатывается вопрос о внесении в данную статью понятия «студенческая семья». Были проанализированы предложенные ранее определения. Так, в качестве одной из альтернативных дефиниций было предложено

следующее: «Студенческая семья – лица, которые в период обучения по очной форме в учреждениях начального, среднего или высшего профессионального образования заключили в установленном законодательством Российской Федерации порядке брак и родившие (усыновившие) ребенка (детей), либо лицо, которое в период обучения по очной форме в учреждениях начального, среднего или высшего профессионального образования стало единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей)».

В Приложениях к приглашению к дискуссии Председателя Комитета ГД по науке и высшему образованию С.В. Кабышева была представлена еще одна альтернативная дефиниция студенческой семьи, из которой видно, что студенческая семья – это «лица, состоящие в зарегистрированном в установленном законом Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем, где оба супруга или единственный родитель лица осваивают образовательные программы среднего профессионального образования, бакалавриата, специалитета или магистратуры по очной, очно-заочной или заочной форме обучения, и не достигли возраста 25 лет (включительно)».

Проанализировав обе трактовки понятия «студенческая семья», можно заключить следующее.

В соответствии со ст. 13 Семейного кодекса Российской Федерации вступление в брак возможно с 18 лет. Поэтому предлагаемое понятие «студенческая семья» – как лиц, обучающихся в учреждениях начального и среднего профессионального образования, противоречит ст. 13 СК РФ, а также в связи с государственной поддержкой будет способствовать заключению ранних браков, что влечет за собой неверное понимание семейных ценностей, а также осознанного подхода к созданию семьи.

Анализ понятия «молодая семья» (ст. 2 ФЗ № 489) показывает, что основополагающим признаком молодой семьи является заключение брака в возрасте до 35 лет. Отсутствие детей не влияет на получение статуса молодой семьи. Авторы законопроекта под студенческой семьей понимают только лиц,

которые в период обучения по очной форме заключили брак и родили (усыновили) ребенка. Следовательно, если студенты очной формы заключили брак и не родили (усыновили) ребенка, то они будут являться молодой семьей, а не студенческой. Считаем, определяющие признаки как студенческой, так и молодой семьи с точки зрения юридической техники должны быть одни и те же. Юридическая конструкция понятия семьи не должна зависеть от наличия или отсутствия в семье детей. В российском семейном праве доктринально семья определяется как круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления. Согласно ст. 1 Федерального закона № 134 от 24.10.1997 «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» семья – это лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство. Таким образом, квалифицирующий признак студенческой семьи – наличие детей считаем неверным и предлагаем его заменить на возраст, до которого возможно обучение на очной форме, то есть до 23 лет.

В связи с этим было предложено определение: «студенческая семья – это лица, которые в период обучения по очной форме в учреждениях высшего профессионального образования в возрасте до 23 лет включительно заключили в установленном законодательством Российской Федерации порядке брак и в том числе родившие (усыновившие) ребенка (детей), либо лицо, которое в период обучения по очной форме в учреждениях высшего профессионального образования стало единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей)».

Полагаем, что для многодетной студенческой семьи возраст должен быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения образовательной организации высшего образования).

Примечательно, что в ходе разработки учебника и подготовки ответа в ГД, нами было обнаружено, что единообразное понимание семьи отсутствует как в законодательстве, так и в доктрине. Так, к.ю.н., проф., заведующий кафедрой социального и семейного зако-

нодательства Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, заслуженный юрист Российской Федерации Н.Н. Тарусина считает, что «семья есть объединение граждан, которые находятся в предусмотренной законом семейно-правовой связи (на основе супружества, родительства и детства, родства, свойства, опеки и (или) попечительства, приемного родительства, усыновления (удочерения), иждивения и др.), совместно проживают и ведут общее домохозяйство, наделены правами и обязанностями, соответствующими статусу семьи; членство в семье сохраняется при временном раздельном проживании, обусловленном уважительными причинами» [6, с. 31].

А.М. Нечаева, д.ю.н., профессор, предлагает следующее понятие семьи: это «общность совместно проживающих лиц, объединенных правами и обязанностями, предусмотренными семейным законодательством» [3].

П.И. Седугин, советник Конституционного Суда РФ, арбитр МКАС при ТПП, специалист в области конституционного, гражданского, жилищного, семейного законодательства, к.ю.н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса МГИУ, считает, что понятие «семья» должно иметь общеправовое значение [1, с. 123].

Что касается законодательства, то на сегодняшний день данное понятие содержится только в ст. 1 вышеупомянутого Федерального закона № 134 от 24.10.1997 «О жилищном минимуме в Российской Федерации» [7].

В преамбуле к Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 и вступившей в силу для СССР 15.09.1990, семья определена как основная ячейка общества и естественная среда для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей [2].

Полагаем, что законодательное закрепление определения понятия «семья» необходимо, оно обусловлено как практической, так и теоретической целесообразностью, созданием эффективного механизма правовой охраны семьи, обеспечивающего стабильность и устойчивость семьи в российском обществе и государстве. Исследование данного вопроса привело нас к мысли о необходимости за-

репления понятия «семья» либо в Семейном кодексе РФ, либо даже в Конституции РФ (по аналогии с законодательством таких стран, как Греция, Ирландия, Германия, Италия), а также о целесообразности организации дискуссионной площадки в рубрике главной темы номера очередного выпуска журнала «Legal Concept = Правовая парадигма».

В рамках круглого стола было организовано пять дискуссионных сессий.

I сессия «Семейные ценности в условиях современного многокультурного этноса: вектор законодательного развития». На дискуссионной площадке были рассмотрены вопросы семейных ценностей в условиях современного многокультурного этноса. Доклады выступающих и представленные результаты научно-практических исследований были основаны на понимании того, что в многокультурном обществе важно уважать разнообразие культурных, религиозных и социальных традиций и находить компромиссы между сохранением традиций и их адаптацией к современным реалиям.

II сессия «Роль семьи в сохранении национальной и культурной идентичности: теоретико-прикладные задачи правового регулирования». На дискуссионной площадке были затронуты вопросы значения национальной идентичности, а также роли семьи в ее сохранении. Все выступающие отметили и продемонстрировали в своих докладах осознание того, что в настоящее время происходит беспрецедентное развитие самосознания наций, активизация процессов национальной и этнической идентификации малочисленных народов, стремление к сохранению своей этнокультурной специфики.

По мнению большинства ученых в области социальных наук, сохранение культурного и исторического наследия возможно лишь посредством социализации молодежи. Одним из фундаментальных и основных социальных институтов, способствующих социализации молодежи, является семья.

III сессия «LegalTech в семейном бизнесе как драйвер устойчивого развития: экономико-правовая инфраструктура». В рамках дискуссионной площадки была раскрыта проблематика семейного бизнеса через призму технологий LegalTech, направ-

ленных на научные решения для профессиональной юридической практики и предпринимательской деятельности. Выступающие отметили последние изменения гражданского, предпринимательского, корпоративного, семейного законодательства, а также тенденции практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов в данной сфере.

IV сессия «Инфраструктурная поддержка правового обеспечения подключения сетей к земельным участкам многодетных семей». Дискуссионная площадка была посвящена изучению вопросов оказания помощи многодетным семьям в области правового обеспечения подключения сетей к земельным участкам, что имеет большое значение для комфортного проживания и устойчивого развития.

V Инициативная сессия «Национальная инновационная система обеспечения комфортной жизни семьи как неотъемлемое условие развития инфраструктуры территорий проживания». В рамках данной сессии были проанализированы различные инфраструктурные решения для комфортной жизни и экономического развития территорий. Среди ключевых направлений выделены решения в сфере транспортной, энергетической, коммунальной и цифровой инфраструктур. Проведение сессии было инициировано Общественной палатой Российской Федерации.

Активное участие в работе круглого стола приняли представители научных, образовательных организаций, а также практические работники Российской Федерации и зарубежных стран. С докладами выступили представители научных школ дружественных иностранных государств Абхазии, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана.

В формате активной дискуссии и обсуждений состоялось рассмотрение актуальных вопросов и достижений в области развития семейного права и сохранения семейных ценностей. Все участники особо отметили утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родитель-

ства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

Таким образом, работа Международного круглого стола была направлена на разработку согласованной, аргументированной научно-практической позиции по наиболее острым и актуальным вопросам института семьи, функционирующего в современных реалиях, с учетом происходящих социально-экономических трансформаций, а также на правовое воспитание и правовое просвещение молодежи.

Дискуссия, развернутая в ходе работы сессий, успешно продолжилась в научных статьях, представленных авторами – участниками международного круглого стола в рубрике «Главная тема номера» на страницах очередного тематического выпуска журнала.

Так, в статье «Защита семейных ценностей в российском праве: вопросы теории и практики» раскрываются особенности и возможные направления правового регулирования развития системы семейных ценностей в России. Автором подчеркивается необходимость доктринального исследования и осмысления ряда регулятивных и охранительных норм, направленных на решение дискуссионных вопросов, связанных с формированием механизма гарантий для защиты семейных ценностей, включая экономические, политические, а также духовно-нравственные гарантии. Предлагается дополнить ст. 1 СК РФ новым принципом, посвященным защите семейных ценностей, что, по мнению автора, позволит более четко нормативно зафиксировать данный вектор государственной политики. Доказано, что в настоящий момент СК РФ и другие законы содержат регулятивные и охранительные нормы, посвященные осуществлению и защите семейных прав граждан РФ. Семейные ценности реализуются в них посредством создания условий для вступления в брак, регламентации имущественных отношений в семье, определения оснований и порядка взимания алиментов на детей и иных членов семьи, защиты детей, оставшихся без попечения родителей. Охранительные нормы посвящены запрету семейного насилия и пропаганды гомосексуализма, принятию мер по пресечению уклонения от уплаты алиментов на содержание детей и т. д.

Перспективы правового регулирования имущественных отношений супругов при заключении брачного договора с применением цифровых технологий исследуются в контексте содержания условий заключения брачного договора как эффективного инструмента разрешения имущественных споров в семье. Анализируется возможность заключения брачного договора в электронной форме. Выявляются основные направления развития института брачного договора с применением цифровых технологий. Определяется их влияние на стабильность экономики и гражданского оборота. Доказано, что цифровизация экономики влияет на регулирование брачно-семейных правоотношений. Установлено, что брачный договор имеет противоречивую природу: с одной стороны, способствует укреплению семьи, с другой стороны, может являться и фактором, дестабилизирующим гражданский оборот. Сделан вывод о том, что действующее семейное законодательство не содержит какого-либо прямого запрета на использование электронных средств при заключении семейно-правовых договоров, поэтому подтверждение условий при подписании брачного договора в электронной форме не только возможно, но и позволит ускорить и упростить для супругов (будущих супругов) процесс его заключения. Если какие-либо экономические или технологические новшества потенциально могут способствовать укреплению прав и свобод в семье, а также усилить их защиту, то на законодательном уровне необходимо закрепить такие средства защиты, в частности, допустить возможность заключения брачного договора в электронной форме.

Другая статья под названием «Договор суррогатного материнства: правовая природа и проблемы правового регулирования» посвящена договору суррогатного материнства. Определяются правовая природа, предмет и объект такого договора. Особое внимание обращается на отсутствие единого мнения о правовой природе такого договора, его легального определения, нормативно закрепленных прав, обязанностей и ответственности сторон за нарушение обязательств. Проводится сравнительно-правовой анализ российского и иностранного законодательства.

Вопросы развития семейного предпринимательства в России, его перспективы и основные направления государственной политики в этой области изучаются на основе анализа особенностей правового регулирования семейного предпринимательства в Российской Федерации. Исследуются преимущества и недостатки действующего законодательства, возможные направления его модификации для стимулирования развития семейного предпринимательства. Утверждается, что семейный бизнес является важным компонентом экономики, способствующим созданию рабочих мест, увеличению налоговых поступлений и развитию регионов. Доказана необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, направленной на поддержку и развитие семейного предпринимательства, включая упрощение процедур регистрации и лицензирования, снижение налоговой нагрузки, разработку специализированных программ поддержки и стимулирования инновационной деятельности. Автор подчеркивает важность укрепления правовых гарантий защиты прав семейных предпринимателей, включая защиту интеллектуальной собственности и обеспечения доступа к справедливому судебному разбирательству.

Еще одно исследование главной темы номера посвящено нотариальным документам в электронном формате как средствам доказывания в области брачно-семейных отношений. Автор отмечает тот факт, что современная нотариальная практика погружена в электронный документооборот. Обеспеченные нотариусом доказательства в электронном виде представляют собой многоплановые и широко используемые средства доказывания. Доказательства, обеспеченные нотариусом в электронном формате, полноценно могут быть использованы участниками брачно-семейных отношений, в которых помимо правового аспекта возникает множество морально-этических ситуаций. В нормах действующего законодательства Российской Федерации закреплено упоминание о процедуре обеспечения нотариусом электронных доказательств, но отсутствует ее подробная регламентация. В этой связи выявляются признаки нотариальных документов в электронном формате, позволяющие признать их средством доказыва-

ния в области брачно-семейных отношений. Изучаются правовые возможности нотариусов по созданию электронных доказательств в широком и узком смысле. Устанавливаются основополагающие признаки электронных доказательств, обеспеченных нотариусом, как средств судебной защиты. Определяются понятия и виды электронных доказательств, обеспеченных нотариусом, их классификация. Рассматриваются примеры использования электронных доказательств, обеспеченных нотариусом, в области брачно-семейных отношений, выявляются технико-юридические преимущества такого использования. В результате доказана необходимость выделения в отдельный вид электронных доказательств, обеспечиваемых нотариусом, а также установления признаков, позволяющих идентифицировать эти доказательства. Определен ряд преимуществ, связанных с использованием электронных (цифровых) доказательств, обеспеченных нотариусом, в том числе их преюдициальное значение, а также отсутствие у них срока действия. Даны дефиниции электронного доказательства и электронного доказательства, обеспеченного нотариусом, предложены классификации. Продемонстрированы примеры применения электронных доказательств в области брачно-семейных отношений.

Автор еще одной публикации исследует значение института частного обвинения для защиты жертв домашнего насилия. В работе представлен сравнительно-правовой анализ теоретико-прикладных позиций по поводу необходимости сохранения частного обвинения в уголовном процессе. Проработаны оптимальные пути совершенствования данного института для соблюдения баланса интересов правосудия и учета интереса граждан при разрешении уголовно-правовых конфликтов, возникших на бытовой почве, а также защиты жертв домашнего насилия. Исследована проблема недостаточной эффективности частного обвинения в деле защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Доказано, что она должна решаться не путем отказа от этого института, а с помощью упрощения судопроизводства, расширения полномочий мирового судьи, в том числе предоставления ему права дачи поручений о производстве отдельных следственных действий органом дознания.

Автор обосновывает тезис о том, что в деле борьбы с домашним насилием усилия государства должны быть сконцентрированы на устранении его причин, а отказ от института частного обвинения или оставление его без изменения не коррелирует с этими задачами. Доказана нецелесообразность постановки в зависимость от ликвидации или сохранения института частного обвинения эффективности борьбы с домашним насилием. Аргументирована необходимость разработки комплекса мероприятий законодательного, организационного и методического характера, направленного на противодействие и искоренение подобного социального явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к Семейному кодексу РФ / под ред. П. В. Крашенинникова, П. И. Седугина. – М., 1997. – 384 с.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Нечаева, А. М. Семейное право : учеб. для вузов / А. М. Нечаева. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2024. – 251 с.
4. Семейное право : учеб. и практикум для вузов / А. О. Иншакова [и др.] ; под ред. А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. – М. : Юрайт, 2023. – 399 с.
5. Семейное право : учеб. и практикум для среднего профессионального образования / А. О. Иншакова [и др.] ; под ред. А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. – М. : Юрайт, 2023. – 399 с.
6. Тарусина, Н. Н. Семья как общеправовая конструкция / Н. Н. Тарусина // *Lex russica*. – 2020. – № 4. – С. 21–33.
7. Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (с изм. и доп.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Krashennnikov P.V., Sedugin P.I., eds. *Kommentarij k Semejnomu kodeksu RF* [Commentary on the Family Code of the Russian Federation]. Moscow, 1997. 384 p.
2. *Konvencija o pravah rebenka (odobrena Generalnoj Assambleej OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990)* [Convention on the Rights of the Child (Approved by the UN

General Assembly on November 20, 1989) (Entered into Force for the USSR on September 15, 1990)]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

3. Nechaeva A.M. *Semejnoe pravo: ucheb. dlya vuzov* [Family Law. Textbook for Universities]. Moscow, Yurajt Publ., 2024. 251 p.

4. Inshakova A.O. et al.; Inshakova A.O., Ryzhenkov A.Ya., eds. *Semejnoe pravo: ucheb. i praktikum dlya vuzov* [Family Law. Textbook and Educational Aid for Universities]. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 399 p.

5. Inshakova A.O. et al.; Inshakova A.O., Ryzhenkov A.Ya., eds. *Semejnoe pravo: ucheb. i*

praktikum dlya srednego professionalnogo obrazovaniya [Family Law. Textbook and Educational Aid for Secondary Vocational Education]. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 399 p.

6. Tarusina N.N. *Semya kak obshchepравovaya konstrukciya* [Family as a General Legal Construct]. *Lex russica*, 2020, no. 4, pp. 21-33.

7. *Federalnyj zakon ot 24 oktyabrya 1997 g. № 134-FZ «O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop.)* [Federal Law of October 24, 1997 No. 134-FZ “On the Living Wage in the Russian Federation” (As Amended and Supplemented)]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, почетный работник науки и высоких технологий РФ, эксперт РАН, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.2>

UDC 347.61

LBC 67.407

Submitted: 20.03.2024

Accepted: 20.04.2024

PROTECTION OF FAMILY VALUES IN RUSSIAN LAW: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Anatoly Ya. Ryzhenkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: at the moment, Russia is further developing the concept of traditional values, which include family values. Nevertheless, a number of regulatory and protective norms are already aimed at solving this problem, which requires doctrinal research and reflection. There are also a number of controversial issues related to the formation of a mechanism of guarantees for the protection of family values, including economic, political, as well as spiritual and moral guarantees. The **purpose** of the study is to reveal the features and possible directions of legal regulation for the development of the family values system in Russia. **Methods:** the analysis method made it possible to identify the main features of the category “family values” and its relationship with “traditional values”; the synthesis method was used to generalize the typological features of the family legal categories used in the paper; and the analogy method made it possible to identify practical features of ensuring the protection of family values in Russia. The comparative law method allowed studying the foreign experience of protecting family values, which can be used for the development of Russian family legislation. Using the formal legal method, a number of features and specifics of the statutory regulation of the protection of family values were identified. **Results:** despite the lack of normative consolidation, a number of political and legal acts defining the main directions of state family policy, as well as the norms of federal laws containing rules of conduct based on family values and measures of their legal support, are devoted to the protection of family values. It seems advisable to amend Article 1 of the Family Code of the Russian Federation with a new principle dedicated to the protection of family values, which will make it possible to more clearly fix this vector of state policy. The implementation of this principle will take place both through legal means and through the use of economic, political, spiritual, moral, and other ways to influence the behavior of participants in public relations. **Conclusions:** at the moment, the Family Code of the Russian Federation and other laws contain regulatory and protective norms dedicated to the implementation and protection of the family rights of citizens of the Russian Federation. Family values are realized in them by creating conditions for marriage, regulating property relations in the family, determining the grounds and procedure for collecting alimony for children and other family members, and protecting legally free children. The protective norms are devoted to the prohibition of family violence and propaganda of homosexuality, the adoption of measures to curb the evasion of child support payments, etc.

Key words: family values, child, family, state, parents, guarantees, measures of state support, foreign experience.

Citation. Ryzhenkov A. Ya. Protection of Family Values in Russian Law: Questions of Theory and Practice.

Legal Concept = Pravovaya paradigma, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 16-25. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.2>

ЗАЩИТА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Анатолий Яковлевич Рыженков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в настоящий момент в России продолжается развитие концепции традиционных ценностей, в состав которых входят и семейные. Ряд регулятивных и охранительных норм уже направлены на решение этой задачи, что требует доктринального исследования и осмысления. Сохраняется и ряд дискуссионных вопросов, связанных с формированием механизма гарантий для защиты семейных ценностей, включая экономические, политические, а также духовно-нравственные гарантии. **Цель исследования:** раскрыть особенности и возможные направления правового регулирования развития системы семейных ценностей в России. **Методы:** при написании статьи были использованы такие методы, как анализ, позволивший выявить основные признаки понятия «семейные ценности» в соотношении с «традиционными ценностями»; синтез, примененный для обобщения типологических признаков используемых в статье семейно-правовых категорий; метод аналогии, обеспечивший определение практических особенностей обеспечения защиты семейных ценностей в России; сравнительно-правовой метод, посредством которого был изучен зарубежный опыт защиты семейных ценностей, что может быть использовано для развития российского семейного законодательства. С помощью формально-юридического метода был выявлен ряд особенностей и специфика нормативной регламентации защиты семейных ценностей. **Результаты:** несмотря на отсутствие нормативного закрепления, защите семейных ценностей посвящен ряд политико-правовых актов, определяющих основные направления государственной семейной политики, а также норм федеральных законов, содержащих основанные на семейных ценностях правила поведения и меры их юридического обеспечения. Представляется целесообразным дополнить ст. 1 СК РФ новым принципом, посвященным защите семейных ценностей, что позволит более четко нормативно зафиксировать данный вектор государственной политики. Реализация этого принципа будет происходить как с помощью правовых средств, так и путем использования экономических, политических, духовно-нравственных и иных способов воздействия на поведение участников общественных отношений. **Выводы:** в настоящий момент СК РФ и другие законы содержат регулятивные и охранительные нормы, посвященные осуществлению и защите семейных прав граждан РФ. Семейные ценности реализуются в них посредством создания условий для вступления в брак, регламентации имущественных отношений в семье, определению оснований и порядка взимания алиментов на детей и иных членов семьи, защиты детей, оставшихся без попечения родителей. Охранительные нормы направлены на запрет семейного насилия и пропаганды гомосексуализма, принятию мер по пресечению уклонения от уплаты алиментов на содержание детей и т. д.

Ключевые слова: семейные ценности, ребенок, семья, государство, родители, гарантии, меры государственной поддержки, зарубежный опыт.

Цитирование. Рыженков А. Я. Защита семейных ценностей в российском праве: вопросы теории и практики // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 16–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.2>

Введение

Семья является одной из древнейших социальных групп. Она основана на взаимной любви, взаимопомощи, ведении совместного хозяйства, рождении и воспитании детей. В истории было несколько типов семей, моральных и правовых принципов и норм, которые разделяли граждане, и общественное мнение, которое в разном объеме поддерживало

государство. Современные общественные науки именуют систему таких принципов и норм семейными ценностями, отмечая, что они лежат в основе семейной политики государства.

Необходимость проведения государственной семейной политики в России объясняется тем, что в зависимости от перечня поощряемых государством (посредством правовой защиты, выплаты пособий, образова-

тельной, воспитательной работы и т. д.) семейных ценностей, будет происходить формирование целей сотен тысяч семей, организация их быта и экономической деятельности, взаимодействие друг с другом и с органами публичной власти.

Действующее конституционное, семейное, финансовое и иное российское законодательство не дает определения и нормативно не закрепляет элементы и механизм реализации государственной политики по формированию системы семейных ценностей. Тем не менее правовых норм, посвященных этому вопросу, достаточно много, и они могут быть систематизированы и изучены с помощью юридических методов научного познания. При этом следует иметь в виду, что перечень семейных ценностей не может быть определен только правовыми средствами – на их содержание влияет комплекс социальных процессов, не всегда четко опосредуемых правом, включая развитие культуры с возникновением ее новых форм и проявлений; урбанизацию; миграцию; взаимное проникновение ценностей и правил поведения различных народов, проживающих на территории России как многонационального государства и т. д. Исторически для нашей страны гарантией сохранения семейных ценностей выступала так называемая «большая семья», когда несколько поколений крестьян постоянно проживали в одном доме и вели совместное хозяйство, что облегчало процесс передачи знаний и ценностей от одного поколения к другому.

В настоящий момент подобные механизмы (включая контроль старшего поколения за поведением молодежи) утрачены в силу тенденций урбанизации и формирования новой культурной нормы, однако сама эта проблема никуда не исчезла, в связи с чем поиск новых форм и способов защиты семейных ценностей актуален [7, с. 30–31]. Важность участия в этих процессах государства обусловлена тем, что от системы ценностей конкретного человека и малых социальных групп зависит и вектор развития государства: оно может продвигать собственные интересы, обеспечивать реализацию исключительно потребностей граждан или же вести поиск баланса частных и общественных интересов.

Роль права в формировании семейных ценностей: общие положения

Семейные ценности (равно как и большая часть других моральных норм) прямо не регулируются посредством принятия правовых норм. Сложившаяся в обществе система ценностей влияет на содержание национального права опосредованно, создавая предпосылки или отвергая правовые реформы и законопроекты, определяя терминологию и механизмы реализации норм права в государстве, а также условия конкретного толкования его норм. В свою очередь, на ту сферу общественной жизни, которую право все-таки опосредованно регулирует, оказывают влияние политико-правовые акты государства, в которых регламентируются его цели и способы их достижения (применительно к семейной или другой системе ценностей, важной для любого государства).

В части стратегии защиты семейных ценностей наибольший интерес для нас представляют два таких политико-правовых акта. Во-первых, Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Данный указ рассматривает защиту традиционных ценностей как одну из задач в сфере обеспечения национальной безопасности; дает определение традиционным ценностям как нравственным ориентирам, которые передаются от одного поколения к другому и формируют мировоззрение населения страны, лежат в основе национальной идентичности и культурного пространства страны. Они укрепляют гражданское единство, имеющее различные проявления в духовном, историческом и ином развитии народа РФ.

Перечисляет указ и сами традиционные ценности, выделяя жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, крепкую семью, гуманизм, милосердие, справедливость и т. д. Исследование данного перечня традиционных ценностей позволяет сделать вывод о том, что они относятся к самым различным сферам жизни человека и не ограничиваются только одной се-

мьей. Другими словами, семейные ценности – это лишь малая часть традиционных ценностей как более широкой морально-правовой категории. Среди угроз традиционным ценностям мы встречаем в указе и угрозы семейным ценностям (крепкой семье, браку, многодетности), угрозы разрушения семьи в результате пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений; упоминается важность защиты института брака как союза мужчины и женщины.

Во втором важном для темы данного исследования политико-правовом акте – Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р) утверждается важность семьи и традиционных семейных ценностей, необходимость повышения роли семьи и роста семейного благополучия. В документе подчеркивается, что 97 % граждан страны считают семью главной ценностью, а многие поддерживают и идею многопоколенной семьи.

Фиксируются в Концепции и негативные факторы, оказывающие воздействие на состояние семейных ценностей, включая бытовое насилие, уклонение от уплаты алиментов, а также от воспитания несовершеннолетних детей.

Главная же традиционная семейная ценность прямо названа в Концепции – это брак как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах ЗАГС, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью, совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению. Основная часть Концепции посвящена описанию различных социально-экономических мер по поддержке семьи в России.

В Концепции отмечается, что решение задачи по повышению ценности семейного образа жизни предполагает развитие семейных традиций, направленных на укрепление семейной идентичности и сплоченности; сохранение и поддержание взаимосвязи и преемственности между поколениями в семье;

необходимость постоянного проведения через СМИ целенаправленной пропаганды в поддержку традиционных ценностей семьи и брака, морали и нравственности; проведение информационной кампании повышения общественного престижа семейного образа жизни, многодетности и многопоколенной семьи путем создания специальных телевизионных передач и радиопередач.

Из проведенного выше небольшого обзора принятых политико-правовых актов можно сделать вывод о том, что защита семейных ценностей осуществляется не только правовыми средствами, но и с помощью других (главным образом моральных) способов воздействия на состояние общественных отношений. В рамках права многие аспекты семейных ценностей не могут быть урегулированы (любовь, дружба), поскольку право может воздействовать только на внешнюю сторону многих общественных отношений, поэтому в сферу его действия попадают лишь наиболее значимые аспекты семейных отношений.

Право может охранять семейные ценности, способствовать их развитию и внедрению в тех формах, которые государство считает наиболее предпочтительными для общества. Однако императивно создавать семейные или любые другие моральные ценности посредством принятия законов невозможно – это будет носить формальный характер. Другое дело, что право может установить определенные рамки деятельности человека, за пределами которых государство будет считать поведение граждан не просто аморальным, но еще и преступным. Однако роль права в этом вопросе все же не следует преувеличивать.

Сформулированное в политико-правовых актах РФ содержание семейных ценностей еще не систематизировано на нормативном уровне, однако правовые нормы по данному вопросу включены в ряд федеральных законов. Исходя из их анализа, выделим следующие точки пересечения ценностей и права:

1. Федеральный законодатель последовательно проводит политику противодействия пропаганде отрицания традиционных семейных ценностей. Так, за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений (предпочтений), смены пола в ст. 6.21 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность.

2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» определяет в ст. 6 размер материнского капитала: на 1 ребенка 466 617 руб. и на второго (третьего) ребенка 616 617 рублей. Данные меры являются важной экономической гарантией защиты семейных ценностей, способствуют росту рождаемости и решению демографических проблем страны. В перечень экономических гарантий можно включить и другие социальные пособия, выплачиваемые родителям (одному из них), а также финансирование государством организаций для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

3. Наибольшее число «точек пересечения» семейных ценностей и норм права (которые основаны на таких ценностях) мы видим в Семейном кодексе:

– в ст. 12 Семейного кодекса РФ четко определено, что брак может быть заключен только на основе добровольного согласия мужчины и женщины, что полностью исключает возможность вступления в России в однополый брак. В отличие от многих зарубежных стран, где допускаются однополые браки (Дания, Швеция, Норвегия, Исландия, Венгрия, Франция и др.), отношение подавляющего большинства россиян к идее однополых браков отрицательное (как к угрозе семье), что обусловлено приверженностью к традиционным ценностям, исключающим возможность заключения брака лицами одного пола [1];

– право не может гарантировать в семье любовь и согласие, однако устанавливает ответственность в случае неисполнения предписаний СК РФ (когда любовь между супругами исчезла). Это проявляется не только в части охранительных норм (ответственности за домашнее насилие в ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 115 УК РФ), но и в рамках регулятивных правоотношений (нормы СК РФ, посвященные вопросам развода). В последнем случае право старается спасти семью и дать возможность супругам примириться (восстановить нерегулируемое правом чувство любви), предоставляя им трехмесячный срок для этого;

– для защиты традиционных семейных ценностей (брака и семьи) законодатель в ст. 29 СК РФ предусматривает правовые по-

следствия для фиктивного брака, когда граждане зарегистрировали брак без цели создания семьи, а по иным (не являющимся нравственными) причинам (предполагается какой-то корыстный интерес). В этом случае мы видим влияние семейных ценностей на право – законодатель предусматривает возможность признания такого брака судом, если вступившие в брак лица все-таки фактически создали семью;

– отсутствие заботы супругов друг о друге (или детях) влечет не только моральные (осуждение общества), но и четкие правовые последствия, связанные с возникновением алиментных правоотношений (в отношении детей или нетрудоспособных нуждающихся членов семьи), причем допускается и возможность освобождения от этой обязанности одного супруга в отношении другого супруга, например, в случае его «недостойного» поведения (ст. 92 СК РФ);

– если семейные ценности не работают применительно к детям и это проявляется в насилии или ином злоупотреблении родительскими правами, законодатель предусматривает лишение (ограничение) родительских прав.

Дискуссионные проблемы защиты семейных ценностей в России

Несмотря на наличие как политико-правовых, так и нормативно-правовых актов, посвященных защите семейных ценностей, данная проблема ввиду ее сложности и регламентации не только одними средствами права, сохраняет ряд дискуссионных аспектов, требующих дальнейшего обсуждения и решения:

1. Разделяя высказываемую в научной литературе обеспокоенность относительно состояния семейных ценностей, все же замечу, что ряд высказываемых предложений носит слишком радикальный характер. Так, И.И. Семашко предлагает «проводить экспертизу отечественных законодательных актов, регулирующих общественные отношения в сфере выполнения семьей своих функций, на предмет соответствия их содержания нравственным ценностям» [3, с. 84]. На мой взгляд, эта мера будет излишней: понятна задача антикоррупционной экспертизы нормативных актов (для чего есть и необходимый юридический

инструментарий), однако оценивать нормативные акты на предмет их соответствия нравственным ценностям будет в практическом плане весьма затруднительным, создаст почву для злоупотреблений, поскольку семейные ценности любого общества не являются сводом нормативно утвержденных правил с четкими формулировками. Это продукт культуры определенного общества, при этом они носят оценочный характер. Несомненно, нравственные ценности оказывают влияние на содержание федеральных законов, поскольку законы принимают люди, разделяющие ту или иную систему ценностей. Однако в данном случае взаимосвязь морали и права носит опосредованный характер и экспертиза их соответствия вряд ли приведет к желаемому автором результату.

2. Семейные ценности могут иметь специфику у разных народов, проживающих на территории России, но еще больше таких особенностей мы увидим в соседних странах. Например, в Китае слабость систем социального и пенсионного обеспечения привела к тому, что на нормативном уровне закрепляется обязанность заботы родственников о несовершеннолетних и пожилых гражданах. Эти нормы содержатся в законе о браке и законе о защите прав и интересов пожилых людей (последний закрепляет обязанность детей посещать родителей и выплачивать им ежемесячные пособия). Современные ученые видят в этом наследие конфуцианских догм (уважение, иерархия и коллективизм), что создает условия контроля старшего поколения над младшим [4, с. 60]. И хотя прямое заимствование такого опыта едва ли целесообразно, опыт Китая в части заботы младшего поколения о старшем требует внимательного изучения в контексте существующей в России собственной системы семейных ценностей.

3. В настоящее время остается открытым вопрос о том, что следует понимать под семейными ценностями в правовом аспекте. О.Ю. Ситкова, поддерживая упоминание в Конституции РФ семейных ценностей как объекта правовой защиты, полагает, что даже в одном государстве система ценностей (включая семейные) может быть разной. Поэтому прежде, чем ссылаться на общие семейные ценности и традиции, для начала надо опре-

делить, какой смысл мы вкладываем в этот термин. Государство не располагает реальной возможностью сформировать систему удобных ему семейных ценностей [5, с. 146–147].

Т.К. Ростовская полагает, что семейные ценности являются важной составной частью ценностного ядра граждан России. В их основе лежат ментальные архетипы (причем как традиционная (патриархальная) модель семьи, так и западные культурные ценности, включая свободу, равенство прав мужчины и женщины, взаимные личные права и обязанности супругов) [2, с. 49–52].

Ряд авторов проводит классификацию семейных ценностей, различая ценность семьи как института (супружество, родительство и родство) и выделяя выполняемые семьей социальные функции (репродуктивную, социализацию, экономическую, ценность семейного микроклимата, здоровья и т. д.) [6, с. 1–8].

П.А. Якушев формулирует авторское определение традиционных семейных ценностей. Под ними он предлагает понимать нормативные модели должного в семейных отношениях, обеспечивающие выполнение семьей основных функций (демографической, воспитательной, экономической, социально-культурной, хозяйственно-бытовой, первичного социального контроля, социально-статусной, духовной, эмоциональной, досуговой), составляющие нравственную основу семейных отношений и обладающие естественной императивностью для большинства членов общества. Предлагается их следующий перечень: брак как добровольный союз мужчины и женщины; семья как основа общества; материнство, отцовство, детство; забота о детях и о благе ребенка; семейное воспитание детей; построение семейных отношений на основе высоких духовно-нравственных начал и чувств; забота о нетрудоспособных членах семьи; равенство супругов; автономность семейных отношений [8, с. 20–21].

На мой взгляд, семейные ценности являются основной нравственной категорией, определяющей отношения членов семьи друг с другом и с окружающими их людьми. Они лежат в основе всех семейно-правовых институтов, что дает все основания дополнить ими перечень принципов семейного законодатель-

ства, изложенных в СК РФ. Государство не может сформулировать исчерпывающий перечень семейных ценностей (тем более нормативно закрепить его, в чем следует согласиться с О.Ю. Ситковой), однако оно должно определять в основах своей семейной политики общие правила и ориентиры, которые СК РФ и иные правовые акты будут отображать в ограниченном объеме, поскольку право не может регулировать большую часть моральных отношений.

Исходя из этого, целесообразно расширить возможность применения в семейном праве правового обычая, основанного на традиционных семейных ценностях (в том числе присущих лишь отдельным регионам); шире использовать семейные ценности для толкования оценочных правовых категорий; чаще упоминать такие ценности в преамбулах, дефинициях и принципах семейных законов; они могут использоваться при формулировке фикций и презумпций.

4. Сокращение числа аборт. В конце 2023 г. в ряде регионов России начали вводить меры по сокращению числа абортов (прерывания беременности), включая установление запрета частным клиникам на проведение данной операции. Однако ряд представителей медицинской науки обращает внимание на то, что такая мера едва ли даст ожидаемый результат, причем есть риск роста криминальных (незаконных) абортов и ухудшения здоровья женщин. Более эффективной мерой представляется строительство новых перинатальных центров, детских поликлиник, а также увеличение размера пособий на детей¹. Таким образом, по данному вопросу дискуссия должна быть продолжена ввиду необходимости поиска баланса между конкурирующими ценностями.

5. Расширение применения компенсации морального вреда. Под моральным вредом обычно понимаются нравственные или физические страдания, которые были причинены действием (бездействием), посягающим на принадлежащие гражданину нематериальные блага или личные права (жизнь, здоровье, достоинство и т. д.), либо нарушающие имущественные права гражданина.

В настоящий момент продолжается дискуссия о том, в каком объеме компенсация

морального вреда может быть использована в сфере семейных отношений. Большинство ученых склоняется к тому, что необходимо более эффективное применение данного способа защиты семейных прав (и нарушенных семейных ценностей), с учетом лично-доверительного характера отношений в семье. Такие меры предлагается шире применять в случае неисполнения алиментных обязательств, при нарушении прав детей, личных прав супругов, неисполнении предусмотренных законом личных или имущественных прав и обязанностей. Применение такого частноправового способа защиты семейных прав, кроме наличия факта страданий и нарушения личных (имущественных) Четкое нормативное закрепление семейных ценностей в российском законодательстве отсутствует и прежде всего в оценке семейно-правовых связей [9, с. 15]. С данным предложением, на мой взгляд, следует полностью согласиться.

6. К числу традиционных семейных ценностей относится только зарегистрированный брак, что порождает вопрос о том, как следует государству и обществу относиться к весьма популярной среди молодежи модели «гражданского брака» (то есть совместного проживания мужчины и женщины без регистрации брачных отношений в органах ЗАГС). Представляется, что в данном случае мы видим проблему, которая носит, скорее, нравственный характер и решить которую можно только неправовыми средствами – путем популяризации брака через все доступные государству системы информационного взаимодействия с обществом, разработкой экономических стимулов и т. д. Появление таких новых представлений молодежи обусловлено изменением культурной нормы, и здесь государственное-правовое принуждение не имеет смысла.

7. Иногда возникает вопрос о соответствии современных репродуктивных технологий (например, суррогатного материнства) пропагандируемым государством традиционным ценностям. Под суррогатным материнством п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» понимает «вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору о суррогатном

материнстве, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям... и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям». С одной стороны, суррогатная мать отдает рожденного ей ребенка заказчиком по договору (что вызывает вопросы с точки зрения морали); с другой стороны, благодаря этой медицинской процедуре бездетные пары, не имеющие возможности стать родителями, получают такую возможность, реализуя тем самым семейные ценности – материнство и отцовство. На мой взгляд, отношение к данной технологии должно быть положительным, а традиционные семейные ценности не должны исключать научно-технический прогресс в стране, становиться его тормозом.

Вывод

Конституция РФ и СК РФ признают в качестве семейных ценностей семью, материнство, отцовство и детство, которые находятся под защитой государства, однако не содержат их четких юридических формулировок. Несмотря на отсутствие нормативного закрепления, развитию и защите семейных ценностей в России посвящены как политико-правовые акты, определяющие основные направления государственной семейной политики, так и федеральные законы и кодексы, включающие основанные на семейных ценностях правила поведения и меры по их юридической защите. Представляется целесообразным дополнить ст. 1 СК РФ новым принципом, посвященным защите семейных ценностей, что позволило бы более четко нормативно зафиксировать данный вектор государственной политики. Реализация данного принципа будет происходить как с помощью правовых средств, так и путем использования экономических, политических, духовно-нравственных и иных способов воздействия на поведение

участников общественных отношений. Юридически в СК РФ и других федеральных законах содержатся регулятивные и охранительные нормы, посвященные осуществлению и защите семейных прав граждан. Семейные ценности реализуются посредством создания условий для вступления в брак, регламентации имущественных отношений в семье, определению оснований и порядка взимания алиментов на детей и иных членов семьи, защиты детей, оставшихся без попечения родителей. Одной из правовых гарантий достижения этих целей является институт Уполномоченного по правам ребенка в РФ. Охранительные нормы направлены на запрет семейного насилия и пропаганды гомосексуализма, принятие мер по пресечению уклонения от уплаты алиментов на содержание детей или нетрудоспособных членов семьи. Можно выделить и ряд перспективных направлений дальнейшего развития механизма защиты семейных ценностей, например, путем развития института медиации по семейным спорам или создания специализированных семейных судов.

Кроме правовых средств, для поддержания семейных ценностей требуется и ряд общесоциальных гарантий: экономических (выделение бюджетных средств на выплату социальных пособий матерям-одиночкам, многодетным семьям, финансирование различных форм содержания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выплата материнского капитала и т. д.); политических (разработка стратегий и концепций национальной безопасности, включающих защиту семейных ценностей, наличие этого направления в программах политических партий); духовно-нравственных, заключающихся в развитии семейного образования, воспитания и просвещения. Защита семейных ценностей возможна лишь при эффективном применении всех групп гарантий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, А. П. К вопросу о проблеме однополых браков и необходимости их запрета в России / А. П. Анисимов, А. О. Иншакова // Семейный бизнес и LEGALTECH: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности : монография. – М. : Проспект, 2023. – С. 415–419.

2. Ростовская, Т. К. Особенности отношения к семейным ценностям в традиционном российском обществе / Т. К. Ростовская // *Международный академический вестник*. – 2016. – № 4. – С. 49–52.

3. Семашко, И. И. Государственное управление рождаемостью как способ сохранения традиционных семейных ценностей в условиях правовой интеграции государств / И. И. Семашко // *Совершенствование механизма государственного управления в условиях правовой интеграции государств : материалы Междунар. круглого стола*. – Минск : БГУ, 2018. – С. 82–86.

4. Сивинцева, О. Пронаталистский поворот в Китае: возврат к традиционным семейным ценностям или новая реальность? / О. Сивинцева // *Вестник Пермского университета. Политология*. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 54–67.

5. Ситкова, О. Ю. Семья, семейные связи, семейные ценности: проблемы понимания в современных условиях / О. Ю. Ситкова // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2022. – № 4. – С. 142–150.

6. Федулова, А. Б. Семейные ценности и социальное образование молодых родителей в современном обществе / А. Б. Федулова, Е. В. Рыбак // *Арктика и Север*. – 2013. – № 11. – С. 1–8.

7. Черкасская, Г. В. Семейные ценности как фактор социально-экономического развития страны / Г. В. Черкасская // *XX юбилейные Царскосельские чтения : материалы Междунар. науч. конф. Т. 1*. – СПб., 2016. – С. 30–39.

8. Якушев, П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П. А. Якушев. – М., 2021. – 52 с.

9. Яфизова, Э. И. Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. И. Яфизова. – Ульяновск, 2020. – 29 с.

REFERENCES

1. Anisimov A.P., Inshakova A.O. K voprosu o probleme odnopolyh brakov i neobходимости ih zapreta v Rossii [On the Issue of the Problem of Same-Sex Marriages and the Need to Prohibit Them in Russia] *Semejnyj biznes i LEGALTECH: nauchnye resheniya dlya professionalnoj predprinimatelskoj deyatel'nosti: monografiya* [Family Business and LEGALTECH: Scientific Solutions for Professional Entrepreneurship. Monograph]. Moscow, Prospect Publ., 2023, pp. 415-419.

2. Rostovskaya T.K. Osobennosti otnosheniya k semejnym cennostyam v tradicijnom rossijskom obshchestve [Features of the Attitude to Family Values

in Traditional Russian Society]. *Mezhdunarodnyj akademicheskij vestnik* [International Academic Bulletin], 2016, no. 4, pp. 49-52.

3. Semashko I.I. Gosudarstvennoe upravlenie rozhdaemostyu kak sposob sohraneniya tradicijnyh semejnyh cennostej v usloviyah pravovoj integracii gosudarstv [State Birth Control as a Way to Preserve Traditional Family Values in the Context of Legal Integration of States]. *Sovershenstvovanie mekhanizma gosudarstvennogo upravleniya v usloviyah pravovoj integracii gosudarstv: materialy Mezhdunar. kruglogo stola* [Improving the Mechanism of Public Administration in the Context of Legal Integration of States. Proceedings of the International Round Table]. Minsk, BGU, 2018, pp. 82-86.

4. Sivintseva O. Pronatalistskij povorot v Kitae: vozvrat k tradicijnym semejnym cennostyam ili novaya realnost'?' [The Pronatalist Turn in China: A Return to Traditional Family Values or a New Reality?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of the Perm University. Political Science], 2019, vol. 13, no. 3, pp. 54-67.

5. Sitkova O.Yu. Semya, semejnye svyazi, semejnye cennosti: problemy ponimaniya v sovremennyh usloviyah [Family, Family Ties, Family Values: Problems of Understanding in Modern Conditions]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn* [Legal Policy and Legal Life], 2022, no. 4, pp. 142-150.

6. Fedulova A.B., Rybak E.V. Semejnye cennosti i socialnoe obrazovanie molodyh roditelej v sovremennom obshchestve [Family Values and Social Education of Young Parents in Modern Society]. *Arktika i Sever* [Arctic and the North], 2013, no. 11, pp. 1-8.

7. Cherkasskaya G.V. Semejnye cennosti kak faktor socialno-ekonomicheskogo razvitiya strany [Family Values as a Factor of Socio-Economic Development of the Country]. *XX yubilejnye Tsarskoselskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. T. 1* [The 20th Jubilee Tsarskoye Selo Readings. Proceedings of the International Scientific Conference. Vol. 1]. Saint Petersburg, 2016, pp. 30-39.

8. Yakushev P.A. *Tradicionnye cennosti v mekhanizme pravovogo regulirovaniya semejnyh otnoshenij v Rossii i stranah Evropy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Traditional Values in the Mechanism of Legal Regulation of Family Relations in Russia and European Countries. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2021. 52 p.

9. Yafizova E.I. *Chastnopravovaya zashchita semejnyh prav po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Private Law Protection of Family Rights Under the Legislation of the Russian Federation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Ulyanovsk, 2020. 29 p.

Information About the Author

Anatoly Ya. Ryzhenkov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Информация об авторе

Анатолий Яковлевич Рыженков, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.3>

UDC 347.6
LBC 67.404.5

Submitted: 08.05.2024
Accepted: 23.05.2024

THE WAYS TO PROTECT FAMILY VALUES UNDER THE FAMILY LAW LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Natalia I. Baturina

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Nikolay V. Kotelnikov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper presents the results of a comprehensive analysis of the ways provided for by family law legislation to protect family values. The authors of the paper believe that in conditions of strong socio-cultural pressure on Russian society from the globalist movement, the state should develop legal mechanisms that prevent the spread of norms of behavior and pseudo-family values that are alien to domestic society. Exploring the approaches existing in legal science to understanding the category of “family values,” the authors propose to significantly expand the content of this category. The authors of the paper systematize the existing legal ways of protecting family values. **Purpose:** to determine the legal content of the concept of “family values,” to systematize the ways to protect family values, and to evaluate their effectiveness. **Methods:** the main research methods used in the work are dialectical and sociological methods in jurisprudence, providing a comprehensive and complete study of legal ways to protect family values. **Results:** the authors have investigated the problems of using legal methods to protect traditional family values in Russian society. **Conclusions:** as a result of the study, the authors propose the inclusion of a number of prohibitions in the content of family values, such as the inadmissibility of marriage between persons of the same sex, including their actual cohabitation; the inadmissibility of sex change; and the inadmissibility of fictitiousness in the occurrence or termination of family relations. Based on the results of the study, it was found that modern family law in the Russian Federation allows for preserving and protecting traditional values, as well as countering the expansion of family relations alien to Russian society.

Key words: family law, family values, ways to protect family rights, family legal relations, family.

Citation. Baturina N.I., Kotelnikov N.V. The Ways to Protect Family Values Under the Family Law Legislation of the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 26-33. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.3>

УДК 347.6
ББК 67.404.5

Дата поступления статьи: 08.05.2024
Дата принятия статьи: 23.05.2024

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПО СЕМЕЙНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наталья Игоревна Батурина

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Николай Васильевич Котельников

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье изложены результаты комплексного анализа предусмотренных семейным законодательством способов защиты семейных ценностей. Авторы статьи полагают, что в условиях сильного социокультурного давления на российское общество со стороны глобалистского движения государство должно выработать правовые механизмы, препятствующие распространению чуждых для отечественного общества

норм поведения и псевдосемейных ценностей. Исследуя существующие в правовой науке подходы к пониманию категории «семейные ценности», авторы предлагают значительно расширить содержание данной категории. Авторами статьи систематизированы существующие правовые способы защиты семейных ценностей. **Цель:** определить юридическое содержание понятия «семейные ценности», систематизировать способы защиты семейных ценностей и оценить их эффективность. **Методы:** основными методами исследования, примененными в данной работе, являются диалектический и социологический методы в юриспруденции, обеспечивающие всестороннее и полное изучение правовых способов защиты семейных ценностей. **Результаты:** авторами исследована проблема использования правовых способов защиты традиционных для российского общества семейных ценностей. **Выводы:** в результате исследования авторами предлагается включение в содержание семейных ценностей ряда запретов, таких как недопустимость заключения брака между лицами одного и того же пола, в том числе и фактического их сожительства; недопустимость смены пола; недопустимость фиктивности при возникновении или прекращении семейных отношений. На основании результатов исследования установлено, что современное семейное право Российской Федерации позволяет сохранять и защищать традиционные ценности, а также противодействовать экспансии чуждых для российского общества семейных отношений.

Ключевые слова: семейное право, семейные ценности, способы защиты семейных прав, семейные правоотношения, семья.

Цитирование. Батурина Н. И., Котельников Н. В. Способы защиты семейных ценностей по семейному законодательству Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 26–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.3>

Введение

На протяжении многовековой истории семья всегда играла важную роль в жизни государства, со стороны которого, как ранее, так и теперь, на законодательном уровне предпринимались и предпринимаются шаги, направленные на ее укрепление, улучшение условий жизни в ней, недопустимость произвольного вмешательства в семейные дела, установление охранительных и защитных мер, направленных на формирование и поддержку семейных ценностей и традиций. Семья в Российской Федерации рассматривается, как фундамент российского общества, как одна из самых важных ценностей в жизни человека и общества. Сегодня наблюдается положительная динамика в пересмотре обществом представлений о семье, браке, рождении детей, значимости семейных ценностей и традиций, что не могло не отразиться на правовом регулировании такого рода отношений.

Для сохранения обозначенных приоритетов необходимы правовые механизмы, противостоящие чуждым для отечественного общества нормам поведения и квазисемейным ценностям. Основной закон России провозглашает и закрепляет выработанные веками общечеловеческие ценности. К таковым относится приоритетная защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита инсти-

тута брака, как союза мужчины и женщины; создание необходимых условий для достойного воспитания детей, забота о родителях совершеннолетними детьми [3]. Перечисленные конституционные ценности в совокупности могут рассматриваться, как комплексная защита семьи, осуществляемая посредством соответствующих положений Конституции Российской Федерации, внутригосударственного семейного законодательства, верховенство среди которых отводится Семейному кодексу Российской Федерации (далее – СК).

Понятие семейных ценностей

Определение понятия «семейные ценности» не нашло своего отражения в законодательстве советского и российского периодов времени, что породило разнообразие содержания его наполненности на доктринальном уровне. Так, например, понятие «семейные ценности» может быть рассмотрено через призму ядра семейно-правовых отношений, состоящих, по мнению А.М. Нечаевой, из совокупности таких составляющих, как «духовность, нравственных начал человеческого поведения, относящихся к непреходящим ценностям российского общества» [5]. Иного видения рассматриваемой категории придерживается Ю.Ф. Беспалов, представляя ее, как единую систему «постоянно действующих,

многовековых, передаваемых из поколения в поколение, устанавливаемых различными социальными регуляторами основ жизни и деятельности, взаимного общения членов семьи между собой, с другими семьями, обществом и государством в целом» [2, с. 6–8]. В свою очередь П.А. Якушева подходит к пониманию семейных ценностей через «приоритет воспитания ребенка в семье, уважение к старшим, заботу о детях, взаимную любовь и поддержку супругов» [10]. О.А. Шаваева придерживается позиции, что «для большинства людей семейные ценности приблизительно одинаковы: любовь, родительство, верность, доверие, связь с предками, дом» [9, с. 297]. Приведенные определения не являются исчерпывающими, имеют место быть и другие. Так, с учетом современных тенденций, происходящих в мире в области семейных правоотношений, на наш взгляд, целесообразно дополнить перечень того, что определяет семейные ценности в Российской Федерации, еще и рядом запретов, такими как: недопустимость заключения брака между лицами одного и того же пола, в том числе и фактического их сожительства; недопустимость смены пола; недопустимость фиктивности при возникновении или прекращении семейных отношений и иные.

Как видно из предлагаемого разнообразия примеров понятия «семейные ценности», содержащихся в юридической литературе, их объединяет то, что перечисленные компоненты, входящие в содержание такого понятия, в большинстве своем присутствуют в нормах семейного законодательства, с помощью которых устанавливаются единые границы дозволенного поведения в семейных отношениях. Регулирование таких отношений в российском обществе осуществляется с помощью СК и принимаемых на его основе федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации. СК, как ранее было сказано, не содержит нормы, определяющей семейные ценности. Вместе с тем, исходя из его содержания, таковые могут быть условно разделены на три группы – супружество, родство и семейное воспитание детей, каждая из которых является основанием возникновения семьи. Закон исходит из необходимости укрепления семьи и ее благополучия, независимо от того, какой юридический факт послужил ее

образованию. Права граждан в семье обеспечиваются правовыми средствами защиты, устанавливая порядок их осуществления и пределы их реализации, что, в свою очередь, устраняет хаос в таких отношениях, не допуская нарушения прав и законных интересов других членов семьи и граждан не только при реализации прав, но и при исполнении семейных обязанностей. Законодательный подход к построению отношений между членами семьи определяется через чувства взаимной любви и уважения, взаимной помощи друг другу, обеспечение решения беспрепятственного осуществления семейных прав, решение вопросов семьи самостоятельно, без произвольного вмешательства в них кого-либо. При нарушении установленных правил поведения СК предусматривает различные правовые последствия в отношении тех, кто нарушил субъективное право участника семейных отношений. Они могут быть имущественного или неимущественного характера: взыскание алиментов; уменьшение доли при разделе имущества, совместно нажитого супругами, того, кто совершал недобросовестные действия, влекущие к уменьшению общего имущества супругов; расторжение (прекращение) или признание брака недействительным; лишение или ограничение родительских прав; прекращение той или иной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей в силу виновного поведения законного представителя и невозможности приобрести им в последующем такого статуса.

Способы защиты семейных прав и семейных ценностей

СК не конкретизирует в отдельной статье способы защиты семейных прав, а распределяет их в соответствующих своих статьях в зависимости от вида семейных правоотношений, в том числе позволяет применять иные законные способы для восстановления нарушенного семейного права. Из этого следует, что упомянутый закон не содержит разграничений на общие и специальные способы защиты семейных прав, как это характерно для гражданского законодательства, предусматривающего в ст. 12 ГК общие способы защиты гражданских прав. Данный подход за-

конодателя может объясняться тем, что такого рода отношения должны строиться на чувствах взаимной любви, взаимопомощи, уважения и иных подобных чувствах между ее участниками, что не характерно для гражданских правоотношений. Кроме того, следует отметить, что для каждого участника семейных отношений перечисленные параметры построения таких отношений воспринимаются по-разному, что соответственно влечет невозможность применения общих, единых способов защиты семейных прав, а значит требует применения наиболее подходящих способов для конкретного случая.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие общих способов защиты семейных прав, на законодательном уровне предусмотрены компетентные органы, с помощью которых осуществляется воздействие на тех, кто нарушил или посягает на семейные права других членов семьи, игнорируя семейные ценности, определенные политикой российского государства. К таковым относится суд, государственные органы, в том числе орган опеки и попечительства.

Рассмотрим способы защиты семейных прав сквозь категории семейных ценностей, определенных ранее.

Укрепление института брака и семьи относится к приоритетной задаче российского государства, о чем свидетельствуют принимаемые законы и иные нормативные правовые акты в области таких отношений, разрабатываются социальные программы. В рамках правового поля семейные ценности в супружестве проявляются через регистрацию брака в органах записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС), не допуская применения религиозных обрядов. Исключение распространяется только лишь на те браки, которые совершались в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях, входивших в состав СССР до момента восстановления на них органов ЗАГСа. Граждане, вступая в брак на территории России, свободны в выборе своего спутника жизни, нет каких-либо запретов или ограничений, связанных с социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежностью в отношении него. Закон предоставляет супругам равное положение в семье, не наде-

ляя кого-то из них доминирующим положением по отношению к другому, позволяет решать внутрисемейные вопросы по обоюдному согласию, по усмотрению каждого из них выбирать профессию, род занятия, место пребывания и жительства. Несмотря на имеющееся разнообразие дозволений, вступление в брак должно происходить на добровольных началах лиц, вступающих в брак, без совершения понуждения к этому, с целью создания семьи. Заключение брака в российском обществе возможно исключительно только между мужчиной и женщиной, о чем гласят не только положения ст. 12, 27 СК, но и основного закона Российской Федерации (подп. «ж. 1» ст. 72 Конституции РФ), тем самым устанавливая запреты на однополые браки, легализация которых известна большому числу зарубежных стран. Следует отметить, что такого рода ограничение не надо считать «дискриминационным и неконституционным ввиду того, что направлено на сохранение и развитие человеческого рода» [1, с. 2–4].

СК предусматривает условия регистрации брака, нарушение которых порождает правовые последствия в виде признания его недействительным, что, в свою очередь, может быть рассмотрено в качестве защиты семейных ценностей, в том числе и традиций. Так, современное семейное законодательство, как и ранее действовавшее, не допускает регистрацию брака между гражданами, если хотя бы один из них уже наделен статусом супруга. Для российского общества чуждо признавать полигамность в брачных отношениях, лишь моногамность характерна для такого формата семейных отношений. Это основание не является единственным, которое влечет признание брака недействительным, к ним закон относит и иные. Среди них предусматривается запрет на регистрацию брака между лицами, находящимися по восходящей и (или) нисходящей линиям родства, в том числе распространяя его на регистрацию брака между усыновителем и усыновленным, которые с правовой точки зрения приравниваются к родителям и детям. Продолжая рассматривать основания, влекущие признание брака недействительным, следует остановиться на его фиктивности, являющейся наиболее часто встречающимся основанием

в судебной практике. Под фиктивным браком понимается такой брак, регистрация которого была произведена супругами без намерения создания семьи, в том числе если таковую цель преследовал один из них. Процесс доказывания в суде данного факта достаточно проблематичен, необходимо заинтересованному лицу доказать факт того, что, регистрируя брак, супруги или один из них не желал(и) возникновения семейных отношений между ними, характерных для мужа и жены. Наиболее часто встречающимся основанием фиктивного брака является его регистрация между российскими гражданами и мигрантами для легализации последних на территории России. Для предотвращения заключения таких браков ст. 7 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» предусматривает, что регистрация брака между гражданином РФ и лицом, не имеющим такого гражданства, не влечет изменения гражданства у указанных лиц [7]. Кроме того, Государственная Дума Российской Федерации приняла в первом чтении законопроект, направленный на борьбу с такого рода браками, установив двухлетний срок нахождения в браке для получения разрешения на временное проживание в упрощенном порядке.

Продолжая анализировать семейное законодательство в контексте существующих способов защиты семейных ценностей, следует остановиться на основаниях, способствующих прекращению брака. В контексте заявленной темы научной статьи особое внимание привлекает такое основание прекращения брака, как внесение изменений в запись актов гражданского состояния об изменении пола одного из супругов (ст. 16 СК). Такое нововведение, думается, должно было быть принято российским законодательством гораздо ранее, чем это произошло в июле 2023 г., дабы оградить российское общество от пропаганды чуждых для него семейных ценностей. По российскому законодательству не допускалось и не допускается наличие брачных отношений между лицами одной и той же принадлежности, что имело место быть уже в 70-е гг. в Нидерландах. Кроме того, следует отметить, что на территории РФ введен запрет на смену пола, в отличие от стран Европы, легализовавших такую деятельность.

Исключение из правил в России составляют случаи, когда по медицинским показаниям необходимо соответствующее вмешательство, обоснованное наличием врожденных аномалий, генетических и эндокринных заболеваний, связанных с нарушением формирования половых органов именно у детей, а не у взрослого человека (ст. 45.1 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8]). Нововведение, предусмотренное ст. 16 СК, следует рассматривать, как способ защиты семейных ценностей, поскольку в современных реалиях не исключена вероятность того, что граждане, зарегистрировавшие брак на территории Российской Федерации, не прибегнут к медицинским манипуляциям по смене пола на территории иностранного государства, где таковые запреты считаются нормой и урегулированы на законодательном уровне. Так, например, в Германии с 1 ноября 2024 г. начнет действовать Закон о самоопределении, позволяющий жителям страны менять их гендерную принадлежность с периодичностью раз в год. Для этого совершеннолетнему лицу достаточно подать заявление в ЗАГС, которое в течение трех месяцев может быть им отозвано при изменении решения о смене пола. Те же, кто не достигли восемнадцати лет, но достигли четырнадцати лет, смогут подать заявление с разрешения их законных представителей, которые могут быть и непосредственными заявителями, если речь идет о детях в возрасте младше четырнадцати лет [4].

Правовой статус члена семьи приобретает не только в результате свойственных отношений, основанных на браке, но и на основании родства, занимающего центральное место среди юридических фактов, порождающих семейные правоотношения. Семейное законодательство предусматривает ряд норм, положения которых направлены на урегулирование отношений в русле укрепления семейных уз, недопустимости разъединения кровных родственников и установления контактов между ними. В соответствии с положениями ст. 55 СК ребенок имеет право на общение не только с родителями, независимо от того, состоят они в браке или нет, проживают вместе или раздельно, но и с иными родственниками по линии близкого (полнородные и неполнород-

ные братья и сестры, дедушки, бабушки) и дальнего родства. Законодательное закрепление такого неимущественного права ребенка не случайно, поскольку именно в семье своих кровных родственников он получает воспитание, всестороннее развитие и именно с помощью перечисленных лиц происходит его первоначальное становление как личности, закладываются и прививаются традиции семьи, основанные на общеустановленных семейных ценностях в обществе. Следует отметить, что административное законодательство предусматривает наступление ответственности в отношении родителей и иных законных представителей, которые препятствуют в таком общении ребенку без уважительных на то причин, выражающейся в штрафных санкциях (ст. 5.35 КоАП РФ). СК предусматривает урегулирование вопросов общения ребенка с родителем, отдельно проживающим от него, и иными родственниками с помощью заключения соглашения о порядке такого общения. При не достижении соглашения между перечисленными лицами вопрос решается в судебном порядке с обязательным привлечением органа опеки и попечительства. Злостное невыполнение судебного решения одним из родителей о порядке общения ребенка с другим родителем, отдельно проживающим от него, влечет передачу ребенка ему исходя из интересов последнего и с учетом его мнения.

Приведенные положения семейного законодательства, ориентированные на укрепление семьи, не являются единственными в своем роде. Это подтверждает положение п. 3 ст. 124 СК, не допускающее осуществления разными лицами усыновления братьев и сестер. Законодатель нацелен сохранить юридические и фактические отношения между близкими друг для друга людьми. Исключение составляют те случаи, когда дети не знают о существовании родственных отношений между ними; проживали и воспитывались раздельно друг от друга; находились на воспитании в разных организациях для детей-сирот; состояние здоровья одного из них требует постоянного стационарного ухода [10]. Запрет на разъединение братьев и сестер не допускается и при их передаче под опеку или попечительство, в том числе в приемную семью.

Семейное законодательство отводит приоритет в воспитании ребенка его родителям. Вместе с тем не допускает осуществление ими своих прав в противоречии с его интересами, делая акцент на том, что это является предметом основной заботы. При неисполнении родителями возложенных на них обязанностей, недостойном и аморальном поведении закон предусматривает лишение родительских прав. На данный момент основания, влекущие лишение родительских прав, содержатся в ст. 69 СК. Вместе с тем в контексте защиты семейных ценностей целесообразно расширить имеющийся перечень, дополнив положения упомянутой статьи таким основанием, как смена пола. Следует отметить, что такое основание, предусматривающее прекращение семейных отношений, не является новым для семейного законодательства. Как ранее было отмечено, это ст. 16 СК. Кроме того, закон предусматривает запрет на установление усыновления, опеки или попечительства лицам, изменившим свою гендерную принадлежность. Исходя из этого обозначенное выше основание для лишения родительских прав закреплено на законодательном уровне и может быть рассмотрено, как способ защиты семейных ценностей в части взаимоотношений родителей и детей.

Под особой защитой государства находятся дети, оставшиеся без попечения родителей. Для этого определен законодательный порядок выявления и устройства таких детей, предусмотрены формы их устройства, выбор которых производится исходя из интересов ребенка, проведение последующего контроля за условиями их содержания, воспитания и образования. Приоритетным среди форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление (удочерение) ребенка, поскольку с правовой точки зрения приравнивается к отношениям между родителями и детьми. Такие формы устройства детей, как опека (попечительство), приемная семья, носят временный характер, поскольку период нахождения ребенка в семьях опекунов (попечителей, приемных родителей) не может превышать достижения им совершеннолетия или приобретения им полной дееспособности до восемнадцати лет. Несмотря на имеющиеся различия, обозначенные формы

устройства детей, оставшихся без попечения родителей, позволяют детям приобрести семью, получить любовь, заботу, внимание и воспитание. Сегодня наблюдается тенденция увеличения численности детей, переданных на воспитание в семьи граждан, что не может не отразиться на «качестве» подрастающего поколения, формировании духовно-нравственных, этических ценностей. СК ориентирован на семейное воспитание детей, что в очередной раз подчеркивает значимость и необходимость семьи для общества и государства.

Выводы

Используемая в Конституции Российской Федерации категория «семейные ценности» не имеет легального определения, хотя на сегодняшний день потребность в ее использовании есть. На данный момент существует потребность в механизме защиты не только отдельных субъективных прав, а всей системы семейных отношений, которую можно определять с помощью предложенного юридического понятия.

Также следует отметить, что семейное законодательство содержит не только меры воздействия на участников семейных правоотношений, совершающих действия, не отвечающие традиционно сложившимся правилам поведения в семье, но и меры, которые выполняют предупредительные, профилактические функции, направленные на преодоление чуждых для российского общества «правил» поведения, тем самым не давая свернуть с правильного вектора, установленного Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астапова, Т. Ю. Традиционные семейные ценности как направление совершенствования семейного законодательства / Т. Ю. Астапова // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 3. – С. 2–4. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=CJI&=149135>
2. Беспалов, Ю. Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации / Ю. Ф. Беспалов // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 5. – С. 6–8. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=CJI&n=117601>

3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=LAW&=346019>

4. МИД России оценили решение Германии разрешить «менять пол» раз в год. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/04/15/22790114.shtml>

5. Нечаева, А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики / А. М. Нечаева. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 280 с. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=CMB&n=15916>

6. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей». – URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=LAW&=155922>

7. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 №138-ФЗ (последняя редакция). – URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=LAW&=452902>

8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=LAW&=454998>

9. Шаваева, О. А. Семейные ценности как объект социально-философского анализа / О. А. Шаваева // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 96 (02). – С. 297–308. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-kak-obekt-sotsialno-filosofskogo-analiza>

10. Якушев, П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика / П. А. Якушев. – М. : Проспект, 2018. – 144 с. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=CJMB&n=117601>

REFERENCES

1. Astapova T.Yu. Traditsionnyye semeynyye tsennosti kak napravleniye sovershenstvovaniya semeynogo zakonodatelstva [Traditional Family Values as a Direction for Improving Family Legislation]. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo* [Family and Housing Law], 2023, no. 3, pp. 2-4. URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=CJI&=149135>

2. Bepalov Yu.F. K voprosu o semeynykh tsennostyakh v Rossiyskoy Federatsii [On the Issue of Family Values in the Russian Federation]. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo* [Family and Housing Law], 2018, no. 5, pp. 6-8. URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=CJI&n=117601>

3. *Zakon RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i*

funktsionirovaniya publichnoy vlasti» [Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation Dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power”]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=LAW&=346019>

4. *MID Rossii otsenili resheniye Germanii razreshit «menyat pol» raz v god* [The Russian Foreign Ministry Appreciated Germany’s Decision to Allow “Gender Changes” Once a Year]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/04/15/22790114.shtml>

5. Nechaeva A.M. *Semeynoye pravo: aktualnyye problemy teorii i praktiki* [Family Law: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, Yurayt-Izdat Publ., 2007. 280 p. URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=CMB&n=15916>

6. *Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 20.04.2006 № 8 (red. ot 17.12.2013) «O primeneniі sudami zakonodatelstva pri rassmotrenii del ob usynovlenii (udocherenii) detey»* [Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated April 20, 2006 No. 8 (As Amended on December 17, 2013) “On the Application of Legislation by Courts When Considering Cases of Adoption of Children”]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=LAW&=155922>

7. *Federalnyy zakon «O grazhdanstve Rossiyskoy Federatsii» ot 28.04.2023 № 138-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law “On Citizenship of the Russian Federation” Dated April 28, 2023 No. 138-FZ (Latest Edition)]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=LAW&=452902>

8. *Federalnyy zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 25.12.2023) «Ob osnovakh okhrany zdorovia grazhdan v Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ (As Amended on December 25, 2023) “On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation”]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=LAW&=454998>

9. Shavaeva O.A. *Semeynyye tsennosti kak obyekt sotsialno-filosofskogo analiza* [Family Values as an Object of Social and Philosophical Analysis]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU* [Scientific Journal of KubSAU], 2014, no. 96 (02), pp. 297-308. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-kak-obyekt-sotsialno-filosofskogo-analiza>

10. Yakushev P.A. *Spory o detyakh: traditsionnyye tsennosti i sudebnaya praktika* [Disputes About Children: Traditional Values and Judicial Practice]. Moscow, Prospect Publ., 2018. 144 p. URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=CJMB&n=117601>

Information About the Authors

Natalia I. Baturina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, nataliya_baturina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4306-2749>

Nikolay V. Kotelnikov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, kotelnikov2612@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5134-5699>

Информация об авторах

Наталья Игоревна Батурина, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, nataliya_baturina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4306-2749>

Николай Васильевич Котельников, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, kotelnikov2612@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5134-5699>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.4>

UDC 347.626
LBC 67.404.5

Submitted: 21.04.2024
Accepted: 13.05.2024

PROSPECTS FOR THE LEGAL REGULATION OF PROPERTY RELATIONS BETWEEN SPOUSES WHEN CONCLUDING A MARRIAGE CONTRACT USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Natalia V. Kvitsinia

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the study of the content of the conditions for concluding a marriage contract as an effective tool for resolving property disputes in the family. The possibility of concluding a marriage contract in electronic form is analyzed. The debatable issue of regulating the personal non-property rights of spouses under a marriage contract is also investigated. The **purpose** of the study is to identify the main directions for the development of the institution of a marriage contract using digital technologies and to determine their impact on the stability of the economy and civil circulation. **Methods:** the research is based on specific scientific legal techniques – dogmatic, legal-technical, method of interpretation of law, state-legal modeling, comparative law method – that allow for the formation of a scientifically based structure for the legal development of digital technologies in regulating the institution of a marriage contract in the context of international integration. **Results:** it is proved that 1) the digitalization of the economy affects the regulation of marital and family relations; 2) the marriage contract has a contradictory nature: on the one hand, it helps to strengthen the family; on the other hand, it can also be a factor destabilizing civil circulation. **Conclusions:** the current family legislation does not contain any direct prohibition on the use of electronic means when concluding family law contracts; therefore, the confirmation of the conditions when signing a marriage contract in electronic form is not only possible but will also speed up and simplify the process of concluding it for spouses (future spouses). If any economic or technological innovations can potentially contribute to strengthening rights and freedoms in the family, as well as strengthening their protection, then it is necessary to consolidate such means of protection at the legislative level, in particular, to allow the possibility of concluding a marriage contract in electronic form.

Key words: digital economy, marriage contract, family legislation, electronic form of contract, marital property, family relations.

Citation. Matytsin D.E., Kvitsinia N.V. Prospects for the Legal Regulation of Property Relations Between Spouses when Concluding a Marriage Contract Using Digital Technologies. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 34-41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.4>

УДК 347.626
ББК 67.404.5

Дата поступления статьи: 21.04.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Вячеславовна Квициния

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена исследованию содержания условий заключения брачного договора как эффективного инструмента разрешения имущественных споров в семье. Анализируется возможность заключения брачного договора в электронной форме. Исследован и дискуссионный вопрос о регулировании брачным договором личных неимущественных прав супругов. **Целью** исследования является выявление основных направлений развития института брачного договора с применением цифровых технологий и определение их влияния на стабильность экономики и гражданского оборота. **Методы:** в основе проведенного исследования лежат частнонаучные юридические методы – догматический, юридико-технический, метод толкования права, государственно-правового моделирования, сравнительно-правовой метод, которые позволяют сформировать научно обоснованную структуру правового развития цифровых технологий при регулировании института брачного договора в условиях международной интеграции. **Результаты:** доказано, что, во-первых, цифровизация экономики влияет на регулирование брачно-семейных правоотношений; во-вторых, брачный договор имеет противоречивую природу: с одной стороны, способствует укреплению семьи, с другой – может являться фактором, дестабилизирующим гражданский оборот. **Выводы:** действующее семейное законодательство не содержит какого-либо прямого запрета на использование электронных средств при заключении семейно-правовых договоров, поэтому подтверждение условий при подписании брачного договора в электронной форме не только возможно, но и позволит ускорить и упростить для супругов (будущих супругов) процесс его заключения. Если какие-либо экономические или технологические новшества потенциально могут способствовать укреплению прав и свобод в семье, а также усилить их защиту, то на законодательном уровне необходимо закрепить такие средства защиты, в частности допустить возможность заключения брачного договора в электронной форме.

Ключевые слова: цифровая экономика, брачный договор, семейное законодательство, электронная форма договора, имущество супругов, семейные отношения.

Цитирование. Матыцин Д. Е., Квициния Н. В. Перспективы правового регулирования имущественных отношений супругов при заключении брачного договора с применением цифровых технологий // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 34–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.4>

Введение

Современный мир характеризуется активным развитием всех отраслей жизнедеятельности человека, и особенно стремительно развиваются цифровые технологии. Современные цифровые технологии начинают диктовать свои условия, к которым необходимо адаптировать правовые институты, в том числе институты гражданского и семейного права [7, с. 26]. Как обоснованно указывает Э.В. Талапина, «на современном этапе невозможно ограничиться лишь констатацией воздействия технологического фактора на общественные отношения – цифровые технологии преобразовывают устоявшиеся государственные и общественные институты» [15, с. 6]. Безусловно, внедрение в гражданский оборот всевозможных технологических новшеств приносит ему множество различных благ в виде экономии времени и ресурсов, переноса типовых обязанностей с человека на машины и т. п. Однако юридические аспекты внедрения та-

ких новшеств на текущий момент изучены достаточно слабо, что нередко приводит к различным убыткам для участников гражданского оборота. Эти убытки могут выражаться как в форме потерь от коммерческого шпионажа или хакерских атак на компанию, так и несовершенства механизмов заключения сделок с использованием электронных средств коммуникации.

Цифровизация как мировой, так и российской экономики существенно влияет на все аспекты жизни современного человека, в том числе и на самые личные правоотношения – семейные.

Семейные правоотношения являются для законодателя одним из самых сложных предметов правового регулирования, поскольку, с одной стороны, общество, государство и гражданский оборот заинтересованы в благополучии и стабильности института семьи, но, с другой стороны, законодатель четко регулирует лишь имущественные отношения членов семьи, оставляя неимущественные отно-

шения для регулирования самим супругам, исходя из их нравственных, моральных и (или) религиозных представлений. «Имущественные отношения между членами семьи могут оказывать существенное влияние не только на настоящее и будущее самой семьи, но и на мировой рынок в целом» [11, с. 38].

Данный момент является весьма понятным, поскольку в соответствии со ст. 13 Конституции РФ в стране запрещена любая государственная идеология, а ст. 28 Основного закона признает свободу совести и вероисповедания, в связи с чем любые попытки государства урегулировать неимущественные отношения супругов будут незаконными и противоречить требованиям Конституции РФ.

Регулятором имущественных отношений в семье издревле являются договоры. В большинстве современных цивилизованных стран брачный договор представляет собой самый распространенный инструмент для регулирования практически всех сфер семейной жизни, причем касающихся не только имущественных, но и личных неимущественных правоотношений, так как «договориться о разделе нажитого еще до вступления в брак, по мнению юристов, – это наиболее безболезненный способ решить возможные имущественные споры» [2, с. 43]. Однако следует отметить крайне низкий процент использования столь эффективного инструмента в нашей стране, что вызывает беспокойство не только с точки зрения стабилизации самого брачного правоотношения, но и с точки зрения устойчивости гражданского оборота в целом [8, с. 51].

Заключить брачный договор могут несколько категорий граждан: супруги, находящиеся в браке, и лица, желающие вступить в брак (дееспособные, достигшие брачного возраста или получившие разрешение несовершеннолетние). Однако стоит заметить, что в соответствии с п. 1 ст. 42 СК РФ [13, с. 16] брачный договор действует только на супругов, а про граждан, желающих вступить в брак, в данной норме нет упоминания. Вызвано это тем, что брачный договор вступает в силу только с момента государственной регистрации брака. Следует учитывать особенность субъектного состава брачного договора, где право его заключения имеют как супруги, состоящие в зарегистрированном браке, так и

лица, только вступающие в брак, при этом последняя категория в законе не определена [14, с. 25].

Итак, брачный договор имеет ряд признаков, к которым относится и субъектный состав. Во-первых, лица, которые вступают в брак. Во-вторых, лица, находящиеся в браке (супруги), и в этой части можно согласиться с мнением ряда авторов, которые подобные брачные договоры рассматривают в качестве сделки, заключенной под оглачительным условием [1, с. 26]. В-третьих, бывшие супруги, по отношению к которым действует брачный договор. В-четвертых, иностранный элемент. В соответствии с п. 2 ст. 161 СК РФ при заключении брачного договора супруги, которые не имеют общего гражданства, могут выбрать законодательство той или иной страны для определения их имущественных прав и обязанностей. В других случаях применяется российское законодательство. При этом следует учесть, что если возникает противоречие между выбранным законодательством иностранного государства и российским законодательством, то в соответствии со ст. 167 СК РФ его применение ограничивается.

Противоречивая природа брачного договора

Предметом брачного договора по российскому законодательству не могут быть неимущественные отношения и воспитание детей. В Республике Беларусь допускается регулирование брачным договором как имущественных, так и личных неимущественных прав [9, с. 300], аналогичные нормы содержатся в законодательстве Казахстана [10], Франции [17, с. 40], Италии [16, с. 39], Испании [4], в связи с чем заключенный брачный договор по иностранному законодательству, предусматривающий такое содержание, не будет применяться на территории России, так как характерной особенностью брачного договора в российском законодательстве, в отличие от зарубежных стран, является тот факт, что он регулирует только имущественные отношения.

Супруги могут изменять законный режим имущества как на период брака, так и после его расторжения. При этом большинство ав-

торов склоняются видеть в нем разновидность гражданско-правовой сделки, выделяя особый состав субъектов, содержание и предмет [3].

Безусловно, одной из функций брачного договора является избежание разводов, которые связаны с имущественными спорами, поскольку изначальное определение прав и обязанностей имеет положительное влияние на развитие семейных отношений. С другой стороны, немаловажной функцией брачного договора, а особенно в отношении бывших супругов, является избежание имущественных споров после расторжения брака.

Однако современная юридическая наука зачастую не учитывает, что брачный договор влияет не только на правоотношения между супругами, бывшими супругами и лицами, только собирающимися вступить в брак, но оказывает самое непосредственное влияние на гражданский оборот в целом.

Это связано с тем, что брачный договор может заключаться не только в отношении имеющегося к моменту его заключения имущества супругов, но и в отношении имущества, которое будет приобретено как вместе, так и индивидуально в будущем. При этом в соответствии с п. 1 ст. 42 СК РФ супруги определяют в брачном договоре объем прав и обязанностей по всем вопросам, в частности: участия в доходах друг друга; несения расходов по содержанию имущества; раздела и пользования имуществом; другим вопросам имущественного характера, не указанным в законодательной норме.

Однако в данной части сразу наблюдается правовая коллизия, существенно дестабилизирующая гражданский оборот. К примеру, в соответствии со ст. 3 СК РФ к семейным отношениям гражданское законодательство применимо, если оно не противоречит сути семейных отношений. Тем не менее в ст. 40, 41, 42 СК РФ ничего не говорится о прекращении брака, то есть о действии брачного договора по факту смерти одного из супругов либо признания одного из них умершим, то есть ничего не сказано о закреплении наследования, на что справедливо указывает Л.М. Пчелинцева [12].

Указанная правовая коллизия с точки зрения устойчивости гражданского оборота приводит к тому, что правоприменительная

практика вынуждена самостоятельно искать правовое решение в каждом отдельном случае смерти одного из супругов, заключивших брачный договор, и, соответственно, такая практика крайне неоднородна и противоречива. Безусловно, в настоящее время возможно выделить наиболее часто встречающиеся в практике подходы, однако факт того, что такая практика не имеет единого ориентира, приводит к неуверенности участников гражданского оборота в своих контрагентах. Так, если между супругами заключен брачный договор, то сам этот факт, например, существенно влияет как на возможность получить кредит в банке, так и на размер процентной ставки. Это обусловлено тем, что при наличии брачного договора у банка возникают дополнительные риски как касательно признания кредитного договора недействительным, так и по вопросу относительно платежеспособности заемщика, ведь раскрывать содержание брачного договора для заемщика обязательно.

В данной связи существуют и иные факторы, дестабилизирующие гражданский оборот, а именно существуют неразрешенные в законодательстве вопросы о действительности брачного договора после смерти супруга. Особенно остро данный вопрос касается случаев, когда стороны в брачном соглашении предусмотрели элементы, фактически регулирующие наследственные правоотношения, так как действующее гражданское законодательство содержит универсальный запрет на возможность изменения порядка наследования по закону не иначе, как путем составления завещания или подписания наследственного договора. В данном случае переживший супруг может лишиться того, на что вправе был рассчитывать, если бы брачный договор безоговорочно сохранял свою юридическую силу во всех случаях, в том числе и после смерти одного из супругов, и в случае, если такое соглашение содержит элементы, регулирующие наследственные правоотношения. По нашему мнению, такая ситуация влияет не только на самих супругов как участников гражданского оборота, но и на их контрагентов, то есть на гражданский оборот в целом.

Вероятно, данный фактор также не способствует распространению брачного догово-

ра в российском обществе как мощного инструмента по регулированию семейных правоотношений.

Расторжение имущественных договоров является актуальной проблемой не только для правоприменительной практики, но также и для развития правовой науки в целом.

Некоторые авторы считают, что имущественные соглашения между супругами являются двусторонними сделками, а поэтому регулируются в большей степени нормами гражданского законодательства [5, с. 57]. А основания изменения, расторжения и прекращения таких договоров идентичны с порядком оспаривания других сделок и выполняются путем подачи исковых заявлений от супругов либо от прочих заинтересованных лиц и рассмотрения дела в суде.

Так, сторонники применения гражданского законодательства ссылаются на ст. 4 СК РФ, которой предусмотрено, что к семейным отношениям, не урегулированным семейным законодательством, применяются гражданско-правовые нормы, если они не противоречат сути семейных отношений.

Следует отметить и тот факт, что семейным законодательством установлено лишь два типа договоров, предусматривающих регулирование имущественных отношений, а именно: брачный договор, в соответствии со ст. 43, 44 СК РФ, и алиментное соглашение, предусмотренное ст. 101, 102 СК РФ.

При этом законодатель в силу экономических, культурных и иных различий российского общества предлагает сторонам договоров при решении столь пикантного вопроса самим предусматривать условия раздела, изменения объема имущественных прав и обязанностей, а также порядок изменения, расторжения и признания данных договоров недействительными.

Безусловно, брачный договор как таковой является сильным инструментом, позволяющим как заранее оградить каждого из супругов от споров по разделу совместно нажитого имущества, так и снижающим остроту семейно-бытовых ссор по вопросу пользования и распоряжения таким имуществом, то есть способствует укреплению семьи.

Однако, с другой стороны, брачный договор, как указывалось выше, может являться и

фактором, дестабилизирующим гражданский оборот, так как он может быть умышленно или неосторожно использоваться для признания сделок недействительными, причем как сделок, совершенных лично от своего имени одним из супругов, так и сделок, совершенных таким супругом от имени его юридического лица.

Рассмотрим данный вопрос на следующем примере. Супруги заключили брачный договор, согласно которому 50 % недвижимого имущества юридического лица, владельцем которого является один из супругов, при расторжении брака подлежит передаче в собственность другому супругу, а для обеспечения данного права первый супруг обязан получить согласие второго на совершение сделок или действий, влекущих или могущих повлечь уменьшение действительной стоимости такого имущества на момент заключения брачного договора, при этом он свободен в распоряжении этим имуществом любым иным образом.

В рассматриваемом примере явствует, что такое условие защищает права и законные интересы второго супруга, но, с другой стороны, может повлечь серьезные убытки для контрагентов такого юридического лица в виду следующего:

- в соответствии с действующим законодательством первый супруг может не сообщить покупателю такой недвижимости не только о наличии такого условия в брачном договоре, но и о самом факте его заключения, даже при условии, что это может повлечь негативные последствия лично для него;

- когда второй супруг узнает, что первый совершил сделку по продаже его доли в недвижимом имуществе юридического лица, то он будет вправе заявить в суд иск о признании сделки купли-продажи недействительной по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 166 ГК РФ, при этом суд с огромной долей вероятности удовлетворит такой иск;

- в случае, если такая сделка будет признана недействительной, покупатель, безусловно, будет вправе заявить самостоятельный иск о возврате неосновательного обогащения, однако он затратит значительные силы и время на то, чтобы получить назад свои деньги, при этом в случае, если один или оба супруга действовали целенаправленно или в сговоре, покупатель может вообще не получить их на-

зад (например, если юридическое лицо впоследствии признают банкротом).

В рассмотренном примере покупатель, с учетом действующего гражданско-правового регулирования, не может быть заведомо защищен никакими правовыми средствами и мерами предосторожности, так как в силу ст. 35 СК РФ получение согласия второго супруга на совершение сделки требуется только в том случае, если речь идет о распоряжении общим имуществом самих супругов, но не имуществом юридического лица, которым владеет один из них, то есть если бы речь шла о продаже акций или доли в ООО самого юридического лица, то такое согласие потребовалось бы, однако для распоряжения имуществом самого юридического лица оно не требуется.

Вышеописанная проблема, на наш взгляд, может быть разрешена именно с использованием современных цифровых технологий. Полагаем, возможно создать специальный реестр учета брачных договоров, который содержал бы в себе ряд важной для гражданского оборота информации и был бы в открытом доступе. По нашему мнению, в открытом доступе должна быть размещена следующая информация:

- фамилия, имя, отчество, дата рождения и идентификационный номер налогоплательщика либо сведения об ином идентифицирующем каждого из супругов (будущих супругов) документе;
- дата и место заключения брачного договора;
- сведения о нотариусе, удостоверившем брачный договор;
- сведения о том, могут ли условия брачного договора повлиять на правоотношения одного из супругов с третьими лицами, при этом содержание брачного договора раскрытию не подлежит.

Мы полагаем, что введение такой нормы позволит обезопасить не только профессиональных участников гражданского оборота, но и в целом устранить дестабилизирующие свойства института брачного договора, влияющие на этот оборот.

Как указывалось ранее, в субъектный состав брачного договора может входить и иностранный элемент, при этом в данном случае нас интересует не то, право какой страны

подлежит применению к заключенному брачному договору, а сам порядок его заключения.

Данный вопрос особенно актуален как с учетом стремительного «размытия» государственных границ, позволяющего гражданам разных государств вступать в брак, так и на фоне быстрого развития современных цифровых технологий, которые нивелируют для супругов, проживающих в разных государствах, последствия раздельного проживания, позволяя свободно общаться в режиме онлайн.

Выводы

1. Действующее семейное законодательство не содержит какого-либо прямого запрета на использование электронных средств при заключении семейно-правовых договоров, однако особую сложность представляет то, что каждый такой договор подлежит нотариальному удостоверению. Заключение брачного договора в электронной форме не только позволит ускорить и упростить для супругов (будущих супругов) процесс его заключения, а также способствует его подписанию даже в ситуации, когда стороны находятся на значительном территориальном удалении друг от друга, а обстоятельства требуют его оформления.

2. В соответствии с действующим российским законодательством брачный договор требует нотариального удостоверения, в связи с чем возможность его заключения ставится в зависимость от изъявления в присутствии нотариуса доброй воли на его заключение каждым из супругов, а учитывая, что даже просто бумажные документы, заверенные нотариусом другого государства, не всегда признаются и исполняются в современной правоприменительной практике, возможность удостоверения брачного договора одновременно нотариусами двух разных государств представляется сомнительным. Тем не менее мы выражаем надежду на то, что в скором времени ситуация изменится и супруги, являющиеся гражданами разных государств, получат возможность заключать брачный договор в электронной форме.

3. В соответствии с ч. 4 ст. 339.1 ГК РФ залог движимого имущества подлежит учету в специально созданном реестре о залоге движимого имущества, который ведется в соот-

ветствии с законодательством РФ о нотариате. Факт передачи движимого имущества в залог подлежит нотариальному учету в специально созданном реестре, доступ к которому имеет любое лицо круглосуточно и непрерывно, то есть, приобретая в собственность движимую вещь, покупатель имеет объективную возможность проверить факт передачи данной вещи в залог, обезопасив себя тем самым от возможного изъятия в будущем этой вещи в порядке ст. 348 ГК РФ [6, с. 6]. На наш взгляд, аналогичным образом возможно создать специальный реестр учета брачных договоров, который содержал бы в себе ряд важной для гражданского оборота информации и был бы в открытом доступе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, И. Ю. Брачный договор: проблемы реализации / И. Ю. Акимова // *Нотариус*. – 2016. – № 8. – С. 26–29.
2. Альбикив, И. Р. Роль и значение брачного договора в правозащитной деятельности нотариата / И. Р. Альбикив // *Нотариус*. – 2017. – № 5. – С. 43–45.
3. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2020. – 845 с.
4. Гражданский кодекс Испании от 24.07.1889. – URL: <https://www.conceptosjuridicos.com/codigo-civil/>
5. Иванова, Е. В. Брачный договор как гражданско-правовая сделка / Е. В. Иванова, Н. В. Перепелкина, Н. В. Семенова // *Oeconomia et Jus*. – 2022. – № 4. – С. 57–62. – DOI: 10.47026/2499-9636-2022-4-57-62
6. Иншакова, А. О. Особенности правового развития обязательственных правоотношений в современной России / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 6–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.1>
7. Карцхия, А. А. Цифровая трансформация права / А. А. Карцхия // *Мониторинг правоприменения*. – 2019. – № 1. – С. 25–29.
8. Квициния, Н. В. Перспективы развития договора эскроу в России / Н. В. Квициния // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 51–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.6>
9. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (с изм. от 17.07.2023 № 300-З). – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278>
10. Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2011 № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» (с изм. и

доп. от 01.01.2024). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748

11. Ралько, В. В. Нотариальное удостоверение семейных соглашений на примере брачного договора / В. В. Ралько, В. В. Ралько // *Судья*. – 2017. – № 6. – С. 38–42.
12. Семейное право: учебник и практикум для вузов / Л. М. Пчелинцева [и др.]; под общ. ред. Л. В. Цитович. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 291 с.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – 1 янв. (№ 1). – Ст. 16.
14. Степкин, С. П. Правовая природа брачного договора / С. П. Степкин // *Семейное и жилищное право*. – 2018. – № 2. – С. 25–28.
15. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // *Журнал российского права*. – 2018. – № 2. – С. 5–17.
16. Шляпникова, Д. М. Актуальные вопросы заключения брачного договора, осложненного иностранным элементом / Д. М. Шляпникова // *Нотариальный вестник*. – 2022. – № 11. – С. 39–47.
17. Ярмонова, Е. Н. Развитие брачно-семейного законодательства во Франции после принятия Французского гражданского кодекса 1804 г. / Е. Н. Ярмонова // *Вопросы современной юриспруденции*. – 2015. – № 53. – С. 40–44.

REFERENCES

1. Akimova I.Yu. Brachnyj dogovor: problemy realizacii [Prenuptial Agreement: Problems of Implementation]. *Notarius* [Notary], 2016, no. 8, pp. 26-29.
2. Albikov I.R. Rol i znachenie brachnogo dogovora v pravozashchitnoj deyatel'nosti notariata [The Role and Significance of a Marriage Contract in the Human Rights Activities of a Notary]. *Notarius* [Notary], 2017, no. 5, pp. 43-45.
3. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. *Dogovornoe pravo: obshchie polozheniya* [Contractual Law: General Provisions]. Moscow, Statut Publ., 2020. 845 p.
4. *Grazhdanskij kodeks Spanii ot 24.07.1889* [The Spanish Civil Code of July 24, 1889]. URL: <https://www.conceptosjuridicos.com/codigo-civil/>
5. Ivanova E.V., Perepelkina N.V., Semenova N.V. Brachnyj dogovor kak grazhdansko-pravovaya sdelka [Prenuptial Agreement as a Civil Transaction]. *Oeconomia et Jus*, 2022, no. 4, pp. 57-62. DOI: 10.47026/2499-9636-2022-4-57-62
6. Inshakova A.O. Osobennosti pravovogo razvitiya obyazatel'stvennyh pravootnoshenij v sovremennoj Rossii [Features of the Legal Development of Debt Relationships in Modern Russia]. *Legal Concept*

= *Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 6-12. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.1>

7. Kartskhiya A.A. Cifrovaya transformaciya prava [Digital Transformation of Law]. *Monitoring pravoprimereniya* [Monitoring of Law Enforcement], 2019, no. 1, pp. 25-29.

8. Kvitsinia N.V. Perspektivy razvitiya dogovora eskrou v Rossii [Prospects for the Development of the Escrow Agreement in Russia]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 51-59. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.6>

9. Kodeks Respubliki Belarus o brake i semeje ot 9 iyulya 1999 g. № 278-Z (s izm. ot 17.07.2023. № 300-Z) [The Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family Dated July 9, 1999 No. 278-Z (With Amendments Dated July 17, 2023. No. 300-Z)]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278>

10. Kodeks Respubliki Kazahstan ot 26.12.2011 № 518-IV «O brake (supruzhestve) i semeje» (s izm. i dop. ot 01.01.2024) [Code of the Republic of Kazakhstan Dated December 26, 2011 No. 518-IV “On Marriage (Matrimony) and Family” (With Amendments and Additions from January 1, 2024)]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748

11. Ralko V.V., Ralko V.V. Notarialnoe udostoverenie semejnyh soglashenij na primere brachnogo dogovora [Notarization of Family Agreements on the Example of a Marriage Contract]. *Sudya* [Judge], 2017, no. 6, pp. 38-42.

12. Pchelintseva L.M. et al. *Semejnoe pravo: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Family Law:

Textbook and Educational Aid for Universities]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 291 p.

13. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 31.07.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 26.10.2023) [The Family Code of the Russian Federation Dated December 29, 1995 No. 223-FZ (As Amended on July 31, 2023) (With Amendments and Additions, Effective from October 26, 2023)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 1, art. 16.

14. Stepkin S.P. Pravovaya priroda brachnogo dogovora [The Legal Nature of the Marriage Contract]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2018, no. 2, pp. 25-28.

15. Talapina E.V. Pravo i cifrovizaciya: novye vyzovy i perspektivy [Law and Digitalization: New Challenges and Prospects]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 2, pp. 5-17.

16. Shlyapnikova D.M. Aktualnye voprosy zaklyucheniya brachnogo dogovora, oslozhnennogo inostrannym elementom [Topical Issues of Concluding a Marriage Contract Complicated by a Foreign Element]. *Notarialnyj vestnik* [Notarial Bulletin], 2022, no. 11, pp. 39-47.

17. Yarmonova E.N. Razvitie brachno-semejnego zakonodatelstva vo Francii posle prinyatiya Francuzskogo grazhdanskogo kodeksa 1804 g. [The Development of Marriage and Family Legislation in France After the Adoption of the French Civil Code in 1804]. *Voprosy sovremennoj yurisprudencii* [Issues of Modern Jurisprudence], 2015, no. 53, pp. 40-44.

Information About the Authors

Denis E. Matytsin, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Candidate of Sciences (Economics), Professor, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, dmatytsin@yandex.ru, matytsin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Natalia V. Kvitsinia, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, maksim20777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6538-9796>

Информация об авторах

Денис Евгеньевич Матыцин, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, dmatytsin@yandex.ru, matytsin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Наталья Вячеславовна Квициния, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, maksim20777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6538-9796>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.5>

UDC 347.6

LBC 67.404.5

Submitted: 10.03.2024

Accepted: 10.04.2024

THE DEVELOPMENT OF FAMILY ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA: THE DEVELOPMENT PROSPECTS AND MAIN DIRECTIONS OF STATE POLICY

Iolanta V. Baltutite

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the analysis of the peculiarities of the legal regulation of family entrepreneurship in the Russian Federation, the identification of current trends in this area, and the discussion of prospects for its development. Both the positive aspects of the existing legislation and possible directions for its modification to stimulate the development of family entrepreneurship are considered. **Purpose:** to analyze the development of family entrepreneurship in Russia and identify the prospects for its development. **Methods:** the methodological framework for the research is based on the methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of consistency, analysis, and comparative law. **Results:** the study has shown that family business is an important part of the economy, contributing to job creation, increased tax revenues, and regional development. **Conclusions:** based on the results of the study, it becomes obvious that there is a need to improve the regulatory framework aimed at supporting and developing family entrepreneurship, including simplifying registration and licensing procedures, reducing the tax burden, developing specialized support programs, and stimulating innovation. An important area is also the strengthening of legal guarantees for the protection of the rights of family entrepreneurs, including the protection of intellectual property and ensuring access to due process of law.

Key words: family entrepreneurship, legal regulation, Russian Federation, legislation, development trends, prospects.

Citation. Baltutite I. V. The Development of Family Entrepreneurship in Russia: The Development Prospects and Main Directions of State Policy. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 42-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.5>

УДК 347.6

ББК 67.404.5

Дата поступления статьи: 10.03.2024

Дата принятия статьи: 10.04.2024

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Иоланта Видмантовна Балтутите

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена анализу особенностей правового регулирования семейного предпринимательства в Российской Федерации, выявлению текущих тенденций в этой области и обсуждению перспектив ее развития. Рассматриваются как положительные аспекты существующего законодательства, так и возможные направления его модификации для стимулирования развития семейного предпринимательства. **Цель:** проанализировать развитие семейного предпринимательства в России и выявить перспективы его развития. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** исследование показало, что семейный бизнес является важным компонентом экономики, способствующим созданию рабочих мест, увеличению налоговых поступлений и развитию регионов. **Выводы:** по итогам исследования становится очевидной необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, на-

правленной на поддержку и развитие семейного предпринимательства, включая упрощение процедур регистрации и лицензирования, снижение налоговой нагрузки, разработку специализированных программ поддержки и стимулирование инновационной деятельности. Важным направлением является также укрепление правовых гарантий защиты прав семейных предпринимателей, включая защиту интеллектуальной собственности и обеспечение доступа к справедливому судебному разбирательству.

Ключевые слова: семейное предпринимательство, правовое регулирование, Российская Федерация, законодательство, тенденции развития, перспективы.

Цитирование. Балтутите И. В. Семейное предпринимательство в России: перспективы развития и основные направления государственной политики // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 42–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.5>

Введение

В последние десятилетия семейное предпринимательство в Российской Федерации приобретает все большее значение как ключевой фактор экономического развития и становления среднего класса, что делает актуальным вопрос его правового регулирования. Это обусловлено тем, что семейные предприятия не только способствуют укреплению экономической стабильности и созданию новых рабочих мест, но и вносят значительный вклад в бюджеты всех уровней за счет налоговых отчислений, а также играют важную роль в сохранении и передаче культурных и семейных традиций в бизнесе [7, с. 6]. Однако, несмотря на значительный потенциал семейного предпринимательства, в России до сих пор не существует специализированного законодательства, которое бы учитывало все специфические особенности и потребности данной формы предпринимательской деятельности.

Существующее правовое поле часто оказывается неадекватным для решения возникающих перед семейными предпринимателями задач, что ставит под угрозу не только развитие отдельных предприятий, но и экономику страны в целом [2, с. 86]. В этой связи целью данной статьи является всесторонний анализ текущего состояния правового регулирования семейного предпринимательства в Российской Федерации, выявление основных проблем и недостатков существующей нормативно-правовой базы, а также обозначение перспектив и направлений для ее дальнейшего развития и совершенствования. Достижение поставленной цели предполагает комплексный подход к изучению данной проблематики, включая анализ правоприменительной практики, сравнение с международным опытом, а

также разработку конкретных предложений по улучшению регулятивной среды для семейных предприятий в России.

Теоретические аспекты семейного предпринимательства

Семейное предпринимательство является уникальной формой экономической деятельности, основанной на совместной работе членов одной семьи, и играет важную роль в экономике многих стран, включая Российскую Федерацию. Этот вид предпринимательства отличается рядом специфических черт, таких как тесная взаимосвязь между семейными и профессиональными аспектами жизни, высокий уровень доверия и личной ответственности каждого участника, а также особенности управления и принятия решений [4, с. 22]. В историческом контексте семейный бизнес в России прошел сложный путь развития, начиная с кустарного производства в период доиндустриализации, переживая репрессии и национализацию в советский период, и вновь возрождаясь в постсоветское время как значимый фактор экономической стабилизации и инновационного развития.

Теоретический анализ семейного предпринимательства позволяет выделить его основные функции и роль в экономике. Семейные предприятия способствуют созданию устойчивых рабочих мест, обеспечивают социальную стабильность и способствуют распределению доходов. Кроме того, они часто выступают как хранители традиционных производственных навыков и знаний, передаваемых из поколения в поколение. Однако, несмотря на значительные преимущества, семейное предпринимательство сталкивается с рядом специфических проблем, включая трудности

в привлечении внешнего финансирования, риски, связанные с планированием наследования бизнеса, и потенциальные конфликты интересов между членами семьи.

В правовом аспекте семейное предпринимательство в Российской Федерации не имеет специализированного законодательного регулирования, которое бы учитывало все его особенности. Нормы, регулирующие деятельность семейных предприятий, разрознены и содержатся в различных законодательных актах, что создает определенные трудности как для самих предпринимателей, так и для государственных органов, осуществляющих надзор и контроль. Таким образом, несмотря на значительный вклад семейного предпринимательства в экономику страны, его правовой статус остается достаточно неопределенным, что требует дальнейшего изучения и разработки целенаправленных мер поддержки и регулирования со стороны государства.

Современное состояние и проблемы правового регулирования семейного предпринимательства в России

Современное состояние правового регулирования семейного предпринимательства в Российской Федерации характеризуется рядом проблем и вызовов, которые оказывают существенное влияние на развитие данной сферы экономической деятельности. Несмотря на значимый вклад семейных предприятий в экономику страны, отсутствие специализированного законодательства, учитывающего уникальные особенности и потребности семейного бизнеса, создает серьезные препятствия для их развития и функционирования. В России семейные предприятия, как правило, регулируются общими нормами гражданского и налогового законодательства, которые не всегда адекватно отражают специфику и потребности такого рода предпринимательства. Это приводит к юридическим неопределенностям, затрудняет процесс передачи бизнеса по наследству, усугубляет проблемы налогового планирования и усложняет процедуры привлечения инвестиций и кредитования [5, с. 58].

Одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются семейные предприятия в России, является отсутствие законодательного определения понятия «семейное предпринимательство», что затрудняет их правовое разграничение от других форм предпринимательской деятельности и ограничивает возможности государственной поддержки. Кроме того, не решены вопросы наследования бизнеса, что особенно актуально для семейных компаний, стремящихся сохранить предприятие в семье и передать его по наследству. Текущее законодательство не предусматривает гибких механизмов для планирования наследования, что может привести к конфликтам между наследниками и даже к потере контроля над бизнесом.

Еще одной значительной проблемой является высокая налоговая нагрузка и сложность налогового законодательства, что особенно остро ощущается малыми семейными предприятиями. Отсутствие специальных налоговых режимов или льгот для семейного бизнеса не способствует его развитию и росту, а в некоторых случаях даже ставит под угрозу его существование. Также проблемой для семейных предприятий является сложность доступа к финансовым ресурсам и кредитам, поскольку банковские и финансовые учреждения часто воспринимают их как более рискованные инвестиции по сравнению с крупными корпорациями.

Тенденции и перспективы развития правового регулирования семейного предпринимательства

Семейный бизнес начинает рассматриваться не только как источник дохода для отдельных семей, но и как важный элемент устойчивого развития регионов и страны, способствующий снижению безработицы, увеличению налоговых поступлений и развитию конкуренции. В этом контексте обозначается потребность в создании специализированного законодательства, которое бы способствовало развитию и поддержке семейных предприятий, учитывая их специфику и потребности.

Одной из ключевых тенденций в правовом регулировании семейного предпринимательства является стремление к формализации и упрощению процесса регистрации таких

предприятий, снижению налоговой нагрузки и упрощению отчетности. Это направление развития предполагает введение специальных налоговых режимов для семейных предприятий, возможность использования упрощенной системы бухгалтерского учета и отчетности, а также установление более низких ставок страховых взносов. Такие меры могут значительно улучшить условия для ведения семейного бизнеса, снизить административные барьеры и способствовать привлечению в эту сферу новых участников [1, с. 158].

Важной тенденцией является также развитие механизмов государственной поддержки семейного предпринимательства, которые могут включать предоставление грантов и субсидий, доступ к льготному кредитованию, организацию обучающих программ и курсов для повышения квалификации предпринимателей и их сотрудников. Такие меры помогут семейным предприятиям не только выживать в условиях конкуренции, но и активно развиваться, внедрять новые технологии и улучшать качество своей продукции и услуг.

Перспективы развития правового регулирования семейного предпринимательства тесно связаны с необходимостью учета международного опыта и лучших практик. Взаимодействие с международными организациями и изучение успешных моделей поддержки семейного бизнеса, реализуемых в других странах, могут стать основой для разработки эффективных мер по стимулированию развития семейного предпринимательства в России. Ключевым аспектом здесь является не только внедрение финансовых инструментов поддержки, но и создание условий для передачи знаний и опыта, укрепления бизнес-сообщества и формирования культуры предпринимательства [3, с. 41].

Наконец, перспективы развития правового регулирования семейного предпринимательства в России неразрывно связаны с укреплением правовых гарантий защиты прав и интересов семейных предприятий, включая защиту интеллектуальной собственности, обеспечение доступа к справедливому судебному разбирательству и разработку механизмов разрешения конфликтов [6, с. 94]. Создание благоприятной правовой среды, способствующей развитию семейного предпринимательства,

является важнейшим условием для достижения устойчивого экономического роста и социального благополучия.

Выводы

Заключение анализа правового регулирования семейного предпринимательства в Российской Федерации подчеркивает его актуальность и значимость для социально-экономического развития страны. Исследование показало, что семейный бизнес является важным компонентом экономики, способствующим созданию рабочих мест, увеличению налоговых поступлений и развитию регионов. Целью анализа было выявление тенденций и перспектив развития правовой базы, регулирующей деятельность семейных предприятий, что включало рассмотрение текущего состояния законодательства, выявление проблем и препятствий на пути развития семейного предпринимательства, а также предложение путей их решения. По итогам исследования становится очевидной необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, направленной на поддержку и развитие семейного предпринимательства, включая упрощение процедур регистрации и лицензирования, снижение налоговой нагрузки, разработку специализированных программ поддержки и стимулирование инновационной деятельности. Важным направлением является также укрепление правовых гарантий защиты прав семейных предпринимателей, включая защиту интеллектуальной собственности и обеспечение доступа к справедливому судебному разбирательству. Реализация предложенных мер потребует скоординированных усилий со стороны государства, бизнес-сообщества и общества в целом, но в конечном итоге способствует созданию благоприятной среды для развития семейного предпринимательства, что будет способствовать устойчивому экономическому росту и повышению благосостояния населения Российской Федерации.

В контексте правового регулирования семейного предпринимательства в Российской Федерации существующие организационно-правовые формы, такие как индивидуальное предпринимательство (ИП), полное и товарищество на вере (полное товарищество и

командитное товарищество), а также общества с ограниченной ответственностью (ООО), могут быть адаптированы под семейные предприятия. Эти формы позволяют членам семьи легко участвовать в управлении и распределении прибыли, обеспечивая гибкость и простоту ведения бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова, Т. П. Семейное предпринимательство в системе российского законодательства: проблемы теории и практики / Т. П. Аверьянова // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 147–158.
2. Балтутите, И. В. Правовое регулирование оборота недвижимого имущества в условиях цифровизации российской экономики / И. В. Балтутите // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 86–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13>
3. Брагин, В. И. Семейное предпринимательство: правовое регулирование и практика в России / В. И. Брагин // Предпринимательское право. – 2019. – № 4. – С. 34–42.
4. Волкова, А. Н. Правовое регулирование семейного предпринимательства: иностранный опыт и российская практика / А. Н. Волкова, П. А. Кузнецова // Законодательство и экономика. – 2020. – № 5. – С. 22–30.
5. Гришина, Е. В. Современные аспекты развития семейного предпринимательства в РФ / Е. В. Гришина // Юридическая наука. – 2021. – № 2. – С. 58–65.
6. Ермакова, М. А. Семейное предпринимательство: правовые аспекты организации и функционирования / М. А. Ермакова // Государство и право. – 2017. – № 12. – С. 94–102.
7. Иншакова, А. О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>

REFERENCES

1. Averyanova T.P. Semejnoe predprinimatelstvo v sisteme rossijskogo zakonodatelstva: problemy teorii i praktiki [Family Entrepreneurship in the System of Russian Legislation: Problems of Theory and Practice]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 8, pp. 147-158.
2. Baltutite I.V. Pravovoe regulirovanie oborota nedvizhimogo imushchestva v usloviyah cifrovizacii rossijskoj ekonomiki [The Legal Regulation of Real Estate Turnover in the Context of Digitalization of the Russian Economy]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 86-93. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13>
3. Bragin V.I. Semejnoe predprinimatelstvo: pravovoe regulirovanie i praktika v Rossii [Family Entrepreneurship: Legal Regulation and Practice in Russia]. *Predprinimatelskoe pravo* [Entrepreneurial Law], 2019, no. 4, pp. 34-42.
4. Volkova A.N., Kuznecova P.A. Pravovoe regulirovanie semejnogo predprinimatelstva: inostrannyj opyt i rossijskaya praktika [Legal Regulation of Family Entrepreneurship: Foreign Experience and Russian Practice]. *Zakonodatelstvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2020, no. 5, pp. 22-30.
5. Grishina E.V. Sovremennye aspekty razvitiya semejnogo predprinimatelstva v RF [Modern Aspects of the Development of Family Entrepreneurship in the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2021, no. 2, pp. 58-65.
6. Ermakova M.A. Semejnoe predprinimatelstvo: pravovye aspekty organizacii i funkcionirovaniya [Family Entrepreneurship: Legal Aspects of Organization and Functioning]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2017, no. 12, pp. 94-102.
7. Inshakova A.O. Oborot obyektov grazhdanskih prav imushchestvennogo haraktera: osnovnye ponyatiya, vidy, tendencii zakonodatelnogo razvitiya [The Circulation of Property Objects of Civil Law Rights: Basic Concepts, Types, and Trends of Legislative Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>

Information About the Author

Iolanta V. Baltutite, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

Информация об авторе

Иоланта Видмантовна Балгутите, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.6>

UDC 67.404.5
LBC 347.6

Submitted: 21.04.2024
Accepted: 13.05.2024

THE SURROGACY CONTRACT: THE LEGAL NATURE AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Darya N. Davtyan-Davydova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the problem of the legal regulation of the surrogacy contract. The complex nature is emphasized, and the main approaches to determining the legal nature, subject, and object of such a contract are highlighted. Particular attention is paid to the lack of consensus on the legal nature of such a contract, its legal definition, and the legally established rights, obligations, and responsibilities of the parties for breach of obligations. A comparative law analysis of Russian and foreign legislation is carried out. **Purpose:** to conduct a conceptual analysis of the legislation of both the Russian Federation and neighboring countries in the field of regulation of surrogacy contracts and to study the legal nature of the surrogacy contract. For this purpose, the provisions of the legislation of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Belarus are considered; in addition, modern approaches to determining the legal nature of the surrogacy contract are studied. In the course of composing this work, a variety of **methods** were employed, including general scientific approaches such as analysis and synthesis of legal doctrines and legislative norms, as well as special legal methods such as comparative legal analysis and formal legal analysis. **Results:** as the regulation of the surrogacy contract in the legislation of the Russian Federation is not sufficiently developed, it creates legal gaps. The **conclusion** is made about the civil legal nature of the surrogacy contract.

Key words: surrogacy, contract, legal nature, subject, legal regulation.

Citation. Davtyan-Davydova D.N. The Surrogacy Contract: The Legal Nature and Problems of Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 48-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.6>

УДК 67.404.5
ББК 347.6

Дата поступления статьи: 21.04.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

ДОГОВОР СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Дарья Николаевна Давтян-Давыдова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается проблема правового регулирования договора суррогатного материнства. Подчеркивается сложный характер, а также выделяются основные подходы к определению правовой природы, предмета и объекта такого договора. Особое внимание уделяется отсутствию единого мнения о его правовой природе, его легального определения, нормативно закрепленных прав, обязанностей и ответственности сторон за нарушение обязательств. Проводится сравнительно-правовой анализ российского и иностранного законодательства. **Целью** исследования является: концептуальный анализ законодательства как Российской Федерации, так и ближнего зарубежья в области регулирования договора суррогатного материнства, а также изучение правовой природы договора суррогатного материнства. Для достижения поставленных целей рассмотрены положения законодательства Республики Казахстан и Республики Беларусь, кроме того, изучены современные подходы к определению правовой природы договора суррогатного материнства. При написании данной работы применялись как общенаучные **методы** (анализ и синтез правовых доктрин и законодательных норм), так и специально-юридические (сравнительно-правовой и формально-юридический). **Результаты:** регулирование договора суррогатного материнства в законодательстве Россий-

ской Федерации недостаточно развито, вследствие чего возникают правовые пробелы. Сделан **вывод** о гражданско-правовой природе договора суррогатного материнства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор, правовая природа, предмет, правовое регулирование.

Цитирование. Давтян-Давыдова Д. Н. Договор суррогатного материнства: правовая природа и проблемы правового регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 48–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.6>

Введение

Актуальность научной работы продиктована тем, что в настоящий момент проблема правового регулирования договорных отношений, связанных с суррогатными материнством, в Российской Федерации не проработана на законодательном уровне должным образом.

Вместе с тем в законодательстве содержится только несколько статей, частей, пунктов, посвященных данным правоотношениям с учетом изменений, которые были внесены в 2022 году.

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в последней редакции) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержится только одна статья, посвященная суррогатному материнству и подвергнутая значительным изменениям. Так, в ст. 55 указанного Федерального закона была серьезно изменена ч. 9, в которой говорится о понятии и дается соответствующее определение суррогатному материнству. Более того, появились ч. 10 и 11, закрепляющие требования, предъявляемые для суррогатной матери и потенциальных родителей.

Неразрывно с этим связаны изменения Семейного кодекса РФ от 2022 года. В п. 4 ст. 51 появилось требование, согласно которому лица, заключившие договор о вынашивании и рождении ребенка, а также состоящие в браке между собой, могут быть записаны в качестве родителей только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Помимо названного пункта, изменения коснулись п. 5 и 6 ранее оговоренной статьи. Кроме того, изменения коснулись ст. 52 в части оспаривания записей материнства и отцовства.

Таким образом, мы видим, что законодателем вносятся существенные изменения, серьезно влияющие в том числе на договор-

ные отношения в сфере суррогатного материнства. Однако отмеченных изменений недостаточно для полного и, что важно, структурированного правового регулирования в силу сложного состава отношений, связанных с суррогатным материнством.

Тем не менее важнейшими проблемами остаются:

- установление субъектов и требований к таковым, которые имеют право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона;
- наличие согласия или отсутствия такового одного из супругов на применение вспомогательных репродуктивных технологий;
- определение принадлежности эмбриона в случае развода супругов;
- установление компенсации суррогатной матери за отказ заказчиком выполнить условия договора или принять ребенка;
- последствия отказа суррогатной матери отдать ребенка, иначе говоря, ответственность за невыполнение исполнителем условий договора;
- право пользования услугами суррогатной матери субъектами, состоящими в фактическом брачном сожительстве [3].

Понятие, признаки и предмет договора суррогатного материнства

Считаем важным обратить внимание на социально-правовые признаки. По мнению Т.В. Сорокиной, «суррогатное материнство как социально-правовое явление обладает следующими признаками: наличие генетической связи между заказчиками и ребенком (эмбрионом); факт вынашивания суррогатной матерью ребенка с целью передачи лицам, его ожидающим» [6].

Вместе с тем для создания и принятия отдельного федерального закона, который регулировал бы вопросы суррогатного материн-

ства, необходимо определиться с природой договора суррогатного материнства. При первом анализе может сложиться впечатление, что договор по большей части регулируется Семейным кодексом РФ, но более детальный анализ говорит о другом.

Безусловно, в Семейном кодексе РФ имеются статьи, прямо затрагивающие положения договора суррогатного материнства (ранее некоторые из них были описаны), но необходимо отметить, что такой договор представляет собой сложное переплетение как правовых, так и морально-этических взаимоотношений его сторон. Такое взаимодействие происходит и на стадии заключения, и на стадии непосредственного исполнения договора. В этой связи можно сделать вывод, что нормы различных отраслей права в той или иной степени осуществляют правовое регулирование данных отношений, составляя правовую природу данного договора.

Вместе с тем необходимо раскрыть сложносоставной характер правоотношений: взаимообусловленные права и обязанности есть как у суррогатной матери, так и у потенциальных родителей (родителя). Как было отмечено ранее, подобный договор представляет собой сочетание как правовых, так и морально-этических аспектов и в этой связи правовую природу договора выявить чрезвычайно непросто. Резюмируя сказанное, для точного определения правовой природы целесообразно выделить предмет договора.

Так, А.А. Пестрикова в диссертационной работе отмечает, что «предметом договора суррогатного материнства будут выступать действия суррогатной матери по вынашиванию и рождению ребенка (то есть оказание специфической услуги нареченным родителям) и согласие суррогатной матери на регистрацию ребенка нареченными родителями» [4].

В целом такой подход к определению предмета договора суррогатного материнства можно считать наиболее соответствующим законодательству в части как определения понятия суррогатного материнства, так и регулирования данных правоотношений Гражданским и Семейным кодексами.

В других научных работах высказываются также подобные позиции относительно предмета договора, при этом мало кто из ис-

следователей затрагивает вопрос роли эмбриона. Вместе с тем, на наш взгляд, в первую очередь следует определить роль эмбриона как непосредственного элемента предмета договора. При этом в части 9 статьи 55 ФЗ № 323 от 21 ноября 2011 г. эмбрион прямо упоминается в определении понятия суррогатного материнства. Таким образом, законодатель указывает на необходимость включения в предмет договора не только ребенка, но и эмбриона как первоначального элемента в данной правовой конструкции.

Вместе с тем отметим, что договор суррогатного материнства является оказанием услуг, но никак не работой. Так, «результат услуги заключается прежде всего в полезном эффекте, а не в материальном результате. Кроме того, он тесно связан с самим исполнителем и потребляется заказчиком в момент предоставления услуги. По общему правилу здесь следует говорить о невозможности гарантировать достижение субъективно-полезного эффекта деятельности. Данные признаки являются общими для всех услуг, подпадающих под действие гл. 39 ГК РФ, но могут изменяться в остальных обязательствах услугового типа» [1].

Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства и законодательства Российской Федерации

Как ранее отмечалось, проблема правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации достаточно серьезна. Законодатель предоставляет непосредственным субъектам данных правоотношений волю для свободного и широкого толкования положений договора о суррогатном материнстве, закрепляя минимальные императивные правила, которые преимущественно касаются процессуальной составляющей, при этом забывая о регулировании материальной части.

Для проведения сравнительно-правового анализа регулирования суррогатного материнства обратимся к зарубежному законодательству. Так, в Республике Казахстан правовое регулирование более развито, чем в Российской Федерации. Данный тезис подтверждается

следующими фактами. Согласно Кодексу Республики Казахстан от 28.12.2011 «О браке (супружестве) и семье» (далее – Кодекс РК «О браке (супружестве) и семье») предусмотрены специальные нормы регулирования суррогатного материнства. Помимо законодательного определения понятию «суррогатное материнство», также в ст. 57 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» императивно определены нормы относительно прав и обязанностей сторон как при заключении, так и при реализации непосредственных положений договора. Например, суррогатная мать обязана передать ребенка родителям (заказчикам) или супруги (заказчики) обязаны нести материальные расходы по медицинскому обследованию.

В свою очередь, развивая мысль, вернемся к положениям статей 51 и 52 Семейного кодекса РФ. В силу указанных норм суррогатная мать дает согласие на запись ребенка в книге записей рождений потенциальных родителей. Вместе с тем не предусмотрен императив о передаче ребенка потенциальным родителям. Подобное регулирование противоречит вообще природе договора суррогатного материнства. Непонятно, с какой целью должно быть получено согласие суррогатной матери, если такой договор по своему существу уже предусматривает такое согласие, в противном случае появляется возможность злоупотребления данным правом в совершенно непредсказуемых целях. Подобная неточность – яркая иллюстрация отсутствия значительной проработки договора о суррогатном материнстве в РФ в сравнении с нормами Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье».

В совокупности с ранее изложенным и приведенным примером из законодательства Республики Казахстан считаем необходимым проанализировать аналогичный аспект законодательства Республики Беларусь. Так, 12 лет назад парламентариями был принят Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. «О вспомогательных репродуктивных технологиях», который в том числе затрагивает вопросы правового регулирования суррогатного материнства. Исследуя положения закона, мы видим, что зарубежный законодатель подошел к вопросу суррогатного материнства фундаментально.

Разумеется, указанный подход означает глубокую правовую проработанность такого сложного социально-правового явления, как суррогатное материнство. В ст. 20 указанного закона регламентируются условия и порядок использования суррогатного материнства, которые во многом схожи с российскими. Однако ст. 21 определяет существенные условия договора, где подробно описывается процесс вынашивания, а также затрагивается положение эмбриона. Так, эмбрион не относится к деятельности между непосредственным заказчиком и исполнителем и не входит в предмет суррогатного материнства, поскольку услугу по имплантации эмбриона оказывают соответствующие медицинские учреждения. Кроме того, употребляется новый термин «женщина, воспользовавшаяся донорской яйцеклеткой», который не встречается ни в законодательстве России, ни в законодательстве Казахстана. Также в законе определяются права и обязанности сторон. При этом законодатель предоставляет возможность воспользоваться услугой суррогатного материнства на безвозмездной основе при условии, что суррогатная мать будет являться родственницей генетического родителя. В дополнение к изложенному, предусмотрена и дополнительная гарантия – нотариальное удостоверение договора суррогатного материнства. Из вышеизложенного следует, что на территории Республики Беларусь законодатель наиболее полным образом проработал правовое положение договора, определив предмет, стороны и содержание. Более того, закрепил право на обращение к таким услугам, а также предусмотрел дополнительные гарантии для сторон.

В совокупности с ранее отмеченными нормами законодательства стран СНГ, необходимо сделать акцент на законодательстве о суррогатном материнстве в государствах – членах Европейского Союза. В целом единой точки зрения на суррогатное материнство в этих странах нет. Так, примерно в половине из них (Австрия, Германия, Эстония и др.) суррогатное материнство запрещено, в свою очередь, в других странах-участницах суррогатное материнство допускается с некоторыми оговорками. В Докладе Парламента ЕС от 2016 г. «О положении в области основных прав в Ев-

ропейском Союзе в 2015 г. (2016/2009(INI))» была четко отражена позиция, согласно которой ЕС «осуждает любую форму суррогатного материнства, так как оно игнорирует права женщин», а также частично подчеркивается в решениях Суда ЕС, которые не приравнивают женщину, не способную родить ребенка и воспользовавшуюся соглашением о суррогатном материнстве, к работнице, родившей ребенка самостоятельно, и не признают данный факт дискриминацией [2].

На примере Франции рассмотрим подход, в котором общество нашло компромиссное решение. Так, с 1994 г. во Французской Республике было абсолютно запрещено суррогатное материнство в силу того, что использование частей человеческого тела недопустимо в коммерческих целях, то есть, по мнению французского законодателя, суррогатное материнство – это продажа человеческих органов, самого человека в целях получения денежных средств – финансовой выгоды на постоянной основе, иначе говоря, имеются признаки предпринимательской деятельности при осуществлении суррогатного материнства. Однако данный подход не выдерживает никакой критики, поскольку семейные пары прибегают к такому способу исключительно из-за наличия каких-либо медицинских проблем – анатомических, генетических, эндокринных и иммунологических. Более того, в силу правовой природы, данный вид договора хоть и имеет возмездность, но это, скорее, покрытие тех расходов и рисков, которые берет на себя суррогатная мать.

Возвращаясь к компромиссному решению, для начала обозначим еще одну проблему суррогатного материнства – это репродуктивный туризм. Так, только за 2023 г. около 10 тыс. российских граждан с целью родить ребенка посетили Аргентину, и эти цифры будут только расти. Вместе с тем в данном случае возникает вопрос узаконивания как договоров суррогатного материнства, так и самих свидетельств о рождении. В связи с данной правовой проблемой французские граждане нашли компромисс: пары заключают договор о суррогатном материнстве за пределами Французской Республики, в той стране, где данный процесс не является противозаконным. После рождения ребенка от суррогатной матери

пара (родители по предназначению) оформляют в стране, где рожден ребенок, документы, указывающие на их родственную связь с рожденным ребенком (свидетельство о рождении ребенка, где в графе «Родители» указана информация «родителей по предназначению») и возвращаются с ребенком во Францию [2].

К сожалению, данная процедура занимает не только огромное количество времени, но и требует большего количества денежных средств, чем в ситуации, при которой в стране будет разрешено суррогатное материнство. В этой связи отметим, что законодательство в странах СНГ и в том числе в России к вопросу суррогатного материнства более лояльно, а также исходит из того, что любой гражданин должен иметь право на создание счастливой и полной семьи с ребенком вне зависимости от того есть ли какие-то проблемы со здоровьем у родителей, объективно препятствующие рождению детей, или нет.

Вместе с этим также остается открытым вопрос о моменте исполнения такого договора. Как ранее отмечалось, может возникнуть проблема, при которой суррогатная мать не дает согласия на запись в свидетельство о рождении непосредственных родителей (заказчиков). В этом случае, по нашему мнению, договор нельзя считать исполненным, поскольку фактически не были выполнены существенные условия.

Как отметил в своем решении Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ), в случае отказа суррогатной матери дать согласие на запись родителями заказчиков (потенциальных родителей) данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание [5]. В данном случае ВС РФ исходит из объективной необходимости защиты интересов не только потенциальных родителей, но и защиты прав новорожденного ребенка.

Также в этом дискурсе коснемся проблемы предпринимательства. Как следует из ст. 2 ГК РФ, предпринимательство – это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ

или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке. В этом случае, опираясь на общероссийский классификатор видов экономической деятельности (далее – ОКВЭД), отметим, что вида деятельности по предоставлению услуг суррогатного материнства нет. В совокупности с этим организации, которые оказывают такие услуги, в качестве основной деятельности указывают ОКВЭД как общая врачебная практика и т. п. Считаем, что данное упущение ставит под сомнение вопрос о том, могут ли юридические лица и индивидуальные предприниматели оказывать услуги суррогатного материнства на постоянной основе при отсутствии такого вида экономической деятельности. Российскому законодателю следует проработать данный вопрос и включить в ОКВЭД такой вид деятельности, поскольку данная услуга, как было отмечено ранее, носит возмездный характер и может оказываться на постоянной основе.

Вывод

Таким образом, дискуссия вокруг правовой природы и предмета договора суррогатного материнства связаны с отсутствием в нашем законодательстве отдельного Федерального закона, который наиболее полным образом закреплял бы положения такого договора. Российским парламентариям стоит присмотреться к положительному опыту Республики Казахстан по регулированию суррогатного материнства. Тем не менее вопрос закрепления договора о суррогатном материнстве на законодательном уровне остается открытым. Более того, европейские государства – члены ЕС вообще остаются максимально консервативными в этом плане и никаких серьезных продвижений в сторону легализации суррогатного материнства нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иншакова, А. О. Теоретико-прикладные подходы к квалификации гражданских отношений по оказанию услуг / А. О. Иншакова, Н. В. Кагальникова // Правовая парадигма = Legal Concept. –

2019. – №2. – С. 90–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.14>

2. Колодяжная, А. И. Новеллы в правовом регулировании суррогатного материнства в государствах Европы / А. И. Колодяжная // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 8 (141). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-v-pravovom-regulirovanii-surrogatnogo-materinstva-v-gosudarstvah-evropy>

3. Лаврентьева, Т. В. Правовая природа договора о суррогатном материнстве / Т. В. Лаврентьева // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 9 (177). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-dogovora-o-surrogatnom-materinstve-1>

4. Пестрикова, А. А. Обязательства суррогатного материнства : дис. ... канд. юрид. наук / Пестрикова Анастасия Александровна. – Самара, 2007. – 202 с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959

6. Сорокина, Т. В. Суррогатное материнство: понятие и критерии его определения / Т. В. Сорокина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2010. – № 2 (13). – С. 214–217. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrogatnoe-materinstvo-ponyatie-i-kriterii-ego-opredeleniya>

REFERENCES

1. Inshakova A.O., Kagalnitskova N.V. Teoretiko-prikladnye podhody k kvalifikacii grazhdanskih otnoshenij po okazaniyu uslug [Theoretical and Applied Approaches to the Qualification of Civil Relations in the Provision of Services]. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2019, no. 2, pp. 90-93. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.14>

2. Kolyazhnaya A.I. Novelty v pravovom regulirovanii surrogatnogo materinstva v gosudarstvah Evropy [Novels in the Legal Regulation of Surrogate Motherhood in the European States]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian Law], 2022, no. 8 (141). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novelty-v-pravomregulirovanii-surrogatnogomaterinstva-gosudarstvaevropy>

3. Lavrentyeva T.V. Pravovaya priroda dogovora o surrogatnom materinstve [Legal Nature of the Contract on Surrogate Motherhood]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State:

Theory and Practice], 2019, no. 9 (177). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-prirodadogovora-surrogatnom-materinstve-1>

4. Pesticova A.A. *Obyazatel'stva surrogatnogo materinstva: dis. ... kand. yurid. nauk* [Obligations of Surrogate Motherhood]. Samara, 2007. 202 p.

5. *Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 16.05.2017 № 16 (red. ot 26.12.2017) «O primenении sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del, svyazannyh s ustanovleniem proiskhozhdeniya detej»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 16.05.2017 No. 16 (ed. from 26.12.2017) «On the

Application of the Law by Courts in the Consideration of Cases Related to Establishing the Origin of Children»]. URL: http://ww.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

6. Sorokina T.V. Surrogatnoe materinstvo: ponyatie i kriterii ego opredeleniya [Surrogate Motherhood: The Concept and Criteria of its Definition]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence], 2010, no. 2 (13), pp. 214-217. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrogatnoe-materinstvo-ponyatie-i-kriterii-egoopredeleniya>

Information About the Author

Darya N. Davtyan-Davydova, Senior Lecturer, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, davdarya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-3004>

Информация об авторе

Дарья Николаевна Давтян-Давыдова, старший преподаватель кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, davdarya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-3004>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.7>

UDC 347.961.411
LBC 67.76

Submitted: 12.04.2024
Accepted: 30.04.2024

NOTARIAL DOCUMENTS IN ELECTRONIC FORMAT AS A MEANS OF PROOF IN THE FIELD OF MARITAL AND FAMILY RELATIONS

Natalia A. Kaplunova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in a contemporary context, a notary is not conceivable without electronic documents; notary practice is immersed in electronic document management. Notarized evidence in electronic form is a multifaceted and widely used means of proof. The proof provided by a notary in electronic format can be fully used by participants in marriage and family relations, wherein, in addition to the legal aspect, there are many moral and ethical situations. The norms of the current legislation of the Russian Federation enshrine a mention of the procedure for providing electronic proof by a notary, but there is no detailed regulation of it. This type of proof is grouped separately in normative legal acts and is only mentioned in the explanations of the higher courts. The doctrine has not developed a unified approach to the provision of electronic proof by a notary. In notarial practice, there are cases of refusal on the part of notaries to inspect information in electronic form. Considering the above, the author formulated the **purpose** of the study: the identification, analysis, and formulation of signs of notarial documents in electronic format, allowing them to be recognized as a means of proof in the field of marital and family relations. The purpose setting led to the solution of the following **tasks**: the consideration of the legal possibilities of notaries to create electronic proof in a broad and narrow sense; the analysis of the norms of existing legal acts, the explanations of judicial practice and the work of civil lawyers dedicated to providing electronic proof by a notary; the identification and establishment of the fundamental signs of electronic proof provided by a notary as a means of judicial protection; the definition of the concept and types of electronic proof provided by a notary, their classification; the consideration of examples of the use of electronic proof provided by a notary in the field of marital and family relations and the identification of technical and legal advantages of such use. **Methods** of the research of phenomena and processes: dialectical, formal legal (dogmatic), the method of comparative jurisprudence, and concrete social and comparative law methods. The research is based on the method of analyzing current Russian legislation and law enforcement practice. **Results:** the substantiation of the technical and legal advantages of using notarial documents in electronic format as a means of proof in the field of marital and family relations. The present study is based on: 1) determining the legal nature of proof and its essential characteristics; 2) the projection of these characteristics onto evidentiary information in electronic form; 3) the identification of legal and software-technical signs of electronic proof and the establishment of types of electronic proof; 4) the particularization of using electronic proof; 5) the justification of using a notarial document in electronic format as a means of proof; 6) the analysis of the procedure for providing electronic proof by a notary and the identification of the legal features of such a procedure; 7) the classification of electronic proof that can be provided by a notary; 8) the illustration of the advantages of using proof provided by a notary in electronic form through the example of marital and family relations. **Conclusions:** as a result of the research done: 1) the absence of legal norms regulating the activities of notaries to provide electronic proof is established; 2) the legal and practical need to group electronic proof provided by a notary into a separate type is identified, as well as the establishment of signs that allow identifying this proof; 3) a number of advantages associated with the use of electronic (digital) proof provided by a notary are identified, including their prejudicial value as well as their lack of validity; 4) the definitions of electronic proof and electronic proof provided by a notary are disclosed, and the classifications are proposed; 5) examples of the use of electronic proof in the fields of marriage and family relations are shown.

Key words: electronic proof; notarial document in electronic format; electronic proof in notarial practice; provision of proof by a notary; examination by a notary of information located on the information and telecommunication network “Internet”.

Citation. Kaplunova N.A. Notarial Documents in Electronic Format as a Means of Proof in the Field of Marital and Family Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 55-62. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.7>

НОТАРИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В ОБЛАСТИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Наталья Алексеевна Каплунова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в современных условиях нотариат немислим без электронных документов, нотариальная практика погружена в электронный документооборот. Обеспеченные нотариусом доказательства в электронном виде представляют собой многоплановые и широко используемые средства доказывания. Доказательства, обеспеченные нотариусом в электронном формате, полноценно могут быть использованы участниками брачно-семейных отношений, в которых помимо правового аспекта возникает множество морально-этических ситуаций. В нормах действующего законодательства Российской Федерации закреплено упоминание о процедуре обеспечения нотариусом электронных доказательств, но отсутствует ее подробная регламентация. Указанный вид доказательств не выделен в отдельную группу в нормативно-правовых актах, и упоминается лишь в разъяснениях высших судебных инстанций. Доктрина не выработала единого подхода в вопросах обеспечения нотариусом электронных доказательств. В нотариальной практике встречаются случаи отказа со стороны нотариусов в осуществлении осмотра информации в электронном виде. Учитывая изложенное, нами была сформулирована **цель исследования:** выявление, анализ и формулирование признаков нотариальных документов в электронном формате, позволяющих признать их средством доказывания в области брачно-семейных отношений. Постановка цели обусловила решение следующих **задач:** рассмотрение правовых возможностей нотариусов по созданию электронных доказательств в широком и узком смысле; анализ норм действующих правовых актов, разъяснений судебной практики и работ цивилистов, посвященных обеспечению нотариусом электронных доказательств; выявление и установление основополагающих признаков электронных доказательств, обеспеченных нотариусом, как средства судебной защиты; определение понятия и видов электронных доказательств, обеспеченных нотариусом, их классификация; рассмотрение примеров использования электронных доказательств, обеспеченных нотариусом, в области брачно-семейных отношений и выявление технико-юридических преимуществ такого использования. **Методы** исследования явлений и процессов: диалектический, формально-юридический (догматический), метод сравнительного правоведения, конкретно-социальный и сравнительно-правовой. В основе исследования лежит метод анализа действующего российского законодательства и правоприменительной практики. **Результаты:** обоснование технико-правовых преимуществ использования нотариальных документов в электронном формате как средства доказывания в области брачно-семейных отношений. Настоящее исследование базируется: 1) на определении правовой природы доказательства, его существенных характеристик; 2) проекции этих характеристик на доказательственную информацию в электронном виде; 3) выявлении правовых и программно-технических признаков электронного доказательства, установлении видов электронных доказательств; 4) выявлении особенностей использования электронных доказательств; 5) обосновании применения нотариального документа в электронном формате в качестве средства доказывания; 6) анализе процедуры обеспечения электронных доказательств нотариусом и выявлении правовых особенностей такой процедуры; 7) классификации электронных доказательств, которые могут быть обеспечены нотариусом; 8) раскрытии преимуществ применения доказательств, обеспеченных нотариусом в электронном виде на примере брачно-семейных отношений. **Выводы:** в результате проделанного исследования: 1) установлено отсутствие правовых норм, регламентирующих деятельность нотариусов по обеспечению электронных доказательств; 2) выявлена правовая и практическая необходимость выделения в отдельный вид электронных доказательств, обеспечиваемых нотариусом, а также установления признаков, позволяющих идентифицировать эти доказательства; 3) определен ряд преимуществ, связанных с использованием электронных (цифровых) доказательств, обеспеченных нотариусом, в том числе их преюдициальное значение, а также отсутствие у них срока действия; 4) раскрыты дефиниции электронного доказательства и электронного доказательства, обеспеченного нотариусом, предложенные классификации; 5) продемонстрированы примеры применения электронных доказательств в области брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: электронное доказательство, нотариальный документ в электронном формате, электронное доказательство в нотариальной практике, обеспечение доказательств нотариусом, осмотр нотариусом информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Цитирование. Каплунова Н. А. Нотариальные документы в электронном формате как средства доказывания в области брачно-семейных отношений // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 55–62. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.7>

Введение

Нотариусы активно создают электронные документы в рамках совершения нотариальных действий, в том числе удостоверяют сделки в дистанционном формате, передают заявления юридических и физических лиц, подписанные квалифицированными электронными подписями соответствующих лиц, обеспечивают доказательства в виде осмотра информации, находящейся в сети Интернет, совершают исполнительные надписи при удаленном обращении кредитора и т. д. Все нотариальные действия регистрируются в электронном виде в Единой информационной системе нотариата и подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса. В Основы законодательства Российской Федерации [10] о нотариате сравнительно недавно было введено определение нотариального документа, ставящее знак равенства между классическим письменным нотариальным документом и нотариальным документом в электронном формате. Следует признать, что все нотариальные документы в электронном формате являются электронными доказательствами. Они создаются в соответствии с установленными законом требованиями, имеют надлежащие реквизиты и подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса, содержат метку доверенного времени, в необходимых случаях нотариусом устанавливается личность и волеизъявление обратившегося лица. Такие доказательства обладают свойствами идентификации и аутентификации, несут в себе признаки достоверности, допустимости и достаточности.

Общие положения об электронных доказательствах

Правовая природа доказательства раскрыта через единое понимание доказательств

в работах М.К. Треушникова [15, с. 79]. Доказательство – это любые сведения о фактах (любые фактические данные), непосредственно воспринимаемые и фиксируемые судом или иным должностным лицом при условии соблюдения процедуры их получения и формы представления, являющиеся основанием наличия или отсутствия устанавливаемых судом или иным должностным лицом юридически значимых обстоятельств разрешаемого дела.

Законодатель допускает использование электронной формы взаимодействия участников судебного процесса, в том числе в такой его части, как процессуальное доказывание [2]. Доказательственная информация может иметь электронную (цифровую) форму и (или) быть полученной посредством цифровых устройств [6; 8].

Положительный отклик об использовании новых технологий в современном судебном разбирательстве содержится в судебной практике [11; 12].

Научное сообщество разделилось по трем самостоятельным направлениям в суждении об электронных доказательствах. Первая группа авторов относят электронные доказательства к письменным доказательствам (соглашаясь с законодателем) [5, с. 178–179], вторая группа – к вещественным [9, с. 30–32], третья группа авторов такие доказательства определяет в качестве самостоятельного вида [1, с. 30; 7].

Нормы действующего российского законодательства не содержат самостоятельной нормы, посвященной электронному (цифровому) доказательству, признается равенство электронной и письменной формы доказательств. По мнению законодателя, электронные доказательства выделяются лишь технологическими признаками, что имеет прикладное значение, а не правовое.

Признаки электронного (цифрового) доказательства условно можно подразделить на

правовые и программно-технические. Электронное (цифровое) доказательство – это средство доказывания, обладающее свойством виртуальности, содержанием которого выступает информация, создаваемая, хранящаяся и фиксируемая с использованием информационно-коммуникационных технологий, непосредственно воспринимаемое судом и участниками процесса при использовании специальных материально-технических средств и (или) участия узкого специалиста и (или) из протокола совершения процессуальных действий, риск утраты и фальсификации которого связан с возможностью его изменения и уничтожения за предельно короткий срок.

Анализ норм правовых актов и разъяснений судебной практики [14] позволяет сделать вывод о том, что судом бесспорно признаются и принимаются в качестве электронных (цифровых) доказательств лишь электронные документы, то есть подписанные электронной подписью лица, которое возможно идентифицировать, в остальных случаях требуется своего рода «оздоровление» средства доказывания в виде нотариального удостоверения, либо незамедлительного осмотра информации в сети Интернет судом, либо предъявления вещественного доказательства, содержащего информацию в электронном виде, суду или нотариусу для осмотра.

Электронные доказательства в нотариальной практике: понятие и виды

Любой нотариально оформленный документ обладает свойствами доказательства, которое может быть предъявлено в суд, но цель обращения лица к нотариусу не всегда опосредована необходимостью обращения в судебные инстанции. Чаще обращения заявителей связаны с их участием в гражданских правоотношениях, протекающих в бесспорном порядке. Так, например, супруги могут обратиться к нотариусу за удостоверением брачного договора или соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов в дистанционном формате [3], когда стороны по каким-либо причинам не могут явиться к нотариусу совместно (например, работают в разных регионах или один из супругов отсут-

ствует по долгу военной службы). В таких случаях сама по себе нотариальная форма брачного договора выполняет защитную функцию, к тому же сделка должна быть удостоверена двумя нотариусами, что приводит к повышенному контролю чистоты и бесспорности такого документа. Естественно, документ в электронном формате, являющийся результатом действий двух нотариусов, представляет собой электронное (цифровое) доказательство, опровергнуть которое практически невозможно, если действия самих нотариусов не носят преступный характер, либо не произошло такое техническое вмешательство извне в рамках нотариальной процедуры, что привело к фальсификации нотариального документа. Брачные договоры и соглашения электронного формата могут сыграть принципиальную роль для лиц, ведущих предпринимательскую деятельность, и предотвратить корыстный умысел второго супруга. Такой формат сделок также удобен в случаях явной неприязни супругов друг к другу, что решает ряд морально-этических вопросов между ними, если в ближайшем будущем намечается бракоразводный процесс. Еще одним, ставшим уже классическим, примером использования электронного документа в нотариальной практике является удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе. Например, согласие супруга на совершение сделки супругом в электронном формате часто истребует банк при проведении ипотечных сделок в электронном формате. Такой электронный документ однозначно будет служить доказательством в случае возникновения имущественного спора в суде.

Тем не менее возникают ситуации участия нотариуса в обеспечении именно судебных доказательств. Согласно ст. 102 Основ законодательства РФ о нотариате [10] нотариус обеспечивает доказательства в случаях предположительного возникновения дела в суде или административных органах. Условием обеспечения доказательств нотариусом является обстоятельство, связанное с предположением заинтересованного лица о том, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. К действиям по обеспечению доказательств

нотариусом в том числе относится осмотр письменных и вещественных доказательств. Под понятие осмотра письменных доказательств законодатель подводит и осмотр нотариусом информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Такой осмотр согласно ст. 103 Основ законодательства РФ о нотариате может быть осуществлен нотариусом в дистанционном формате при удаленной форме подачи заявления заинтересованного лица. Нотариус при осмотре письменных доказательств не вправе давать им какую-либо субъективную оценку, в том числе не вправе выражать суждения о законности визуализируемой информации. Задача нотариуса – подготовить для заявителя, имеющего намерение обратиться в судебные или административные органы, надлежащий нотариальный документ в виде протокола как на бумажном носителе (в случае личной явки), так и в электронном виде (в случае обращения в дистанционном формате), подробно изложив результаты осмотра с изготовлением необходимых приложений к протоколу, в том числе распечатки скрин-шотов страниц сайта, распечатки страниц текста переписки, содержащейся в мобильном или компьютерном устройстве, с приложением флеш-носителя с заслушанной аудио- или просмотренной видеозаписью. В некоторых случаях информация, содержащаяся в протоколах, намного повышает эффективность познания уполномоченного органа, в приложении может содержаться основная доказательственная информация, а также информация, имеющая самостоятельное доказательственное значение [4].

Согласно абз. 6 п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 [13] при проверке законности судебных актов суд обладает правом основывать свои выводы и на преюдициально значимых обстоятельствах (ч. 2–5 АПК РФ) [2], установленных в том числе нотариальными актами. Это значит, что участники процесса освобождены от необходимости доказывания соответствующих обстоятельств, установленных нотариусом, в случаях, когда действия нотариуса не опровергнуты в установленном порядке, или нотариальный акт не отменен судом.

Таким образом, обеспеченные нотариусом электронные (цифровые) доказательства возможно рассматривать в широком и узком смысле и разделить: на нотариальные документы в электронном формате и электронные (цифровые) доказательства, обеспеченные нотариусом (судебные доказательства). Первые из них обладают потенциальной доказательственной силой, а вторые непосредственно предъявляются в судебные органы. Вторую группу образуют доказательства в форме осмотра и фиксации нотариусом информации, содержащейся в сети Интернет (сайты, страницы сайтов, файлы, размещенные в сети Интернет в социальных сетях), в переписке, в том числе деловой (на электронной почте; в СМС-, ММС-сообщениях; содержащейся в мессенджерах WhatsApp, Telegram, Viber, Skype и др.), в аудио- и видеозаписях. То есть вторая группа электронных (цифровых) доказательств, обеспеченных нотариусом, подразделяется на подгруппы в зависимости от вида источника информации. Учитывая те виды информации в электронном виде, которые может осмотреть нотариус, представляет, что обеспечение доказательств в виде осмотра достаточно многоплановое нотариальное действие. Так, например, в случае распространения одним из супругов по отношению к другому порочащей информации или клеветнических сведений, направления электронных сообщений, содержащих угрозу или шантаж, использования фотографических изображений и видеозаписей против воли одного из супругов нотариус может помочь подготовить и зафиксировать необходимые доказательства для защиты в суде.

Нотариальный документ в электронном формате (как результат нотариального действия) может быть создан в целях обеспечения: 1) сохранности имущества; 2) исполнения обязательств; 3) реализации прав. Логически приходим к выводу о том, что электронные (цифровые) доказательства в нотариальной практике в зависимости от порождаемого ими гражданско-правового результата можно разделить на те, что связаны: 1) с сохранностью имущества (сделки, удостоверяемые двумя и более нотариусами); 2) исполнением обязательств (совершение исполнительной надписи в дистанционном формате,

если заявитель (кредитор) обращается удаленно); 3) реализацией прав (осмотр информации в сети Интернет в дистанционном формате).

Электронные (цифровые) доказательства, обеспеченные нотариусом (судебные доказательства), – доказательства, полученные непосредственно нотариусом и зафиксированные им в протоколе, содержащие сведения о фактах в электронном формате, представление которых впоследствии может стать невозможным или затруднительным.

Выводы

Дискуссия цивилистов относительно понятия электронных доказательств блокирует понимание этой категории самими нотариусами. Одно из следствий – нежелание нотариусов совершать нотариальные действия, связанные с обеспечением электронных доказательств. Нормами Основ законодательства о нотариате необходимо отдельно закрепить процедуру обеспечения нотариусом электронных доказательств, установить пределы непровержимости нотариальных доказательств, отдельно выделить электронные (цифровые) доказательства, обеспечиваемые нотариусом.

Установлены следующие преимущества нотариальных документов в электронном формате, в том числе электронных доказательств, обеспеченных нотариусом, на примере брачно-семейных отношений:

- однозначность факта совершения нотариального действия, которое регистрируется нотариусом в бумажном реестре и Единой информационной системе нотариата;
- идентификация лица, обратившегося за совершением нотариального действия, личность которого устанавливается нотариусом;
- наличие всех необходимых реквизитов нотариального документа, доступность содержания нотариального документа для суда или административного органа;
- возможность проверки подлинности сертификата ключей электронной подписи нотариуса через удостоверяющий центр;
- имеют преюдициальное значение;
- у таких доказательств отсутствует срок действия;

– обеспечение доказательств может осуществляться любым нотариусом в пределах нотариального округа.

Электронные (цифровые) доказательства, обеспечиваемые нотариусом, необходимо рассматривать в широком и узком смысле. Предлагается три классификации электронных (цифровых) доказательств в нотариальной практике по следующим критериям: 1) в зависимости от гражданско-правового результата (сохранность имущества, исполнение обязательств, реализация прав); 2) в зависимости от цели обращения заявителя (с целью получения судебных доказательств и без указания на данную цель); 3) по источнику доказательственной информации (Интернет, переписка, аудио- и видеозапись). Указанные классификации имеют доктринальное и прикладное значение, могут быть использованы нотариусами в практических целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев, Т. Т. Электронные доказательства как самостоятельная категория доказательств в цивилистическом судопроизводстве Российской Федерации / Т. Т. Алиев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 5. – С. 28–32.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Брачный договор: почему любовь приводит людей к нотариусу // Федеральная нотариальная палата : офиц. сайт. – URL: <https://notariat.ru/sovety/statiy/brachno-semeinye-otnosheniia/statya/brachnyi-dogovor-pochemu-liubov-privodit-liudei-k/>
4. Васильев, Ф. П. Теория доказательств. Понятие и сущность доказательств в административном процессе / Ф. П. Васильев // Вестник ЧГУ. – 2007. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-dokazatelstv-ponyatie-i-suschnost-dokazatelstv-v-administrativnom-protsesse>
5. Голубцов, В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия / В. Г. Голубцов // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 170–188.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Журкина, О. В. Электронные доказательства: понятие и признаки / О. В. Журкина // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 44–46.

8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Мошков, Е. А. Понятие электронного документа и его применение в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации / Е. А. Мошков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 9. – С. 30–34.

10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 57 от 26.12.2017 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/26298/>

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23.04.2019 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/27773/>

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 13 от 30.06.2020 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29069/>

14. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации № 251 от 27.12.2016 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: https://www.vsrfr.ru/about/info/documents_regulations/6796/

15. Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. дом «Городец», 2004. – 268 с.

3. Brachnyj dogovor: pochemu lyubov privodit lyudej k notariusu [Prenuptial Agreement: Why Love Leads People to a Notary]. *Federalnaya notarialnaya palata: ofic. sajт* [Federal Notary Chamber. Official Website]. URL: <https://notariat.ru/sovety/statiy/brachno-semeinye-otnosheniia/statya/brachnyj-dogovor-pochemu-liubov-privodit-liudei-k/>

4. Vasilyev F.P. Teoriya dokazatelstv. Ponyatie i sushchnost dokazatelstv v administrativnom processe [Theory of Evidence. The Concept and Essence of Evidence in the Administrative Process]. *Vestnik ChGU* [Bulletin of the ChSPU], 2007, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-dokazatelstv-ponyatie-i-suschnost-dokazatelstv-v-administrativnom-protsesse>

5. Golubcov V.G. Elektronnye dokazatelstva v kontekste elektronnoho pravosudiya [Electronic Evidence in the Context of Electronic Justice]. *Vestnik grazhdanskogo processa* [Bulletin of the Civil Procedure], 2019, vol. 9, no. 1, pp. 170-188.

6. *Grazhdanskij processualnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 25.12.2023, s izm. ot 25.01.2024)* [The Civil Procedure Code of the Russian Federation Dated November 14, 2002 No. 138-FZ (As Amended on December 25, 2023, with Amendments Dated January 25, 2024)]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

7. Zhurkina O.V. Elektronnye dokazatelstva: ponyatie i priznaki [Electronic Evidence: The Concept and Features]. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2020, no. 9, pp. 44-46.

8. *Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 14.02.2024)* [Code of Administrative Procedure of the Russian Federation Dated March 8, 2015 No. 21-FZ (As Amended on February 14, 2024)]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

9. Moshkov E.A. Ponyatie elektronnoho dokumenta i ego primenenie v kachestve dokazatelstva v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii [The Concept of an Electronic Document and Its Use as Evidence in Civil and Arbitration Proceedings of the Russian Federation]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process* [Arbitration and Civil Proceedings], 2016, no. 9, pp. 30-34.

10. *Osnovy zakonodatelstva Rossijskoj Federacii o notariate (utv. VS RF 11.02.1993 № 4462-1)* [Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (Approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993 No. 4462-1)]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 57 от 26.12.2017 [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 57 Dated December 26, 2017]. *Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii: ofic. sajт* [The

REFERENCES

1. Aliev T.T. Elektronnye dokazatelstva kak samostoyatel'naya kategoriya dokazatelstv v civilisticheskom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii [Electronic Evidence as an Independent Category of Evidence in Civil Proceedings of the Russian Federation]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process* [Arbitration and Civil Proceedings], 2022, no. 5, pp. 28-32.

2. *Arbitrazhnyj processualnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 25.12.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 05.01.2024)* [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation Dated July 24, 2002 No. 95-FZ (As Amended on December 25, 2023) (As Amended and Supplemented, Entered into Force on January 5, 2024)]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

Supreme Court of the Russian Federation. Official Website]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/26298/>

12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 10 ot 23.04.2019 [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 Dated April 23, 2019]. *Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii: ofic. sajt* [The Supreme Court of the Russian Federation. Official Website]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/27773/>

13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 13 ot 30.06.2020 [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 13 Dated June 30, 2020]. *Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii: ofic. sajt* [The Supreme Court of

the Russian Federation. Official Website]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29069/>

14. Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii № 251 ot 27.12.2016 [Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation No. 251 Dated December 27, 2016]. *Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii: ofic. sajt* [The Supreme Court of the Russian Federation. Official Website]. URL: https://www.vsrfr.ru/about/info/documents_regulations/6796/

15. Treushnikov M.K. *Sudebnye dokazatelstva* [Judicial Evidence]. Moscow, Izd. dom «Gorodec», 2004. 268 p.

Information About the Author

Natalia A. Kaplunova, Postgraduate Student, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, NATmj@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6785-9379>

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Каплунова, аспирант, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, NATmj@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6785-9379>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.8>

UDC 343.123.6
LBC 67.410.2

Submitted: 15.04.2024
Accepted: 30.04.2024

THE IMPORTANCE OF THE INSTITUTION OF PRIVATE PROSECUTION FOR THE PROTECTION OF VICTIMS OF DOMESTIC VIOLENCE

Natalia A. Solovyova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the presented paper analyzes the scientific and practical literature on the preservation of private prosecution as an institution in criminal proceedings from the perspective of protecting the rights, freedoms, and legitimate interests of citizens involved in the sphere of domestic conflicts, as well as contributing to the prevention thereof. In this regard, the **purpose** of the study of this legal category is a comparative legal analysis of the theoretical and applied positions on the need to preserve private prosecution in criminal proceedings and the development of the most optimal ways to improve this institution in order to balance the interests of justice and take into account the interests of citizens in resolving criminal law conflicts arising on domestic grounds, as well as protecting victims of domestic violence. **Methods:** the methodological framework for the research is based on general scientific methods (dialectical, systemic, structural and functional, logical, etc.) and specific scientific methods (formal legal, comparative law, etc.). **Results:** the problem of the insufficient effectiveness of private prosecution in protecting the rights, freedoms, and legitimate interests of citizens should be solved not by abandoning this institution but by simplifying legal proceedings and broadening the powers of a justice of the peace, including granting him the right to give instructions on the conduct of certain investigative actions by the body of inquiry. Subject to the foregoing, the institution of private prosecution as a way of protecting individual rights not only has the right to exist but also organically fits into the domestic criminal procedure system. **Conclusions:** in the fight against domestic violence, the efforts of the state should be focused on eliminating its causes, and abandoning the institution of private prosecution or leaving it unchanged does not correlate with these tasks. It is inappropriate to make the effectiveness of combating domestic violence dependent on the elimination or preservation of the institution of private prosecution. It should be recognized that a set of legislative, organizational, and methodological measures is required aimed at countering and eradicating such a social phenomenon.

Key words: private prosecution, domestic violence, reconciliation of the parties, differentiation of criminal procedural forms, victim.

Citation. Solovyova N.A. The Importance of the Institution of Private Prosecution for the Protection of Victims of Domestic Violence. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 63-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.8>

УДК 343.123.6
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 15.04.2024
Дата принятия статьи: 30.04.2024

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Наталья Алексеевна Соловьева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в представленной статье анализируется научно-практическая литература по вопросу сохранения частного обвинения как института в уголовном процессе, с позиции защиты прав, свобод и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу бытовых конфликтов, а также с целью профилактики и предупреждения таковых. В связи с этим **целями** работы по исследованию данной правовой категории являются: сравнительно-правовой анализ теоретико-прикладных позиций по поводу необходимости сохранения частного обвинения в уголовном процессе, выработка наиболее оптимальных путей совершенствования данного института для соблюдения баланса интересов правосудия и учета интереса граждан при разрешении

уголовно-правовых конфликтов, возникших на бытовой почве, а также защиты жертв домашнего насилия. **Методы:** методологическую основу исследования составляют общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.). **Результаты:** проблема недостаточной эффективности частного обвинения в деле защиты прав, свобод и законных интересов граждан должна решаться не путем отказа от этого института, а с помощью упрощения судопроизводства, расширения полномочий мирового судьи, в том числе предоставления ему права дачи поручений о производстве отдельных следственных действий органом дознания. В силу сказанного институт частного обвинения как способ защиты прав личности не просто имеет право на существование, но и органично вписывается в отечественную уголовно-процессуальную систему. **Выводы:** в деле борьбы с домашним насилием усилия государства должны быть сконцентрированы на устранении его причин, а отказ от института частного обвинения или оставление его без изменения не коррелирует с этими задачами. Нецелесообразно ставить в зависимость от ликвидации или сохранения института частного обвинения эффективность борьбы с домашним насилием. Следует признать, что требуется комплекс мероприятий законодательного, организационного и методического характера, направленных на противодействие и искоренение подобного социального явления.

Ключевые слова: частное обвинение, домашнее насилие, примирение сторон, дифференциация уголовно-процессуальной формы, жертва.

Цитирование. Соловьева Н. А. Значение института частного обвинения для защиты жертв домашнего насилия // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 63–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.8>

Введение

Продолжительный период времени отечественному законодателю приходилось мириться с ситуацией, когда в угоду адаптации к какой-либо, как казалось, приоритетной модели функционирования отдельных правовых институтов приходилось жертвовать национальными интересами и ценностями. В современных реалиях настал момент, когда необходимо отказаться от следования неприемлемым тенденциям развития и безотлагательно озаботиться поиском более совершенной и жизнеспособной модели развития российского общества и государства [20, с. 73]. Сказанное напрямую касается и института частного обвинения, относительно которого ведется научный дискурс, характеризующийся наличием альтернативных точек зрения, в том числе выходящих за рамки отечественного законодательства. В этой связи возникает насущная потребность в формулировании определенной позиции, исходя из реальных возможностей реализации данного института и учитывая особенности национального развития, культурный менталитет и исторический опыт. Необходимо подходить к данному вопросу с учетом специфики современной отечественной правовой системы, а не просто следуя навязанным странами западной цивилизации стандартам демократии и свободы.

Не важно, нравится ли институт частного обвинения иностранным специалистам в области уголовно-процессуального права – главное, чтобы он соответствовал потребностям и ожиданиям российского социума. Законодателю и правоприменителям важно учитывать конструктивные предложения при улучшении института частного обвинения в целях обеспечения защиты прав и интересов человека и гражданина.

Необходимость проведения исследования обусловлена возросшим в российском обществе интересом к институту частного обвинения, который представляет собой одну из форм участия граждан в уголовном судопроизводстве. Актуальность тематике исследования придает изучение положений, связанных с эффективностью применения частного обвинения в борьбе с домашним насилием, что позволит рассмотреть данный институт под новым углом. Следовательно, возникает несколько фундаментальных вопросов, включая необходимость частного обвинения в уголовном процессе, целесообразность его совершенствования или возможного упразднения, а также соответствие данного института задачам противодействия преступлениям, совершенным на семейно-бытовой почве.

Несмотря на незначительный удельный вес данного вида преступлений (не более 1 %) [1, с. 21], они представляют особую важность

для общества, поскольку обладают повышенной латентностью. Две трети из этих зарегистрированных преступлений – умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ) и нанесение побоев (ст. 116.1 УК РФ) – напрямую связаны со случаями домашнего насилия, которые чаще всего происходят в межличностных отношениях сожителей / супругов или внутри семьи. Однако частный порядок уголовного преследования, где предъявление обвинения в суде, доказывание вины подсудимого и возможность мирного урегулирования дела зависят от позиции и действий потерпевшего или частного обвинителя, при минимальном вмешательстве государственных правоохранительных органов для обеспечения защиты и восстановления прав этого лица, не полностью соответствует точке зрения отечественных и зарубежных исследователей.

Частное обвинение как особый вид уголовно-процессуальной деятельности

Институт частного обвинения можно характеризовать как одну из немногих сфер уголовного процесса, где проявляется волеизъявление частных лиц. Иными словами, в данном институте уголовного судопроизводства в наибольшей степени реализуется принцип диспозитивности. В.В. Дорошков понимает «...особый вид уголовно-процессуальной деятельности в рамках специальной правовой процедуры, которая позволяет частному обвинителю выразить свою волю, обязательную для государственных органов, в уголовном преследовании обвиняемого в ходе возбуждения уголовного дела, поддержания обвинения в суде и отказа от обвинения» [7, с. 67].

Процедурные особенности института частного обвинения включают в себя несколько ключевых аспектов. В первую очередь это волеизъявление потерпевшего привлечь лицо к уголовной ответственности, подав заявление мировому судье. Далее важным является соединение в одно производство непосредственно представленных доказательств частным обвинителем. И, наконец, стоит отметить отсутствие стадии предварительного расследования [19, с. 10]. Следовательно, институт частного обвинения неразрывно связан с волей

потерпевшего, и исход уголовного дела зависит от его инициативы и действий. Институт частного обвинения позволяет потерпевшему самостоятельно поддерживать обвинение, представляя свои интересы и требуя установления справедливости, что предоставляет ему возможность активно участвовать в судебном процессе, вносить свои доводы и доказательства, а также влиять на ход дела. Однако следует отметить, что институт частного обвинения не лишен рисков, так как потерпевший берет на себя ответственность за доказывание вины обвиняемого. Государство, в свою очередь, не должно оставаться в стороне от проблем, с которыми сталкиваются потерпевшие, и в некоторых случаях предоставляет им правовую поддержку. Например, мировой судья по ходатайству сторон имеет право оказать содействие потерпевшим в сборе доказательств, которые не могут быть получены самостоятельно сторонами.

Институт частного обвинения можно охарактеризовать, как результат дифференциации уголовно-процессуальной формы. Данная дифференциация прекрасно вписывается в российское судопроизводство, где одними из принципов являются: экономия времени и защита прав граждан. Преступления, по которым возбуждаются уголовные дела частного обвинения, как правило, не представляют серьезной общественной опасности и чаще всего совершаются в семейно-бытовой сфере. Эта специфика формирует важный аспект данной процедуры, где повышенная латентность является ключевым фактором, так как потерпевшие часто стремятся сохранить интимные подробности своей личной жизни в тайне [4]. И хотя дела частного обвинения менее серьезны, чем обвинения в суде, осуществляемые в частно-публичном и публичном порядках, они все равно играют важную роль в обеспечении справедливости и защиты прав потерпевших, в том числе и от домашнего насилия.

Противоречивость взглядов на частное обвинение: от упразднения до сохранения и совершенствования

Современный научный дискурс относительно роли института частного обвинения

в противодействии домашнему насилию привлекает внимание многих исследователей, включая ученых-процессуалистов. Некоторые авторы отмечают важность сохранения такого порядка судопроизводства. Однако стоит учитывать, что необходимо более тщательно анализировать потенциальную имплементацию норм иностранных государств, тщательно их проверяя на предмет приспособления к национальной культуре, ценностям и традициям российского народа [6]. Тем не менее институт частного обвинения необходимо рассматривать не только как защиту семейных ценностей, но и как инструмент борьбы с преступностью и обеспечения справедливости.

В современных реалиях процедура рассмотрения дел частного обвинения является важным механизмом защиты как личных, так и общественных интересов, предоставляя пострадавшим от преступных посягательств возможность самостоятельно участвовать в расследовании преступления. Следует согласиться с мнением ряда исследователей, что проблемы, связанные с домашним насилием, обусловленные семейно-бытовыми конфликтами, не всегда могут быть решены исключительно через уголовное преследование, и следует обращать внимание на улучшение семейного и гражданского законодательства [5]. В этой связи научные подходы относительно сохранения института рассмотрения дел частного обвинения не должны обосновываться необходимостью борьбы с домашним насилием, хотя и целесообразно стремиться к совершенствованию законодательства, способствующего предотвращению и разрешению конфликтов в семейно-бытовой сфере.

Ранее отмечалось, что функционирование института частного обвинения оправдано с позиции защиты личной и семейной тайны [5, с. 10]. Представляется, что дифференциация уголовно-процессуальной формы наибольшим образом связана с принципами разумности и экономии ресурсов судебной системы, нежели чем с целью устранения форм домашнего насилия. С другой стороны, можно сделать предположение, что институт частного обвинения негативно сказывается на защите семейных ценностей. Как уже отмечалось, случаи домашнего насилия часто остаются ла-

тентными из-за желания сохранить личную и семейную тайны. Поэтому следует признать, что институт частного обвинения несет в себе как положительные, так и отрицательные стороны в борьбе с домашним насилием.

Таким образом, существует два альтернативных подхода к проблеме обоснования сохранения или ликвидации института частного обвинения. Некоторые ученые считают, что уголовные дела о насилии в семье и причинении телесных повреждений должны быть переведены из категории частного обвинения в область публичного обвинения, чтобы обеспечить защиту семьи и детства со стороны государства [5, с. 9].

Другие исследователи поддерживают криминализацию домашнего насилия, утверждая, что частное обвинение в таких случаях не является допустимым [10, с. 115].

Рассматривая основной вопрос тематики исследования, необходимо отметить, что Верховный Суд Российской Федерации, обосновывая проблему сохранения или ликвидации института частного обвинения, опирается на решения органов Совета Европы. Высший судебный орган Российской Федерации приходит к выводу, что частный порядок уголовного преследования не соответствует положениям Европейского суда по правам человека, так как ответственность за подачу заявления мировому судье, поддержание обвинения, представление доказательств виновности обвиняемого и возможность примирения сторон полностью зависят от активности и интересов потерпевшего при минимальном вмешательстве государственных правоохранительных органов в обеспечение защиты и восстановления прав данного лица.

Высший судебный орган Российской Федерации по уголовным делам указывает также на фактическое отсутствие стадии предварительного расследования в уголовном производстве по делам частного обвинения. Данный юридический факт, по мнению Верховного Суда, не соответствует требованиям эффективной защиты уголовно-правовых прав и свобод человека и гражданина, его здоровья, чести, достоинства и репутации. Кроме того, такая практика не соответствует государственной политике по обеспечению безопасности личности и противодействию пре-

ступности, включая предотвращение домашнего насилия. Важно отметить, что по данному вопросу существует уже установившаяся правовая позиция высшего судебного органа конституционного контроля в России, отраженная в одном из его Определений [12].

При анализе жалобы, рассматриваемой Конституционным Судом РФ, отмечается, что особенности уголовного судопроизводства по делам частного обвинения обусловлены спецификой преступлений, совершаемых в результате конфликтов межличностного характера, в основном в сфере внутрисемейных отношений, общения между соседями и сослуживцами. Также учитывается субъективное восприятие потерпевшим совершенного деяния и возможность соединения рассмотрения заявления по делу частного обвинения с встречным заявлением. Особое внимание уделяется примирительному характеру судебной деятельности и ее соответствию целям мировой юстиции, а также учитываются другие обстоятельства, которые могут ограничивать целесообразность публичного преследования. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, законодатель оперировал предположением о том, что соответствующие преступления не представляют угрозы общественной безопасности и их раскрытие обычно не вызывает серьезных трудностей. Потерпевший, по мнению законодателя, вполне способен самостоятельно осуществлять уголовное преследование, обращаясь за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд. При этом он должен уметь доказать факт совершения преступного деяния и виновность конкретного лица, обойдя стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, которые обязательны в иных случаях расследования преступлений.

Обоснование концепции сохранения института частного обвинения

Для обоснования концепции сохранения института частного обвинения ряд исследователей в области уголовно-процессуального права вполне разумно предлагают применять теорию патернализма в качестве негативного фактора, который поможет утвердить и за-

щитить гражданскую позицию в правовом контексте. В частности, В.В. Вовк отмечает, что патернализм способствует ограничению индивидуальной инициативы, превращает личность в субъекта не только права, но и власти, порождает иждивенческие установки в общественном сознании и воспитывает в личности пассивное ожидание. Патернализм может оправдываться заботой о благосостоянии, безопасности или моральном развитии потерпевших от домашнего насилия, однако он также может ограничивать их свободу и автономию. Обсуждение патерналистских отношений также требует понимания того, какие нормы и ценности лежат в их основе, какие могут быть последствия для сторон (государства и потерпевших от домашнего насилия) и как обеспечить баланс между защитой интересов другой стороны и ее свободой и самоопределением. Разделяя точку зрения В.В. Вовка относительно отрицательного воздействия патерналистской концепции на правовое сознание [3, с. 9], отметим, что отказ от института частного обвинения может вызвать утрату одного из ключевых механизмов, способствующих развитию гражданской активности как неотъемлемого элемента гражданского общества. Кроме того, это может привести к затруднениям в формировании правосознания и правовой культуры граждан. Следовательно, сохранение института частного обвинения оказывает положительное воздействие на дальнейшее совершенствование уголовно-процессуальной системы через ее дифференциацию, а также способствует формированию правового сознания и правовой культуры общества в целом. Сохранение этого института уголовного судопроизводства играет важную роль не только в судебной сфере, но и в развитии общественного сознания и закреплении принципов законности в российском обществе, внося уникальный вклад в эволюцию судебной системы.

В научно-практической уголовно-процессуальной литературе существует распространенное утверждение о причинах отказа от использования частного обвинения, которое объясняется недостаточными знаниями потерпевших об их законодательно закрепленных правах, обязанностях и процедурах рассмотрения дел данной категории. Например,

в своей работе О.Т. Тохирзода отмечает, что потерпевшие, не обладая юридической компетенцией, испытывают трудности в роли субъекта доказывания [16, с. 108]. Для решения данной проблемы предлагается закрепить норму обязательного участия защитника по делам частного обвинения. В случае обвинительного приговора процессуальные издержки на оплату труда защитника должен компенсировать осужденный, а в случае оправдательного приговора – частный обвинитель [16, с. 108; 17].

Очевидна проблематика, напрямую связанная с недостаточной эффективностью механизмов частного обвинения в контексте защиты прав, свобод и законных интересов потерпевших и обвиняемых. Решение данной проблемы требует не упразднения данного института, а применения системного подхода, включающего улучшение судопроцессуальных процедур. В современных условиях критически важно осмыслить возможность расширения полномочий мировых судей, в том числе предоставления им правомочий по делегированию отдельных следственных действий органам предварительного расследования – органам дознания. В свете вышесказанного следует подчеркнуть, что частное обвинение как форма защиты индивидуальных прав не только имеет право на существование, но и гармонично интегрируется в уголовно-процессуальную систему отечественного правопорядка, что подчеркивает его неоспоримую значимость и оправданность в современной правовой практике. Эта форма защиты способствует сокращению времени рассмотрения дел в суде.

Представленные инициативы Верховного Суда Российской Федерации, включающие в себя предложения о введении понятия «уголовный проступок», переходе дел частного обвинения в категорию частно-публичного обвинения с уклоном на решение проблемы домашнего насилия, а также декриминализации определенного круга преступлений с переносом их на уровень правонарушений, рассматриваются в контексте необходимости дальнейшего развития уголовного законодательства России (см.: Проект Федерального закона № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской

Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // ГД ФС РФ: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7>). Однако следует отметить, что предложенные изменения вызывают серьезные опасения в контексте достижения социальной справедливости. Тем не менее имеются ученые-процессуалисты, которые поддерживают позицию высшего судебного органа по уголовным делам по ликвидации института частного обвинения, но при принятии столь непростого решения следует учитывать сложность данного вопроса и потенциал для развития новаторских подходов к совершенствованию уголовного процесса [16, с. 107].

**Разумное сочетание
публичного и диспозитивного начал
в уголовном процессе – залог
совершенствования противодействия
бытовому насилию**

Существенное дополнение публичного начала диспозитивным (частным) началом, построение уголовного судопроизводства на основе их разумного сочетания для более эффективной защиты не только государственных и общественных, но и личных интересов граждан, вовлеченных в производство по уголовному делу, служат достижению истинных целей уголовного процесса. Такой подход направлен на повышение эффективности защиты прав и интересов потерпевших. Публичные правила устанавливают границы прав и свобод личности, в то время как частные права подразумевают самоограничение органов государственной власти. Соблюдение баланса между публичным и диспозитивным началами способствует обеспечению интересов общества в целом, включая как потерпевших, так и обвиняемых по уголовным делам о преступлениях, связанных с домашним насилием. Современные условия требуют постоянного совершенствования уголовного процесса, а также интеграции частных начал в его структуру. Ориентация исключительно на публичные начала уже

не в состоянии в максимальной степени обеспечить должную защиту индивидуальных интересов каждого участника уголовного процесса в контексте противодействия домашнему насилию. Основной гарант уважения личности, обеспечения прав и свобод человека – это не только разработка законов, но и создание условий для активности и самореализации личности, особенно в рамках правовых процедур. Разумное сочетание публичных и частных начал является залогом справедливости и эффективности уголовного правосудия, предотвращает произвол со стороны государственных органов и защищает основные ценности современного общества.

Рациональное сочетание элементов публичного и диспозитивного в рамках судопроизводства отражает соответствие данной системы политике конкретного государства на определенном этапе его исторического развития. Идеальное сочетание публичных и частных начал в области осуществления правосудия по уголовным делам, связанных с насильственными преступлениями в семейно-бытовой сфере, выражается через несколько ключевых характеристик: вмешательство государства должно быть обоснованным и стремиться к достижению законной цели, выражающей общественный интерес. Контрольное воздействие государства должно сохранять баланс между серьезностью ограничений и значимостью достигаемого результата, обеспечивая гармонию между публичными и частными интересами. Индивидуализированный подход к каждому случаю, особое применение принципов уголовного судопроизводства к конкретным обстоятельствам способствуют сохранению целостности правосудия и обеспечению справедливости в условиях современного правового пространства. В свете современных вызовов и требований правовой сферы особое значение имеет стремление к сбалансированному сочетанию общественных потребностей и основных принципов правопорядка, что позволит наиболее эффективно решать различные правовые проблемы, включая противодействие домашнему насилию, и обеспечивать гармоничную интеграцию законности с особыми потребностями общества.

В современном научном дискурсе учеными-процессуалистами наблюдается одно-

стороннее рассмотрение вопроса взаимодействия частных и публичных начал в судебных процессах. Они ориентированы на защиту исключительно индивидуальных прав участников уголовного процесса, исключая при этом возможность нарушения публичных интересов. В результате основной проблемой, стоящей перед научным сообществом, становится разрешение противоречия между обязанностью обеспечивать права и свободы личности, с одной стороны, и необходимостью обеспечения национальной безопасности – с другой. Определение наиболее оптимального подхода к сочетанию этих противоречивых явлений представляет собой актуальную и сложную задачу перед учеными-процессуалистами современности. Решение этой проблемы позволит установить гармонию между публичными и частными началами, что приведет к созданию эффективной и уникальной модели уголовного судопроизводства.

Судопроизводство должно быть независимым и прозрачным, чтобы гарантировать соблюдение прав и свобод граждан, а также обеспечить справедливость и законность в принятии решений. Судебная система должна быть эффективной и доступной для всех граждан, независимо от их социального статуса, этнической принадлежности или материального положения. Отечественные исследователи справедливо полагают, что учитывая уникальные особенности российского народа, следует строить систему государственно-правовых отношений, которая будет соответствовать его ценностям и традициям. Они также подчеркивают, что при разработке правовых норм и законов необходимо учитывать исторические особенности российского государства, его культурное наследие и национальную идентичность. Только таким образом можно создать стабильную и эффективную систему правосудия, которая будет обеспечивать государственную и общественную безопасность [1, с. 20].

Выводы

Вместо упразднения института частного обвинения разумным представляется развитие примирительных процедур наряду с уп-

рошением порядка подачи заявления о преступлении мировому судье. Еще в дореволюционную эпоху ученый М.Ф. Владимирский-Буданов справедливо отметил, что «...уже со времен довольно ранних государство помогает частному истцу в преследовании обвиняемого» [2, с. 615]. Данное суждение позволяет оценить влияние государства на оказание правовой помощи пострадавшему от преступных посягательств.

В современных условиях систематизирован значительный опыт уголовно-процессуальной деятельности по делам частного обвинения. Тем не менее существует немало неразрешенных проблем: необходимость повышения эффективности функционирования института частного обвинения; невозможность некоторых частных обвинителей по делам о насильственных преступлениях, совершенных в семейно-бытовой сфере, нанять адвоката для защиты своих прав в судебном заседании; в некоторых случаях пострадавшие от домашнего насилия могут испытывать трудности с собиранием доказательств, что приводит к невозможности осуществления правосудия. Решение данных проблем предполагает использование научных методов и подходов, а также разработку новых законодательных механизмов, соответствующих современным требованиям правовой системы. Эти проблемы возможно устранить лишь совместными усилиями законодателя и научного сообщества.

Проблема недостаточной эффективности института частного обвинения в контексте защиты прав граждан требует комплексного анализа и выработки соответствующих рекомендаций для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной практики. Отказ от данного института не является оптимальным решением данной проблемы; наоборот, необходимо активно работать над улучшением процедур судопроизводства, расширения компетенций мирового судьи, а также обеспечения возможности проведения определенных следственных действий органами дознания по постановлению мирового судьи. В свете вышесказанного институт частного обвинения должен пониматься не только как одно из средств защиты частных начал, но и как элемент уголовно-процессуальной системы,

гармонично взаимодействующий с другими институтами и принципами. Для эффективного решения возникших проблем требуется не только изменение нормативной базы, но и активное взаимодействие ученых, практиков и гражданского общества с целью разработки наилучших подходов к совершенствованию процессуальной практики и обеспечению справедливости при применении частного обвинения.

Заключение

Утопией является предположение о том, что государство, реконструировав устоявшуюся систему уголовного процесса, способно понизить уровень домашнего насилия. Иными словами, в контексте противодействия домашнему насилию усилия органов государственной власти должны быть сфокусированы на искоренении его детерминант, а упразднение института частного обвинения не коррелирует с данными задачами (см.: [11; 13, с. 133; 14; 15]).

В научном сообществе можно встретить рекомендации законодателю относительно внедрения института судебного запрета в гражданском законодательстве для решения отдельных бытовых вопросов, включая случаи установленного судом насилия в семье, однако конкретных процедур и механизмов, которые могли бы эффективно противодействовать домашнему насилию, пока ими не разработано (см.: [8, с. 30; 9]).

В рамках противодействия домашнему насилию следует применять интегральный подход, включающий в себя комплекс следующих мер: повышение уровня жизни населения; проведение разъяснительной работы по формированию правового сознания граждан; создание социальных институтов поддержки пострадавших от домашнего насилия; увеличение количества государственных кризисных центров, где жертвы домашнего насилия могут обрести убежище. Для решения проблемы домашнего насилия необходим учет культурных, социальных и психологических особенностей проявления насилия в семье, что содействует разработке уникального комплексного подхода к борьбе с данным девиантным феноменом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаренок, Н. В. Упразднение дел частного обвинения как проявление поиска баланса публичного и частного интересов в современном отечественном уголовном процессе / Н. В. Азаренок // *Мировой судья*. – 2022. – № 4. – С. 20–22.

2. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов ; науч. ред.: А. Л. Глазычев [и др.]. – М. : Изд. Дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.

3. Вовк, В. В. Патернализм в российском правовом менталитете : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Вовк Виктор Николаевич. – Краснодар, 2010. – 30 с.

4. Дайшутов, М. М. К вопросу об уголовной ответственности за клевету / М. М. Дайшутов, Ф. Н. Кадников // *Евразийская адвокатура*. – 2021. – № 1 (50). – С. 59–63.

5. Дорошков, В. В. Нужна ли ликвидация частного обвинения? / В. В. Дорошков // *Мировой судья*. – 2021. – № 4. – С. 3–11.

6. Дорошков, В. В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества / В. В. Дорошков // *Журнал российского права*. – 2021. – Т. 25, № 12. – С. 14–25.

7. Дорошков, В. В. Частное обвинение и этапы его развития в России / В. В. Дорошков // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2015. – № 3. – С. 66–69.

8. Зебницкая, А. К. К вопросу о порядке получения Protective Order (охранного приказа) / А. К. Зебницкая // *Мировой судья*. – 2020. – № 5. – С. 28–33.

9. Коробеев, А. И. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? / А. И. Коробеев, А. А. Ширшов // *Уголовное право*. – 2017. – № 4. – С. 68–72.

10. Крутихина, П. В. Декриминализация домашнего насилия: три года спустя / П. В. Крутихина // *Закон*. – 2019. – № 12. – С. 112–119.

11. Лопашенко, Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка / Н. А. Лопашенко // *Уголовное право*. – 2017. – № 4. – С. 84–93.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 17 сентября 2013 г. № 1336-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сверловой Елены Леонидовны на нарушение ее конституционных прав положениями части второй статьи 20, статей 318, 319 и 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Саламова, С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика / С. Я. Саламова // *Lex Russica*. – 2018. – № 9 (142). – С. 129–138.

14. Талынева, З. З. Совершенствование производства по делам частного обвинения как реальная необходимость / З. З. Талынева, Л. У. Резяпова // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2013. – № 2. – С. 174–177.

15. Теория и практика возбуждения уголовного дела : учеб. пособие / Т. Ю. Вилкова [и др.] ; отв. ред. Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2022. – 288 с.

16. Тохирзода, О. Т. Частное обвинение в уголовном процессе и необходимость его совершенствования / О. Т. Тохирзода // *Академическая мысль*. – 2021. – № 3 (16). – С. 106–108.

17. Ухова, Е. В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ухова Елена Викторовна. – Владимир, 2004. – 30 с.

18. Цыреторов, А. И. Упразднение института частного обвинения: pro et contra / А. И. Цыреторов // *Российский юридический журнал*. – 2022. – № 6 (147). – С. 44–53.

19. Честнов, И. Л. Модернизация права в постсовременном обществе: смена парадигмы / И. Л. Честнов // *Журнал российского права*. – 2021. – Т. 25, № 6. – С. 5–13.

20. Ямашева, Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России / Е. В. Ямашева // *Журнал российского права*. – 2009. – № 10 (154). – С. 69–79.

REFERENCES

1. Azarenok N.V. Uprazdneniye del chastnogo obvineniya kak proyavleniye poiska balansa publicnogo i chastnogo interesov v sovremennom otechestvennom ugovnom protsesse [The Abolition of Private Prosecution Cases as a Manifestation of the Search for a Balance of Public and Private Interests in Modern Domestic Criminal Proceedings]. *Mirovoy sudia* [Justice of the Peace], 2022, no. 4, pp. 20-22.

2. Vladimirsky-Budanov M.F.; Glazychev A.L., Utkin A.I., Filippov A.F., Khestanov R.Z., eds. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the History of Russian Law]. Moscow, Izd. dom «Territoriya budushchego», 2005. 800 p.

3. Vovk V.V. *Paternalizm v rossiyskom pravovom mentalitete: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Paternalism in the Russian Legal Mentality. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2010. 30 p.

4. Daishutov M.M., Kadnikov F.N. K voprosu ob ugovnoy otvetstvennosti za klevetu [On the Issue of Criminal Liability for Libel]. *Evraziyskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2021, no. 1 (50), pp. 59-63.

5. Doroshkov V.V. Nuzhna li likvidatsiya chastnogo obvineniya? [Is the Liquidation of a Private Prosecution Necessary?]. *Mirovoy sudia* [Justice of the Peace], 2021, no. 4, pp. 3-11.

6. Doroshkov V.V. Sovremennyy ugolovnyy protsess cherez prizmu dukhovno-nravstvennykh osnov rossiyskogo obshchestva [Modern Criminal Procedure Through the Prism of the Spiritual and Moral Foundations of Russian Society]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, vol. 25, no. 12, pp. 14-25.

7. Doroshkov V.V. Chastnoye obvineniye i etapy ego razvitiya v Rossii [Private Prosecution and the Stages of its Development in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 3, pp. 66-69.

8. Zebnitskaya A.K. K voprosu o poryadke polucheniya Protective Order (okhrannogo prikaza) [On the Issue of the Procedure for Obtaining a Protective Order (Protective Order)]. *Mirovoy sudia* [Justice of the Peace], 2020, no. 5, pp. 28-33.

9. Korobeev A.I., Shirshov A.A. Ugolovnyy prostupok skvoz prizmu instituta administrativnoy preyuditsii: blago ili zlo? [Criminal Misconduct Through the Prism of the Institute of Administrative Prejudice: Good or Evil?]. *Ugolovnoye pravo* [Criminal Law], 2017, no. 4, pp. 68-72.

10. Krutikhina P.V. Dekriminalizatsiya domashnego nasiliya: tri goda spustya [Decriminalization of Domestic Violence: Three Years Later]. *Zakon* [Law], 2019, no. 12, pp. 112-119.

11. Lopashenko N.A. Snizheniye repressivnosti ugolovnogo zakona: predlagayemye mery i ikh otsenka [Reducing the Repressiveness of the Criminal Law: Proposed Measures and Their Assessment]. *Ugolovnoye pravo* [Criminal Law], 2017, no. 4, pp. 84-93.

12. *Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 17 sentyabrya 2013 g. № 1336-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Sverlovoy Eleny Leonidovny na narusheniye eye konstitutsionnykh prav polozheniyami chasti vtoroy stati 20. statey 318. 319 i 321 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 17, 2013 No. 1336-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Elena Leonidovna Sverlova for Violation of Her Constitutional Rights by the Provisions of Part

Two of Article 20, Articles 318, 319 and 321 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. Access from the Legal Reference System «KonsultantPlyus».

13. Salamova S.Ya. Domashneye nasiliye v sovremennoy Rossii: obshchaya kharakteristika [Domestic Violence in Modern Russia: General Characteristics]. *Lex Russica*, 2018, no. 9 (142), pp. 129-138.

14. Talyneva Z.Z., Rezyapova L.U. Sovershenstvovaniye proizvodstva po delam chastnogo obvineniya kak realnaya neobkhodimost [Improvement of Proceedings in Cases of Private Prosecution as a Real Necessity]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian Legislation], 2013, no. 2, pp. 174-177.

15. Vilkova T.Y., Maslennikova L.N., Sobenin A.A., et al.; Maslennikova L.N., Vilkova T.Y., eds. *Teoriya i praktika vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: ucheb. posobiye* [Theory and Practice of Initiating a Criminal Case: A Textbook]. Moscow, NORMA, INFRA-M, 2022. 288 p.

16. Tokhirzoda O.T. Chastnoye obvineniye v ugolovnom protsesse i neobkhodimost ego sovershenstvovaniya [Private Prosecution in Criminal Proceedings and the Need to Improve It]. *Akademicheskaya mysl* [Academic Thought], 2021, no. 3 (16), pp. 106-108.

17. Ukhova E.V. *Institut chastnogo obvineniya v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of Private Prosecution in Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Vladimir, 2004. 30 p.

18. Tsyretorov A.I. Uprazhneniye instituta chastnogo obvineniya: pro et contra [Abolition of the Institute of Private Prosecution: pro et contra]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Law Journal], 2022, no. 6 (147), pp. 44-53.

19. Chestnov I.L. Modernizatsiya prava v postsovremennoy obshchestve: smena paradigmy [Modernization of Law in a Postmodern Society: A Paradigm Shift]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, vol. 25, no. 6, pp. 5-13.

20. Yamasheva E.V. K voprosu o vosstanovlenii instituta administrativnoy preyuditsii v ugolovnom zakone Rossii [On the Issue of Restoring the Institution of Administrative Prejudice in the Criminal Law of Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2009, no. 10 (154), pp. 69-79.

Information About the Author

Natalia A. Solovyova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Соловьева, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

www.volsu.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.9>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 03.04.2024
Accepted: 20.04.2024

THE METHOD OF CIVIL LAW: REGULATION, EVALUATION OR MODELING?

Pyotr S. Fedoseev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the problems of reevaluating the methods of civil regulation. The author argues with the researchers who speak in favor of rejecting the use of the term “regulation” in a private law context and replacing it with modeling or evaluating public relations regarding property and non-materialized goods. The author of the paper believes that the issue of replacing the term “regulation” with “modeling” or “evaluation” is a dispute over terms. Law, as a social phenomenon, regulates public relations; however, the degree of influence of law on public relations depends on the national concept of legal regulation and the recognition of legal statuses for subjects of legal relations. **Purpose:** to prove the possibility of applying socio-legal methodology with attention to the social factors of the operation of legal norms, with preference over the prevailing normative and dogmatic understanding of law. **Methods:** the main research method used in the paper is the sociological method in jurisprudence, which allows a comprehensive assessment of the activities of the subject of legal relations, endowed with a situationally necessary civil status, and implementing this status in a specific legal context, established taking into account the interests of the subject and the existing legal order. **Results:** the author investigates the problem of exhausting the scientific and regulatory resources of the dogmatic understanding of law with its inherent metaphysical constructions of “method” and “subject” in favor of “revitalizing” the legal matter and overcoming the isolation of law on itself, to the detriment of the interests of society and the individual. **Conclusions:** as a result of the research, the author has developed a point of view on the need for a critical revision of the views prevailing in modern Russian civil law on how law operates in society, which generates legal “fetishism” that contradicts the principles of civil law. Russian civil law has sufficient potential to grant freedom to its subjects; in order to implement it, it is necessary to ensure the harmonious functioning of substantive and procedural law, convincing the judicial community of the value of the subjects of civil relations but not the forms of their participation in them.

Key words: civil law, legal regulation, sociological method in law, civil relations, subjects of civil law, civil world.

Citation. Fedoseev P.S. The Method of Civil Law: Regulation, Evaluation or Modeling? *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 74-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.9>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 03.04.2024
Дата принятия статьи: 20.04.2024

МЕТОД ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: РЕГУЛИРОВАНИЕ, ОЦЕНКА ИЛИ МОДЕЛИРОВАНИЕ?

Петр Сергеевич Федосеев

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье дискутируются проблемы переоценки методов гражданско-правового регулирования. Автор полемизирует с исследователями, высказывавшимися в пользу отказа в частноправовом контексте от применения термина «регулирование» и замены его моделированием или оценкой общественных отношений по поводу имущества и неовещественных благ. Автор статьи полагает, что вопрос о замене термина «регулирование» на «моделирование» или «оценивание» является спором о терминах. Право, как социальное явление, регулирует общественные отношения, однако, степень влияния права на общественные отношения зависит от общегосударственной концепции правового регулирования и признания правовых статусов за субъектами правоотношений. **Цель:** доказать возможность применения социально-правовой методологии с ее вниманием к общественным факторам действия правовых норм, преимущественно перед господствующим нормативно-догматическим пониманием права. **Методы:** основным методом исследования, примененным в статье, является социологический метод в юриспруденции, позволяющий всесторонне оценить деятельность субъекта правоотношений, наделенного ситуативно необходимым гражданско-правовым статусом, реализующего данный статус в конкретном правовом контексте, установленном с учетом интересов субъекта и существующего правопорядка. **Результаты:** автором исследована проблема исчерпания научного и регулятивного ресурса догматического понимания права с присущими ему метафизическими конструкциями – «метод», «предмет», в пользу «оживления» правовой материи и преодоления замкнутости права на себе, в ущерб интересам общества и личности. **Выводы:** в результате исследования автором выработана точка зрения о необходимости критического пересмотра господствующих в современной отечественной цивилистике взглядов на то, как право действует в обществе, что порождает правовой «фетишизм», противоречащий принципам гражданского права. Российское гражданское право обладает достаточным потенциалом для предоставления свободы его субъектам, в целях его реализации следует обеспечить гармоничное функционирование материального и процессуального права, убедив судебное сообщество в ценности именно субъектов гражданских правоотношений, а не форм их участия в них.

Ключевые слова: гражданское право, правовое регулирование, социологический метод в праве, гражданские правоотношения, субъекты гражданского права, гражданский мир.

Цитирование. Федосеев П. С. Метод гражданского права: регулирование, оценка или моделирование? // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 74–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/Is.jvolsu.2024.2.9>

Введение

Предметом исследования в настоящей статье является диспозитивный метод регулирования и его место в гражданском праве и гражданском процессе.

В российском цивилистическом сообществе развернулась дискуссия, предложенная профессором А.Я. Рыженковым на портале «Научная сеть Современное право», о природе гражданско-правового регулирования. В ходе обсуждения заявленной проблемы свою точку зрения высказали многие именитые российские цивилисты, включая А.О. Иншакову, Т.В. Дерюгину, О.А. Беляеву и других, не менее известных и авторитетных ученых [2, с. 54].

Следует отметить, что интернет-дискуссия по заявленной теме стала публичным диспутом, начало которому было положено в монографии А.Я. Рыженкова «Введение в философию гражданского права», опубликованной в 2019 г. [6].

В ходе обсуждения темы на площадке портала «Научная сеть Современное право» исследователи анализировали правовую природу гражданско-правового регулирования в части воздействия частноправовых механизмов на общественные отношения и восприятия их как регулирования, то есть упорядочивания и направления движения общественных отношений, либо понимания под методами оценки фактически сложившихся имущественных или неимущественных отношений, либо предоставления рамочной концепции поведения субъектов правоотношений и последующего выбора ими конкретной формы гражданского правоотношения.

В результате дискуссии ученые пришли к выводу о том, что термин «регулирование» применительно к методу гражданского права и его воздействию на общественные отношения является некорректным, поскольку цель частного права – предоставление инициативы самим субъектам, а не навязывание воли законодателя, что характерно для публичного права.

В этой связи нашла поддержку точка зрения О.М. Родионовой о том, что основным методом гражданского права является не регулирование, а моделирование. Путем моделирования устанавливаются границы допустимого или требуемого поведения, которое будет реализовываться в конкретных правоотношениях [5, с. 221].

Было одобрено и мнение В.А. Белова о том, что метод гражданско-правового регулирования является социальной оценкой возникающих общественных отношений, которая актуализируется вместе с возникновением того или иного социального взаимодействия по поводу объектов гражданских правоотношений и завершает действие по мере прекращения общественного отношения.

Проблемы переоценки методов классической юриспруденции

Вместе с тем нам представляется, что обе точки зрения не вносят ясности в вопрос о гражданско-правовом регулировании, поскольку описывают регулятивное действие норм гражданского законодательства в терминах, подразумевающих регулирование, но избегающих его именованное. Очевидно, что коннотация понятия «регулирование» имеет явно императивное, принудительное, а в контексте исследуемой дискуссии негативное значение. Полагаем, что в указанных теориях, описывающих метод гражданско-правового регулирования, есть два концептуальных недостатка, первый из которых состоит в том, что в нем антропоморфизмуется право и оказываемое им на общество действие. Другими словами, предполагается, что само право, а не применяющие его нормы субъекты, действует путем моделирования поведения лиц или их отдельных поступков в конкретных жизненных обстоятельствах [8, с. 28]. Второй из них, являясь следствием юридического антропоморфизма, создает убеждение о том, что право – своего рода механизм, включаемый и выключаемый по мере потребности субъектов.

Полагаем, что спор о методах правового регулирования носит преимущественно догматический характер, поскольку является попыткой уместить разнообразные феномены

экономических и социальных отношений в давно ставшую ему «не по размеру» форму строгих дихотомий – императивное – диспозитивное, частное – публичное, гражданское – коммерческое.

Вместе с тем право является результатом духовного производства общества и воплощает в себе все наиболее гуманные основы жизни общества, достигнутые на данном этапе социального развития.

Для понимания сущности метода гражданско-правового регулирования, исследование необходимо начать с поиска источника, в котором содержатся основы экономического и социального бытия российского государства. Очевидно, что речь идет о Конституции – Основном законе Российской Федерации.

Конституция детерминирует правовую систему государства и устанавливает правовой режим путем формулирования ряда аксиоматических норм, составляющих ее понятийное ядро. На наш взгляд, это положения Основного закона, важность которых отражена в их структурной расположенности. Так, ст. 2 Конституции устанавливает приоритет человека, соблюдения его прав и свобод при осуществлении государственной власти. В то же время в преамбуле Конституции указывается на необходимость сохранения гражданского мира и согласия, что означает гармоничное сочетание и соблюдение интересов личности и общества во всех формах его организации, главным образом, в государственной.

Следовательно, система законодательства страны должна функционировать в соответствии с принципом антропоцентризма, важнейшим проявлением которого следует признать возможность самостоятельных действий в пределах, строго ограниченных законом, причем ограничения должны быть заданы именно тем гражданским миром, необходимость которого признается всеми гражданами [3, с. 35].

Необходимо отметить, что понятие «гражданский мир» является не только словосочетанием, подчеркивающим пафос конституционных деклараций. Под гражданским миром мы, вслед за Л. Болтански и Л. Тевено, понимаем совокупность индивидов, обладающих свойствами, позволяющими отнести их к определенному коллективу – гражданам

государства, коллективу трудящихся, членам партии. Признаком такого коллектива является законность его создания – путем принятия правового акта, выражающего волю всех и наделяющего членов коллектива правовым статусом, необходимым на том или ином этапе коллективного существования. Принадлежность к коллективу означает также презумпцию способности его членов к координации личных интересов и интересов коллектива [1, с. 290]. Следуя указанной логике, гражданские правоотношения тоже представляют собой частный случай действия коллектива – субъектов имущественных и неимущественных отношений, наделенных соответствующим статусом, необходимым для участия в гражданском обороте.

В соответствии со ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) статус субъектов гражданских правоотношений основывается на равенстве, свободе волеизъявления и наличии мотивирующих к участию в обороте интересов. Очевидно, что основным в концепции российского гражданского права является статус самостоятельного участника меновых отношений, способного быть как лично, так и посредством юридических фикций собственником товара и обменивать его на иное имущество.

В то же время гражданские правоотношения не сводятся исключительно к меновым отношениям, для него также характерны и статические, вещные отношения, а также иные правоотношения, для которых требуется публичное признание, например авторские или патентные отношения. В связи с этим полностью отказаться от публично-правовых методов воздействия на гражданское право невозможно, в противном случае обеспечить стабильность и устойчивость имущественного сегмента гражданского мира нельзя.

Не следует рассматривать коллективы, образующие основу гражданского мира, как тоталитарные корпорации, в которых все участники подчинены общей цели и лишены свободного волеизъявления. Условием выживания такого коллектива является солидарное взаимодействие всех его участников, что возможно только при осознанном достижении общих целей, поставленных на основании общих интересов.

Таким образом, положения Конституции РФ формируют фундамент правового порядка, который детализируется отраслевым законодательством и включает в себя последовательность множества норм, действующих в определенный период времени [4, с. 219]. Правовой порядок не имеет линейной структуры, он не охватывает все имеющиеся в обществе отношения и может обладать свойством внутренней противоречивости, пробельности или сознательного невключения законодателем норм, осуществляющих конкретное правовое регулирование. Очевидно, что не все действия, совершаемые субъектами, могут быть отражены в системе норм, в связи с этим допускается судебная оценка и судебское правотворчество, а также договорное правотворчество лицами, наделенными нормативной системой признаками, позволяющими им самостоятельно создавать для себя подсистему правил поведения, например, договор, заключаемый дееспособными субъектами.

Необходимо отметить, что право, как относительно открытая система норм, может уточняться в процессе своего применения в порядке, предусмотренном законодателем и посредством собственного волеизъявления участников гражданских правоотношений.

Кроме того, возвращаясь к дискуссии о правовом регулировании в рамках гражданского права, полагаем, что следует отказаться от формулировок, подразумевающих «подгонку» фактических отношений под существующие нормы, тем самым реализуя методы юридического догматизма. В том случае, если прокрустово ложе нормы не вмещает в себя общественное отношение, применяется метод подбора наиболее абстрактного правила, регулирующего правоотношение с большей степенью свободы, то есть метод аналогии закона или аналогии права. Метод, на наш взгляд, эффективный, но далеко не бесспорный, даже в частноправовых отраслях.

Вместе с тем свои рассуждения мы начали с того, что в обществе установлен правопорядок, обеспечивающий гармоничное сочетание интересов общества и личности, основанное на разумном использовании статусов, предоставленных правом, в том числе статусов собственника, потребителя, предпринимателя, должника или кредитора. Каждый из

обладателей указанных статусов, вступая в правоотношения, ожидает, что контрагент будет добросовестно содействовать его реализации, а в случае необходимости государство посредством деятельности судебной власти защитит его.

Таким образом, создаются описанные Ф.Ф. Хайеком разумные ожидания добросовестных участников гражданского оборота, а функция права – придать этим ожиданиям стабильный характер [8, с. 125]. Предполагается, что государство, декларирующее установления гражданского мира, всеми возможными способами, в первую очередь посредством формулирования законов и функционирования судебной власти, станет обеспечивать стабильность реализации разумных ожиданий.

Тем не менее следует согласиться с мнением Ю.Б. Фогельсона о том, что государство не спешит обеспечивать указанную стабильность. Он приводит пример о неприменении к отношениям, возникающим из заключения гражданами договоров страхования своего имущества, правил о защите прав потребителей. Данная позиция исходила от Верховного Суда Российской Федерации, что свидетельствует об антисоциальном, по терминологии Ю.Б. Фогельсона, отношении высших судебных инстанций к защите прав граждан в гражданских правоотношениях. Антисоциальный характер в данном случае означает не противоправное поведение судей при рассмотрении гражданского дела, а дистанцирование суда от социальных принципов российского права и формальное применение его положений при рассмотрении дел с участием заведомо слабой стороны – гражданина, что не оправдывает разумных ожиданий добросовестных участников гражданского оборота быть защищенными со стороны государства [7, с. 161].

Мы поддерживаем данную точку зрения и в свою очередь хотим привести не менее характерный пример такого же антисоциального отношения судебных инстанций к защите прав участников договоров потребительского кредита. Так, судебные инстанции, вплоть до кассационного суда округа, не усматривали нарушения закона в заключении кредитного договора от имени гражданина, чей теле-

фон был взломан злоумышленниками. ВС РФ в своем определении от 29 августа 2023 г. по делу № 9-КГ23-10-К1 исследовал доводы судов апелляционной и кассационной инстанции и направил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что банк уклонился от проведения внутреннего расследования факта передачи им денежных средств мошенникам, взломавшим телефон потерпевшей. А суды первой, апелляционной и кассационной инстанции, не приняли во внимание указанные обстоятельства и проигнорировали данные предварительного следствия по факту хищения денежных средств и доводы истца о том, что банк действовал с недолжной степенью осмотрительности и осторожности, предоставляя кредит по подложным сведениям, поступившим от мошенников, не убедившись в его свободном волеизъявлении на заключение оспариваемого договора.

Выводы

В приведенном примере очевидно столкновение формально-юридического метода понимания правового регулирования, основывающегося на принципе *pacta sunt servanda* и социологического подхода к функционированию права, требующего всестороннего исследования обстоятельств возникшего правоотношения и анализа действий каждого из субъектов спора, а также их правовой оценки с точки зрения конституционных и частно-отраслевых принципов правового регулирования.

Подводя итог сказанному, полагаем, что отказаться от термина «регулирование», оценивая метод гражданского права, нельзя. Вместе с тем не следует отказываться и от иных подходов к пониманию гражданско-правового регулирования, поскольку право, как социальный институт, охватывает все сферы жизни общества и его членов, а, следовательно, отражает диалектику личности и общества.

Кроме того, очевидно, что принятая в современном российском праве эклектическая концепция правопонимания, основанная на позитивистско-догматическом подходе к праву, с явным влиянием социологических и норма-

тивистских правовых концептов исчерпала себя и не позволяет выработать определенный юридический инструментарий, что порождает дискуссионность концептуальных юридических вопросов, таких как предмет правового регулирования, методы правового регулирования, правовой статус субъектов правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болтански, Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; пер. с фр. О. В. Ковеневой ; науч. ред. перевода Н. Е. Колосов. – М. : Новое лит. обозрение, 2013. – 576 с.
2. Иншакова, А. О. Обусловленность модели правового обеспечения категории субъектами хозяйствования в условиях индустрии 4.0 / А. О. Иншакова, Е. А. Сербина // Право и управление. XXI век. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 50–57.
3. Лапаева, В. В. Либертарно-юридическая догматика как фактор повышения качества и эффективности правового регулирования / В. В. Лапаева // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. тр. Междунар. науч. конф. (г. Воронеж, 2–4 июня 2016 г.) / отв. ред. В. В. Денисенко. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 27–36.
4. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон [и др.] ; под ред. Е. Н. Лисанюк. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 380 с.
5. Родионова, О. М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук / Родионова Ольга Михайловна. – М., 2017. – 605 с.
6. Рыженков, А. Я. Введение в философию гражданского права / А. Я. Рыженков. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 179 с.
7. Фогельсон, Ю. Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции / Ю. Б. Фогельсон // Закон. – 2019. – № 4. – С. 160–173.
8. Хайек, Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. фон Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева ; под ред. А. Куряева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 642 с.

REFERENCES

1. Boltansky L., Theveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sociologii gradov* [Criticism and Justification of Justice: Essays on Sociology of Gradov]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2013. 576 p.
2. Inshakova A.O., Serbina E.A. Obuslovlennost modeli pravovogo obespecheniya kategorii subyektami hozyajstvovaniya v usloviyah industrii 4.0 [Conditionality of the Model of Legal Support for the Category of Business Entities in the Context of Industry 4.0]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and Management. The 21st Century], 2020, vol. 16, no. 2, pp. 50-57.
3. Lapaeva V.V. Libertarno-yuridicheskaya dogmatika kak faktor povysheniya kachestva i effektivnosti pravovogo regulirovaniya [Libertarian Legal Dogmatics as a Factor in Improving the Quality and Effectiveness of Legal Regulation]. Denisenko V.V., Belyaev M.A., eds. *Pravovoe regulirovanie: problemy effektivnosti, legitimnosti, spravedlivosti: sb. tr. Mezhdunar. nauch. konf. (g. Voronezh, 2–4 iyunya 2016 g.)* [Legal Regulation: Problems of Efficiency, Legitimacy, Justice. Proceedings of the International Scientific Conference (Voronezh, June 2–4, 2016)]. Voronezh, NAUKA-UNIPRESS, 2016, pp. 27-36.
4. Alchurron K.E., Bulygin E.V., Gerdenfors P., Makinson D. «Normativnye sistemy» i drugie raboty po filosofii prava i logike norm [“Normative Systems” and Other Works on the Philosophy of Law and the Logic of Norms]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013. 380 p.
5. Rodionova O.M. *Pravovye formy realizacii volevyh otnoshenij v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legal Forms of the Implementation of Volitional Relations in the Mechanism of Civil Law Regulation. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 605 p.
6. Ryzhenkov A.Ya. *Vvedenie v filosofiyu grazhdanskogo prava* [Introduction to the Philosophy of Civil Law]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 179 p.
7. Fogelson Yu.B. Rossijskoe grazhdanskoe pravo s tochki zreniya sociologicheskoy yurisprudencii [Russian Civil Law from the Point of View of Sociological Jurisprudence]. *Zakon* [Law], 2019, no. 4, pp. 160-173.
8. Hayek F. *Pravo, zakonodatelstvo i svoboda: sovremennoe ponimanie liberalnyh principov spravedlivosti i politiki* [Law, Legislation and Freedom: A Modern Understanding of the Liberal Principles of Justice and Politics]. Moscow, IRISEN, 2006. 642 p.

Information About the Author

Pyotr S. Fedoseev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, civilp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8261-7597>

Информация об авторе

Петр Сергеевич Федосеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, civilp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8261-7597>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.10>

UDC 340.12
LBC 67.0

Submitted: 25.02.2024
Accepted: 20.03.2024

VECTORS OF LEGAL INTERPRETATION ACTIVITY WHEN INTERPRETING CONTRACTS

Evgeny M. Terekhov

Saratov State Law Academy (Balakovo branch), Balakovo, Russian Federation

Introduction: the official interpretation of the norms of law is one of the elements that support the efficiency of the mechanism of legal regulation in public relations. In the vast majority of cases, it is implemented in relation to the norms of the law, but its role is not limited to this area alone. The official interpretation of contracts has an independent significance in law, which, due to its lack of study, requires increased attention. **Purpose:** to consider specific areas of using the official interpretation of the law in interpreting the content of contracts, an attempt to systematize knowledge about contractual legal interpretation activity. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, including systematicity, analysis, comparative law, and formal law. **Results:** the author's position, substantiated in the work, on the possibility of identifying the vectors of legal interpretation activity in the interpretation of contracts is based on the work of individual scientists, the provisions of current legislation, interpretative acts of the supreme judicial authorities of the Russian Federation, and the results of law enforcement practice. **Conclusions:** as a result of the conducted research, it was found that specific independent and interrelated directions of official interpretation should be recognized as vectors, which are aimed at ensuring a clear understanding of the methods of concluding and executing contracts. It is advisable to consider them as some kind of starting point, landmarks that contribute to the systematization of all interpretative activities and characterize interpretation as a single production process. Their presence makes it possible to influence the contractual interpretation point-by-point and, if necessary, adjust the latter to the required extent. The list of vectors of legal interpretation activity in the interpretation of contracts is not exhaustive.

Key words: legal activity, legal interpretation activity, interpretation of the law, clarification, interpretative act, interpretative practice.

Citation. Terekhov E.M. Vectors of Legal Interpretation Activity when Interpreting Contracts. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 81-85. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.10>

УДК 340.12
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 25.02.2024
Дата принятия статьи: 20.03.2024

ВЕКТОРЫ ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ТОЛКОВАНИИ ДОГОВОРОВ

Евгений Михайлович Терехов

Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии,
г. Балаково, Российская Федерация

Введение: официальное толкование норм права выступает одним из элементов, поддерживающих работоспособность механизма правового регулирования общественных отношений. В преобладающем большинстве случаев оно реализуется в отношении норм права, однако только этим направлением его роль не ограничивается. Самостоятельное значение в праве имеет официальное толкование договоров, которое в силу своей недостаточной изученности требует к себе увеличения внимания. **Цель:** рассмотрение конкретных направлений использования официального толкования права при интерпретации содержания договоров, попытка систематизации знаний о договорной правоинтерпретационной деятельности. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых системность, анализ, сравнительно-правовой, формально-юридический. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция о возможности выделения векторов правоинтерпретационной деятельности

при толковании договоров опирается на работы отдельных ученых, положения действующего законодательства, интерпретационные акты высших органов судебной власти РФ, результаты правоприменительной практики. **Выводы:** в результате проведенного исследования установлено, что векторами стоит признавать конкретные самостоятельные и взаимосвязанные направления осуществления официального толкования, которые направлены на обеспечение ясного понимания методик заключения и исполнения договоров. Их целесообразно рассматривать как некие отправные точки, ориентиры, способствующие систематизации всей интерпретационной деятельности и характеризующие толкование как единый производственный процесс. Их наличие позволяет точно воздействовать на договорную интерпретацию и, в случае необходимости, корректировать последнюю в необходимых объемах. Перечень векторов правоинтерпретационной деятельности при толковании договоров не является исчерпывающим.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.

Цитирование. Терехов Е. М. Векторы правоинтерпретационной деятельности при толковании договоров // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 81–85. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.10>

Введение

У большинства лиц реализация официального толкования ассоциируется с раскрытием смысла норм права. Безусловно, толкование норм права – это основополагающая работа, которая занимает основное время соответствующих субъектов, поскольку вопросы преодоления правовых конфликтов и стандартной правовой работы решаются не только через знание, но и через понимание смысла нормативных актов. Однако стоит иметь в виду, что официальное толкование норм права, хоть и чрезвычайно важно и практически нужно, все же не является монопольным направлением правоинтерпретационной деятельности. Наряду с ним самостоятельное значение приобретает официальное толкование договоров, системное рассмотрение которого, к сожалению, не получило серьезных масштабов, по сравнению с анализом толкования норм права, что свидетельствует об актуальности подобного рода исследований.

В правовой науке выделяются работы, посвященные отдельным моментам толкования договоров [3, с. 121], однако они, как правило, носят фрагментарный характер, сводящийся к изучению выбранной проблематики. Тем временем познания в области интерпретации права, в том числе в договорной части, по-прежнему не систематизированы, поэтому возникает потребность в их объединении, которая возможна путем сплочения представлений о понимании смысла права.

Официальное толкование договоров – это не только формальная деятельность уполномо-

ченных субъектов по раскрытию смысла ориентированных на закон его условий. Здесь целесообразно говорить о выделении системы векторов, которые не просто направляют данную работу по конкретным направлениям, а фактически интегрируют ее в один общий производственный процесс, опосредуемый различными действиями.

Наличие векторов официального толкования показывает, какие интерпретационные усилия прилагает государство для обеспечения ясного понимания методик заключения и исполнения договоров. Это способствует формированию единого смыслового поля, в котором каждый участник договорных отношений может подобрать для себя наиболее оптимальные условия заключенного соглашения и без особых затруднений исполнить их в полном объеме.

Векторы официального толкования договоров можно вывести из положений действующего законодательства, интерпретационных актов высших органов судебной власти РФ, результатов правоприменительной практики.

Под векторами официального толкования договоров стоит понимать конкретные самостоятельные и взаимосвязанные направления осуществления официального толкования, которые объединены его общими целями и характеризуют его как единый слаженный процесс. К таковым стоит относить следующие: уяснение содержания общей воли сторон договора; обеспечение равного баланса интересов сторон; взаимосвязь буквального и системного способов толкования договоров и др.

Характеристика основных векторов интерпретации

1. Уяснение содержания общей воли сторон договора.

Несмотря на то что гражданское законодательство под договором подразумевает соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, интерес в первую очередь представляют действительные волеизъявления каждой из них.

Права и обязанности сторон договора тоже важны, но ключевой упор делается на анализе общей воли. Это выступает своего рода предпосылкой для понимания смысла договора.

По справедливому убеждению М.Ю. Щетинкиной, «суду при рассмотрении конкретного дела необходимо и приходится выяснять действительную общую волю сторон» [8, с. 25]. Желание полноценно реализовать на практике заложенное в основу заключения договора волеизъявление позволяет исполнить эффективно практически любой договор. Усилия субъектов толкования должны быть ориентированы в первую очередь на структурное исследование воли сторон договора, которое не только дает основания понять, является ли заключенный договор действительным либо мнимым, а также предоставляет возможность сопоставить его с абсолютно всеми условиями договора, устраняя при этом неоднозначность или неясность смысла отдельных его положений.

Практическим аспектам уяснения общей воли сторон договора посвящено множество интерпретационных актов казуальной направленности, совокупность которых представляет анализируемое направление правоинтерпретационной деятельности.

Уяснение содержания общей воли сторон договора дает основание сделать вывод об истинности либо мнимости заключенной сделки.

Например, Верховный Суд РФ разъяснил, что в случае, когда стороны стремятся верно оформить документы для заключения договора, однако в их намерения не входит возникновение реальных правовых последствий заключенной сделки, имеются достаточные данные, свидетельствующие о мнимости по-

добного соглашения. Волеизъявление сторон не будет совпадать с их внутренней волей [4].

Помимо этого, в п. 7 Информационного письма Президиума ВАС РФ (ныне упрядненного) от 25 февраля 2014 г. № 165 отмечено, что в случае спора о заключенности договора, суду надлежит оценивать совокупность доказательств в пользу сохранения, а не аннулирования обязательств [2]. При этом в расчет должна браться не воля каждой из сторон, которая может не совпадать друг с другом, а общая (единая) воля сторон, возникшая на начальном этапе заключения договора и сопровождающая его вплоть до окончания его исполнения.

2. Обеспечение равного баланса интересов сторон.

Официальное толкование направлено на поддержание баланса интересов не только в отношении норм права, но и в отношении толкования заключенных между контрагентами договоров, что выступает самостоятельным направлением правоинтерпретационной деятельности.

Баланс интересов сторон договора служит одной из гарантий его исполнения, а также ставит контрагентов в одинаковое правовое положение. Очевидно, что сторона договора, ущемленная в этом вопросе, не сможет полноценно реализовать соглашение и получить от него ту выгоду, на которую она изначально рассчитывала. Здесь интерпретационные усилия субъектов толкования направлены на формирование и защиту равного правового баланса.

К сожалению, балансные споры, рассматриваемые различными звеньями судебной системы РФ, не являются единичными факторами, поэтому руководящие разъяснения высших органов судебной власти в этом направлении устанавливают вполне конкретные ориентиры, существенно помогающие их разрешению, а также единообразие интерпретационной и правоприменительной практики.

Верховный Суд РФ указал, что в случае значительного нарушения баланса интересов сторона договора вправе заявить о недопустимости применения договорных условий, являющихся прямо обременительными. В ситуации, когда неоднозначное условие соглашения серьезно нарушает баланс интересов сторон, а его потенциальная реализация приводит

к появлению негативных правовых последствий для незащищенной стороны договора, возникший спор решается без учета этого договорного условия [5].

При рассмотрении другого дела были даны разъяснения, в которых обращено внимание, что наличие в договоре противоречащих друг другу условий о сроке предупреждения о прекращении договора не может являться основанием для возложения на лицо, правомерно руководившееся одним из этих условий, неблагоприятных последствий, вызванных указанными противоречиями [6].

Таким образом, поддержание равномерного баланса интересов сторон договора – это работа, которую нужно проводить в постоянном режиме, устанавливая соответствующие ориентиры и контролируя полученные результаты. Только тогда можно будет говорить о юридическом равенстве сторон соглашения.

3. Взаимосвязь буквального и системного способов толкования договоров.

По общему правилу, толкование условий договора должно осуществляться буквально, то есть путем придания словам и выражениям, используемым в его тексте, общепринятого значения, если иное понимание не следует из деловой практики сторон либо иных обстоятельств дела [7]. Однако может возникнуть логичный вопрос, сохранится ли истинный смысл отдельных условий договора, если в его тексте допущены опечатки, буквальное толкование которых приводит к абсурду? Думается, что в этом случае должно быть использовано системное толкование – установление смысла неоднозначного условия соглашения в контексте его соотношения с иными условиями договора; с основными началами гражданского законодательства; целью договора и т. д.

Несмотря на то что буквальный и системный способы толкования договора имеют собственные методики раскрытия смысла, они все же обращены к достижению единой цели, хоть и разными путями. Возможность их использования позволяет субъекту толкования беспрепятственно справиться с возложенными на него задачами.

Анализируемый вектор можно рассмотреть на практическом примере. Производственное объединение «Сокол» и муниципальное предприятие «Строитель» заключили меж-

ду собой договор, по условиям которого вторая сторона должна была поставить первой 1500 куб. м. леса хвойных пород, а взамен вторая сторона должна была выделить первой одну трехкомнатную и одну четырехкомнатную квартиры. В ходе исполнения договора выяснилось, что в его тексте была допущена опечатка, которая повлияла на объем исполнения обязательств сторонами. Из-за того, что в исполнении обязательств возникли вопросы, стороны вынуждены были обратиться в суд для разрешения спора по существу, мотивируя это ненадлежащим исполнением обязательств со стороны друг друга [1, с. 53]. В основу решения спора было положено буквальное толкование условий договора.

Выводы

Таким образом, векторами стоит признавать конкретные самостоятельные и взаимосвязанные направления осуществления официального толкования, которые направлены на обеспечение ясного понимания методик заключения и исполнения договоров. Их целесообразно рассматривать как некие отправные точки, ориентиры, способствующие систематизации всей интерпретационной деятельности и характеризующие толкование как единый производственный процесс. Их наличие позволяет точно воздействовать на договорную интерпретацию и, в случае необходимости, корректировать последнюю в нужных объемах.

Перечень векторов правоинтерпретационной деятельности при толковании договоров не является исчерпывающим. Анализу были подвергнуты наиболее значимые из них. Дальнейшую работу по изучению действующих, а также возможному выделению дополнительных векторов, стоит продолжить. Подобное предложение будет способствовать снижению уровня неоднозначности понимания некоторых условий договоров и повысит качественную составляющую их исполнения сторонами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов, Е. В. В чью пользу толковать сомнение? / Е. В. Богданов // Российская юстиция. – 2001. – № 9. – С. 52–53.

2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 // Экономика и жизнь. – 2014. – 28 марта.

3. Мартемьянова, А. М. Проблемы толкования гражданско-правового договора / А. М. Мартемьянова // Проблемы в российском законодательстве. – 2010. – № 2. – С. 120–125.

4. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.07.2018 № 308-ЭС18-2197 по делу № А32-43610/2015. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.10.2023 № 305-ЭС23-8962 по делу № А40-33927/2022. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2020 № 18АП-19263/2019. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ о заключении и толковании договора» // Российская газета. – 2019. – 11 янв.

8. Щетинкина, М. Ю. Толкование судом гражданско-правовых договоров как основа реализации принципа свободы договора: некоторые проблемные аспекты / М. Ю. Щетинкина // Российский судья. – 2009. – № 2. – С. 23–27.

3. Martemyanova A.M. Problemy tolkovaniya grazhdansko-pravovogo dogovora [Problems of Interpretation of a Civil Contract]. *Problemy v rossijskom zakonodatelstve* [Problems in Russian Law], 2010, no. 2, pp. 120-125.

4. *Opredelenie sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 13.07.2018 № 308-ES18-2197 po delu № A32-43610/2015* [Ruling of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation Dated July 13, 2018, No. 308-ES18-2197 in Case No. A32-43610/2015]. Access from Legal Reference System “KonsultantPlyus”.

5. *Opredelenie sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 18.10.2023 № 305-ES23-8962 po delu № A40-33927/2022* [Ruling of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation Dated October 18, 2023, No. 305-ES23-8962 in Case No. A40-33927/2022]. Access from Legal Reference System “KonsultantPlyus”.

6. *Postanovlenie Vosemnadcatogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 28.02.2020 № 18AP-19263/2019* [Decree of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal Dated February 28, 2020, No. 18AP-19263/2019]. Access from Legal Reference System “KonsultantPlyus”.

7. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 49 «O nekotoryh voprosah primeneniya obshnih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa RF o zakljuchenii i tolkovanii dogovora»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated December 25, 2018, No. 49 “On Some Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of a Contract”]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2019, Jan. 11.

8. Shchetinkina M.Yu. *Tolkovanie sudom grazhdansko-pravovyh dogovorov kak osnova realizacii principa svobody dogovora: nekotorye problemnye aspekty* [Interpretation of Civil Contracts by the Court as the Basis for the Implementation of the Principle of Freedom of Contract: Some Problematic Aspects]. *Rossijskij sudya* [Russian Judge], 2009, no. 2, pp. 23-27.

REFERENCES

1. Bogdanov E.V. *V chyu polzu tolkovat somnenie?* [In Whose Favor Should Doubt Be Interpreted?]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2001, no. 9, pp. 52-53.

2. *Informacionnoe pismo Prezidiuma VAS RF ot 25.02.2014 № 165* [Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation Dated February 25, 2014 No.165]. *Ekonomika i zhizn* [Economics and Life], 2014, Mar. 28.

Information About the Author

Evgeny M. Terekhov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Public Law Disciplines, Saratov State Law Academy (Balakovo branch), Krasnaya Zvezda St, 8/1, 413865 Balakovo, Russian Federation, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

Информация об авторе

Евгений Михайлович Терехов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, ул. Красная Звезда, 8/1, 413865 г. Балаково, Российская Федерация, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.11>

UDC 347.1

LBC 67.404.0

Submitted: 13.03.2024

Accepted: 30.04.2024

LEGAL PRESUMPTIONS OF GOOD FAITH AND REASONABLENESS OF DOING BUSINESS

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the good behavior of a business entity is formed, among other things, based on legal principles and presumptions. They determine the content of the subjective right to conduct business, its limitations, and the limits of its implementation. When creating a business model, it is advisable to conduct a study of the main elements of the structure of such a model in order to identify their legal essence, distinguish them from similar legal categories, identify key features, and formulate proposals aimed at improving current legislation. **Purpose and objectives:** the purpose of the study is to develop basic approaches to the formulation of criteria for good faith and reasonable behavior and the formulation of proposals to change the mechanism of legal regulation in relation to these categories. The objectives of the study are to consider the definitions of good faith and reasonableness, compare these categories with each other and other similar categories, identify criteria for classifying behavior as good faith and reasonable, and study the means of legal regulation used by the legislator. **Methods:** the key means and methods of achieving the goal are the study of the categories of good faith and reasonableness of business using the methods of a systematic approach and determinism, modeling, abstraction and concretization, analogy, formal legal, comparative law, and the method of legal forecasting. The method of a systematic approach made it possible to investigate not only the signs of good faith and reasonable behavior as an element of the system of good behavior of a business entity but also to establish the factors ensuring the functioning of the system as an integral education. The method of determinism contributed to the consideration of the maximum number of factors affecting the reasonable and good-faith behavior of the subject of business relations. The methods of modeling, analogy, abstraction, and concretization made it possible to construct an abstract model of good faith and reasonable behavior to predict the patterns of development of the object under study. The methods of formal legal, comparative law, and legal forecasting allow taking into account the specifics of the legal nature of the concepts under study, comparing homogeneous legal phenomena, and identifying prospects for the development of legal relations in dynamics. **Results:** the paper reveals the problems associated with the fundamental categories of the exercise of the subjective right to conduct business, the categories of good faith and reasonableness. The indicated phenomena are analyzed from a different perspective, including the position of presumptions and principles of law and the limits of their implementation. A comparative analysis is carried out with two antagonisms: bad faith and unreasonable conduct. Based on the conducted research, the signs of good faith and reasonable behavior of a business entity are formulated. Its subjective and objective factors are revealed. The trends are formulated to transform good faith and reasonable behavior into offenses that entail civil liability. **Conclusions:** the study of the mechanism of legal regulation of the fair and reasonable exercise of the right by business entities made it possible to express a negative attitude towards the legal means used in the form of prohibitions as well as the legislative technique used. The proposals aimed at optimizing the system of legal regulation of relations are formulated.

Key words: business, reasonableness, good faith, good behavior, offenses, means of regulation, principles of law, presumptions.

Citation. Inshakova A.O. Legal Presumptions of Good Faith and Reasonableness of Doing Business. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 86-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.11>

ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: правомерное поведение субъекта предпринимательской деятельности формируется в том числе на основе правовых принципов и презумпций. Они определяют содержание субъективного права на ведение предпринимательской деятельности, его ограничения и пределы осуществления. Создавая модель предпринимательской деятельности, целесообразно провести исследование основных элементов структуры такой модели для выявления их правовой сущности, разграничения со сходными правовыми категориями, установления ключевых признаков и формулирования предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства. **Цель и задачи:** целью проведения исследования является выработка основных подходов к формулированию критериев добросовестного и разумного поведения и формулирования предложений по изменению механизма правового регулирования в отношении указанных категорий. Задачами исследования выступают рассмотрение дефиниций добросовестности и разумности, сравнение указанных категорий между собой и другими сходными категориями, выявление критериев отнесения поведения к добросовестному и разумному, исследование используемых законодателем средств правового регулирования. **Методы:** ключевыми средствами и способами достижения цели является исследование категорий добросовестности и разумности осуществления предпринимательской деятельности с использованием методов системного подхода и детерминизма, моделирования, абстрагирования и конкретизации, аналогии, формально-юридического, сравнительно-правового и метода правового прогнозирования. Метод системного подхода позволил исследовать не только признаки добросовестного и разумного поведения как элемента системы правомерного поведения субъекта предпринимательской деятельности, но и установить факторы, обеспечивающие функционирование системы как целостного образования. Метод детерминизма способствовал учету максимального количества факторов, влияющих на разумное и добросовестное поведение субъекта предпринимательских отношений. Методы моделирования, аналогии, абстрагирования и конкретизации позволили сконструировать абстрактную модель добросовестного и разумного поведения для прогнозирования закономерностей развития исследуемого объекта. Методы формально-юридического, сравнительно-правового и правового прогнозирования позволяют учитывать специфику правовой природы исследуемых понятий, сравнивать однородные юридические явления, выявлять перспективы развития правоотношений в динамике. **Результаты:** в статье раскрыты проблемы, связанные с основополагающими категориями осуществления субъективного права на ведение предпринимательской деятельности, категориями добросовестности и разумности. В различном ракурсе проанализированы обозначенные явления с позиции презумпции и принципов права, пределов его осуществления. Проведен сравнительный анализ с антагонизмами: недобросовестным и неразумным поведением. На основании проведенного исследования формулируются признаки добросовестного и разумного поведения субъекта предпринимательской деятельности. Выявляются его субъективно-объективные факторы. Формулируются тенденции, трансформирующие добросовестное и разумное поведение в правонарушение, за которое наступает гражданско-правовая ответственность. **Выводы:** исследование механизма правового регулирования добросовестного и разумного осуществления права субъектами предпринимательской деятельности позволило высказать негативное отношение к использованным правовым средствам в форме установления запретов, а также применяемой законодательной технике. Формулируются предложения, направленные на оптимизацию системы правового регулирования отношений.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, разумность, добросовестность, правомерное поведение, правонарушения, средства регулирования, принципы права, презумпции.

Цитирование. Иншакова А. О. Правовые презумпции добросовестности и разумности осуществления предпринимательской деятельности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 86–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.11>

Введение

Предпринимательская деятельность является важнейшим составляющим элементом экономического развития страны и ее гражданского оборота. В основе эффективного осуществления предпринимательской деятельности лежат многочисленные факторы, связанные как с правовым регулированием предпринимательских отношений, так и с ведением предпринимательской деятельности на основе принципов добросовестности и разумности. Добросовестное и разумное поведение способно стимулировать развитие предпринимательства, повышать ее эффективность, создавать позитивный климат для развития экономики страны. Моделирование правового обеспечения развития предпринимательской деятельности невозможно без создания и анализа фундаментальной основы, тех принципов, которые лежат в основе такой деятельности. Концептуально решая задачи развития гражданского оборота, необходимо рассматривать два ракурса – объективный, отражающий экономическую сторону осуществления предпринимательской деятельности, и субъективный, заключающийся в необходимости оценки субъектом предпринимательства последствий своей деятельности в отношении других лиц.

Моделируя систему современного правового регулирования предпринимательской деятельности, следует исходить из необходимости выявления характерных свойств элементов системы, а также их статических и динамических одноуровневых и многоуровневых связей. При этом нельзя недооценивать влияние субъективных факторов на стимулирование активности хозяйствующих субъектов и развитие предпринимательских рынков. Рассматриваемые в качестве принципов осуществления права, разумность и добросовестность, не только отражают особую направленность права как социального регулятора, но и формируют рамки правомерного поведения участников предпринимательских правоотношений. Закрепление в качестве фундаментальных принципов позволяет им выполнять регулятивную функцию, воздействуя на общественные отношения, влиять на каждого субъекта, который должен соизмерять свое поведение с принципами добросовестности и разумности [10, p. 421].

Неограниченное признание какого-либо интереса, будь то частного или публичного, несовместимо с удовлетворением других частных или публичных интересов [12, p. 327]. Разумность и добросовестность ставят тот предел в осуществлении своего интереса, который позволяет сбалансировать и уравновесить такие интересы, нивелировать возможные противоречия. Таким образом, научный анализ правовых презумпций разумности и добросовестности, совершенствование модели их правовой регламентации является актуальной задачей, направленной как на решение правовых проблем, так и на развитие предпринимательских отношений, представляющих основу для эффективного развития экономики [13, p. 444].

Влиянию социальных норм на правовые категории уделяли внимание в своих трудах иностранные ученые W. Meek, D. Pacheco, J. York [15, p. 493]. Проблеме добросовестного и разумного поведения субъектов предпринимательских отношений посвящали научные работы советские и российские правоведы А.Я. Рыженков, А.О. Иншакова, М.В. Севастьянов [10, p. 421], Т.В. Дерюгина [12, p. 327], С.А. Иванова [4, с. 43], В.И. Емельянов [3, с. 67], Е.С. Болтанова [1, с. 148], И.Б. Новицкий [5, с. 56], К.И. Скловский [6, с. 79], Г.Ф. Шершеневич [8] и др. Основные аспекты наступления гражданско-правовой ответственности за недобросовестное и неразумное поведение отражены в трудах зарубежных исследователей D.L. Ross [16], J. Daar [11], C. Bublitz, A. Wolkenstein, R.J. Jox, & O. Friedrich [14] и многих других.

Результаты и обсуждение

О разумности как правовой категории

Гармонизация частных интересов предпринимателей зависит как от самой личности и ее представлений о нравственности (субъективный фактор), так и от норм, заложенных в объективном праве, позволяющем субъекту действовать определенным образом, удовлетворяя собственные интересы.

Действующее гражданское законодательство неоднократно обращается к категориям разумности и добросовестности при регули-

ровании предпринимательских отношений. Такая апелляция популярна как в международных актах, так и в российских нормативных правовых актах. В частности, Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи (заключена в Вене 11 апреля 1980 г.) обращается к понятию разумного лица (ст. 8). С этим эталоном должно сравниваться поведение обычного участника экономического оборота (ст. 25). В гражданском законодательстве России термин «разумность» используется многократно и несет различную смысловую нагрузку. В большинстве случаев речь идет об оценке разумности поведения (ст. 72, 404, 750, 962 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК)), в некоторых оцениваются различные договорные элементы (срок, цена – ст. 524 ГК). В ст. 28 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», п. 1 ст. 25 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» категории разумности и добросовестности называются принципами права. В свою очередь, ст. 10 ГК придает разумности природу презумпции, предполагая действие любого субъекта права разумным, пока не доказано иное.

В научной литературе понятие разумности связывают с осуществлением правомерных действий [4, с. 43]. Однако предприниматель, действуя, к примеру, в обход закона, то есть неправоммерно, тем не менее, может действовать разумно с позиции получения наибольшей прибыли. Более того, в силу п. 1 ст. 2 ГК, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, действует «на свой риск», что позволяет предположить, что в ряде случаев, обоснованных экономической эффективностью, его поведение может быть и неразумным. Некоторые авторы полагают, что разумное поведение должно нести минимальную обязательную полезность для контрагента [3, с. 67]. Но в силу законодательного закрепления субъект предпринимательской деятельности в первую очередь действует своей волей и в своих интересах. Таким образом, его разумное поведение связано с его интересами, а не с интересами партнеров.

Категорию разумности следует в первую очередь связывать с принятием доступных и

необходимых мер, характерных для каждого конкретного случая. Под доступными мерами необходимо понимать те меры, принятие которых возможно в данных обстоятельствах, а под необходимыми – те, которые следует предпринять в данной ситуации и без осуществления которых результат достигнут не будет. Совокупность указанных критериев позволит квалифицировать то или иное поведение как разумное или неразумное.

О добросовестности субъекта предпринимательской деятельности

Категория добросовестности употребляется в гражданском законодательстве значительно чаще категории разумности. Она сформулирована как принцип права (п. 3 ст. 1 ГК, ст. 53, 234 ГК и др., ст. 237 Кодекса торгового мореплавания РФ, ст. 39 Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» и др.), как правовая презумпция (ст. 10 ГК), как субъективный фактор поведения (ст. 302, 303 ГК, ст. 2 ФЗ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»), связывающий добросовестное поведение с знанием или незнанием определенных фактов, либо как презумпция права (ст. 10 ГК).

Право многочисленных стран рассматривает добросовестность в качестве принципа. К примеру, Гражданское уложение Швейцарии от 10 декабря 1907 г. устанавливает обязанность поступать по доброй совести (ст. 2), аналогичные нормы содержатся в § 157, 242 Германского гражданского уложения (одобрено 14 июля 1896 г., вступило в силу 1 января 1900 г.). В ст. 6 Гражданского кодекса Франции (кодекс Наполеона) от 21 марта 1804 г. предусматривается запрет на нарушение частным соглашением добрых нравов, ст. 1-203 Единообразного торгового кодекса США (1952 г.) указывает на обязательность добросовестного поведения при исполнении обязанностей.

В научной литературе одни авторы выделяют в добросовестности объективный фактор, рассматривая ее как внешнее мерило правомерного / неправомерного поведения, принимаемое во внимание при оценке законом, судом и другими субъектами гражданского оборота [5, с. 56].

Многие авторы характеризуют добросовестность с позиции субъективной характеристики поведения или отношения к своему поведению. В частности, добросовестность определяется как нравственное убеждение лица, уважающего своего контрагента [6, с. 79], либо как субъективное незнание своего неуправомоченного поведения, либо неведение каких-либо обстоятельств [2, с. 13]. Ряд цивилистов полагают, что добросовестное поведение предполагает обязанность заботиться о соблюдении прав и интересов других субъектов экономического оборота [7, с. 100]. Однако здесь и возникает сложность оценки поведения предпринимателя как добросовестного или недобросовестного. Можно привести классический пример, в силу которого один предприниматель открывает булочную рядом с другим, и первый разоряется [8]. Можно ли в таком случае признать действия второго предпринимателя недобросовестными? Нельзя. Однако, надо полагать, что, открывая булочную, он в первую очередь руководствовался своими интересами, и в меньшей степени заботился об интересах других предпринимателей.

С того момента, как принцип добросовестности закреплен в действующем законодательстве, он перестал быть только критерием оценки нравственного или безнравственного поведения [9, р. 453]. Для добросовестного поведения субъекта предпринимательской деятельности необходимо, чтобы субъект не только осознавал возможные негативные последствия своей деятельности для других субъектов предпринимательства (так называемому рефлекторному действию праву), но и строил свое правомерное поведение так, чтобы не нарушать и не ущемлять права и законные интересы других участников хозяйственного оборота. В таком подходе проявляется субъективная характеристика добросовестного поведения субъекта предпринимательской деятельности. С объективной стороны требование добросовестности выражается в закреплении необходимости добросовестного поведения (добросовестность как принцип права) и предположении наличия добросовестности, пока не доказано иное (добросовестность как презумпция права).

С позиции используемой законодательной техники так же следует обратить внима-

ние на то, что при формулировании положений о добросовестности недопустимо использование запретов. Добросовестность – это всегда требование определенного поведения, поэтому техника запретов хотя и может быть использована, но в ограниченных рамках. Исходя из данного утверждения можно разграничить понятия пределов осуществления гражданских прав и добросовестности; предел – это всегда запрет на определенное поведение, тогда как добросовестность – это необходимость определенного поведения.

Зачастую, характеризуя добросовестное поведение субъекта предпринимательской деятельности, законодатель противопоставляет его недобросовестному поведению. Такой подход, в частности, отражен в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ст. 14), Федеральном законе от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (ст. 5). Однако анализ нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что недобросовестное поведение отождествляется законодателем с противоправностью и рассматривается как действия, нарушающие нормы права. Более того, в научной литературе некоторые ученые также полагают, что недобросовестное поведение – это не только противоправное поведение, но и виновное поведение [2, с. 13] (контаминация объективного и субъективного факторов). Впрочем, данная точка зрения крайне популярна в научной литературе.

Противоправное поведение – это такое поведение, которое нарушает нормы права, в том числе источником которых является договор и иные локальные акты. Недобросовестное поведение – не связано с прямым нарушением норм права. Например, перевозчик обязуется доставить груз в пункт назначения. При этом он избирает самый длинный из возможных маршрутов. С одной стороны, обязательство исполнено в срок, с другой стороны, стоимость доставки значительно выше, чем по наикратчайшему маршруту. Формальное нарушение норм права отсутствует, но недобросовестное поведение есть. С учетом рассмотренного случая, к недобросовестному поведению можно отнести все случаи экономически необоснованных затрат. Однако только этого критерия недостаточно.

Рассматривая пример с торговой организацией, можно говорить о том, что снижение цены субъектом предпринимательской деятельности является правомерным действием. С другой стороны, цель этого действия может заключаться в том, чтобы разорить конкурента, который не сможет удерживать цены на столь низком уровне. Следовательно, цель трансформирует правомерное поведение в недобросовестное, а в определенных случаях и противоправное. Таким образом, цель осуществления права является еще одним критерием отнесения действий к добросовестным или недобросовестным.

Для недобросовестного поведения важен и мотивирующий фактор, желание достичь большего эффекта, максимальной прибыли, что само по себе недобросовестным не является. Но, если в основе деятельности лежит желание достичь необъективных результатов, то можно говорить о недобросовестном поведении. Таким образом, в квалификации действия как недобросовестного решающее значение все-таки следует отдать субъективному фактору, связанному как с целеполаганием, так и с осознанием своего недобросовестного поведения.

Заключение

Разумное и добросовестное поведение в сфере осуществления предпринимательской деятельности играет важную роль как для развития самой предпринимательской деятельности, так и для роста экономики всех стран. Осуществление прав, учитывающее принципы разумности и добросовестности, позитивно влияет на правоотношения субъектов предпринимательства, формирует их правомерное поведение, создает необходимый баланс частных интересов различных лиц, гармонизирует частные и публичные интересы.

Разумность и добросовестность – понятия взаимосвязанные. Действовать добросовестно может только такой субъект предпринимательской деятельности, который способен осознать, что его действия могут ущемить интересы и субъективные права иных лиц, в результате такого прогнозирования он может скорректировать вектор своего пове-

дения. Таким образом, действовать добросовестно может только разумный человек.

Учитывая значение разумного и добросовестного поведения субъекта предпринимательской деятельности, назрела необходимость совершенствования гражданского законодательства. Целесообразно внесение в закон определенных конкретных критериев, сопоставление с которыми позволит сделать вывод о разумном, добросовестном или неразумном, недобросовестном поведении.

В частности, необходимо дополнить действующее гражданское законодательство четырьмя критериями, позволяющими оценить поведение с точки зрения разумности и добросовестности.

Первый критерий связан с оценкой поведения субъекта на предмет принятия им доступных мер, под которыми следует понимать те меры, которые возможно предпринять в соответствующих обстоятельствах.

Вторым критерием выступает критерий необходимого поведения – те меры, которые следует предпринять в данной ситуации и без осуществления которых результат достигнут не будет.

Третий критерий – цель осуществления права. Это тот мотивирующий фактор, который заставляет совершать определенные действия. При этом желание достичь наибольшей прибыли является законным и добросовестным с точки зрения ведения предпринимательской деятельности. Но если в основе осуществления права лежит цель достижения необъективного результата, в том числе и за счет ущемления прав и интересов другой стороны, то следует говорить о недобросовестном поведении.

Четвертый критерий – необходимость осуществлять субъективные права так, чтобы не нарушать и не ущемлять права и законные интересы других участников хозяйственного оборота (критерий учета прав и интересов третьих лиц).

Совокупность указанных критериев позволит квалифицировать то или иное поведение как разумное и добросовестное.

Полагаем, необходимо изменить законодательную технику, используемую для регулирования исследуемых правоотношений. Исходя из того что добросовестность

и разумность – есть требования определенного поведения, необходимо в механизме правового регулирования использовать в большей степени управомочивающие нормы и в меньшей – запреты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, А. П. Ограничения прав собственников земельных участков: где грань между разумностью и злоупотреблением? / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, Е. С. Болтанова // Право и экономика. – 2020. – Т. 8. – С. 148–181.
2. Богданов, Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве / Е. Богданов // Российская юстиция. – 1999. – № 9. – С. 13–15.
3. Емельянов, В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / В. И. Емельянов. – М. : Лекс-Книга, 2002. – 160 с.
4. Иванова, С. А. Значение принципа социальной справедливости для гражданского права как отрасли частного права / С. А. Иванова // Современное право. – 2005. – № 5. – С. 42–47.
5. Новицкий, И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 56–90.
6. Скловский, К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России / К. И. Скловский // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 79–94.
7. Чукреев, А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права / А. А. Чукреев // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 100–104.
8. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2005. – Т. 1. – 461 с.
9. Anisimov, A. Impact of the Legal Doctrine on Lawmaking and Judicial Practice in Russia: Historical Legal Research / A. Anisimov, A. Ryzhenkov, L. Sokolskaya // Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie. – 2019. – Vol. 105, № 4. – P. 453–470.
10. Civil Law in the Digital Economy: Analysis of Doctrinal Adaptation Trends / A. O. Inshakova [et al.] // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2020. – Vol. 110. – P. 421–429.
11. Daar, J. The Legal Liability Landscape and the Person / Property Divid / J. Daar. – 2020. – URL: <https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S2666334120300519?token=16A3DD4D2D1796C496AB8AD5A76213184B4AB105B7046BA58DDBFA46AD76F8A7C2CBA0398C8413ADAC2045EDC6ECE787>

12. Inshakova, A. O. Main Trends and Prospects for the Development of Legislation on Environmental Entrepreneurship / A. O. Inshakova, T. V. Deryugina // Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment / ed. by A.O. Inshakova, E.E. Frolova. – Singapore : Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2022. – P. 327–336.
13. Inshakova, A. O. Information Technologies for the Formation of the European Space of Freedom, Security and Justice / A. O. Inshakova, E. I. Inshakova, T. V. Deryugina // Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin. – [S. l.] : Springer International Publishing, 2020. P. 444–453.
14. Legal Liabilities of BCI-Users: Responsibility Gaps at the Intersection of Mind and Machine? / C. Bublitz [rt al.] // International Journal of Law and Psychiatry. – 2019. – Vol. 65. – P. 101.
15. Meek, W. The Impact of Social Norms on Entrepreneurial Action: Evidence from the Environmental Entrepreneurship Context / W. Meek, D. Pacheco, J. York // Journal of Business Venturing. – 2010. – № 25. – P. 493–509.
16. Ross, D. L. Overview of Civil Liability / D. L. Ross // Civil Liability in Criminal Justice. – N. Y., 2009. – 616 p.

REFERENCES

1. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.J., Boltanova E.S. Ogranicheniya prav sobstvennikov zemelnyh uchastkov: gde gran mezhdru razumnostyu i zloupotrebleniem? [Limitations of Rights of Land Plot Owners: Where Is the Boundary Between Reasonability and Abuse?]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2020, vol. 8, pp. 148-181.
2. Bogdanov E. Kategorija «dobrosovestnosti» v grazhdanskom prave [Category of “Good Faith” in Civil Law]. *Rossijskaja justicija* [Russian Justice], 1999, no. 9, pp. 13-15.
3. Emelyanov V.I. *Razumnost, dobrosovestnost, nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami* [Reasonableness, Conscientiousness, Non-Abuse of Civil Rights]. Moscow, Lex-Kniga Publ., 2002. 160 p.
4. Ivanova S.A. Znachenie principa socialnoj spravedlivosti dlja grazhdanskogo prava kak otrasli chastnogo prava [The Importance of the Principle of Social Justice for Civil Law as a Branch of Private Law]. *Sovremennoe pravo* [Contemporary Law], 2005, no. 5, pp. 42-47.
5. Novitsky I.B. Princip dobroj sovesti v proekte objazatelstvennogo prava [The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 1916, no. 6, pp. 56-90.
6. Sklovsky K.I. Primenenie norm o dobroj sovesti v grazhdanskom prave Rossii [Application of

the Norms of Good Conscience in Civil Law of Russia]. *Hozjajstvo i pravo* [Economy and Law], 2002, no. 9, pp. 79-94.

7. Chukreev A.A. Dobrosovinnost v sisteme principov grazhdanskogo prava [Conscientiousness in the System of Principles of Civil Law]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2002, no. 11, pp. 100-104.

8. Shershenevich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2005, vol. 1. 461 p.

9. Anisimov A., Ryzhenkov A., Sokolskaya L. Impact of the Legal Doctrine on Lawmaking and Judicial Practice in Russia: Historical Legal Research. *Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie*, 2019, Bd. 105, no. 4, S. 453-470.

10. Inshakova A.O., Ryzhenkov A.J., Inshakova E.I., Sevostyanov M.V. Civil Law in the Digital Economy: Analysis of Doctrinal Adaptation Trends. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 110, pp. 421-429.

11. Daar J. *The Legal Liability Landscape and the Person/Property Divide*, 2020. URL: [https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S2666334120300519?](https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S2666334120300519?token=16A3DD4D2D1796C496AB8AD5A76213184B4AB105B7046BA58DDBFA46AD76F8A7C2CBA0398C8413ADAC2045EDC6ECE787)

token=16A3DD4D2D1796C496AB8AD5A76213184B4AB105B7046BA58DDBFA46AD76F8A7C2CBA0398C8413ADAC2045EDC6ECE787

12. Inshakova A.O., Deryugina T.V. Main Trends and Prospects for the Development of Legislation on Environmental Entrepreneurship. Inshakova A.O., Frolova E.E., eds. *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment*. Singapore, Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2022, pp. 327-336.

13. Inshakova A., Inshakova E., Deryugina T. *Information Technologies for the Formation of the European Space of Freedom, Security and Justice*. S. l., Springer International Publishing, 2020, pp. 444-453.

14. Bublitz C., Wolkenstein A., Jox R.J., Friedrich O. Legal Liabilities of BCI-Users: Responsibility Gaps at the Intersection of Mind and Machine? *International Journal of Law and Psychiatry*, 2019, no. 65, p. 101.

15. Meek W., Pacheco D., York J. The Impact of Social Norms on Entrepreneurial Action: Evidence from the Environmental Entrepreneurship Context. *Journal of Business Venturing*, 2010, no. 25, pp. 493-509.

16. Ross D.L. Overview of Civil Liability. *Civil Liability in Criminal Justice*. New York, 2009. 616 p.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.12>

UDC 347.6

LBC 67.404.4

Submitted: 07.03.2024

Accepted: 08.04.2024

SECURITIES AS AN OBJECT OF TRUST MANAGEMENT AS PART OF THE INHERITED PROPERTY

Part 2

Vladimira V. Dolinskaya

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation;
Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the specifics of the relationship for trust management of securities as part of the inheritance estate are mainly determined by the characteristics of the object. Due to the problems of the legal definition of securities and their open list and the gaps and contradictions in the legislation, the study **aims** to systematize the regulatory material and make recommendations to notaries and trust managers. As a **result**, the influence of the specific characteristics of securities on the relationship of trust management of them as part of the hereditary property is revealed; the directions for solving the problems of managing profitable securities, the trustee's participation in general meetings of corporate participants, the multiplicity (in some cases) of trust management agreements, etc. are proposed. **General conclusion:** the law enforcement practice (within the framework of notarial activities and the activities of the trustee) should not fill the existing gaps; the comprehensive improvement of the legislation on inheritance law and on the securities market is necessary. It is recommended to adopt as a general rule the rule on the special legal status of a trustee, with an emphasis on their special knowledge. One of the solutions to the problem would be the creation of self-regulatory organizations or associations of trust managers of securities with limited tariffs for inherited property.

Key words: trust management, income, hereditary property, object of rights, securities.

Citation. Dolinskaya V.V. Securities as an Object of Trust Management as Part of the Inherited Property. Part 2. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 94-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.12>

УДК 347.6

ББК 67.404.4

Дата поступления статьи: 07.03.2024

Дата принятия статьи: 08.04.2024

ЦЕННЫЕ БУМАГИ КАК ОБЪЕКТ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОСТАВЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Часть 2

Владимира Владимировна Долинская

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
г. Москва, Российская Федерация;
Верховный Суд РФ, г. Москва, Российская Федерация

Введение: специфика отношений по доверительному управлению ценными бумагами в составе наследственной массы в основном обусловлена характеристикой объекта. В связи с проблемами легального определения ценных бумаг и их открытого перечня, пробелами и противоречиями в законодательстве исследование преследует **цель** систематизации нормативного материала и выработки рекомендаций нотариусам и доверительным управляющим. В **результате** выявлено влияние видовых характеристик ценных бумаг на отношения по доверительному управлению ими в составе наследственного имущества; предложены

направления решения проблем управления доходными ценными бумагами, участия доверительного управляющего в общих собраниях участников корпораций, множественности (в ряде случаев) договоров доверительного управления и т. п. **Общий вывод:** правоприменительная практика (в рамках нотариальной деятельности и деятельности доверительного управляющего) не должна восполнять существующие пробелы; необходимо комплексное совершенствование законодательства по наследственному праву и о рынке ценных бумаг. Рекомендуется принять как общую норму о специальном правовом статусе доверительного управляющего с акцентом на его специальные знания. Одним из вариантов решения проблемы явилось бы создание саморегулируемых организаций или ассоциаций доверительных управляющих ценными бумагами с ограничением тарифов в отношении наследуемого имущества.

Ключевые слова: доверительное управление, доход, наследственное имущество, объект прав, ценные бумаги.

Цитирование. Долинская В. В. Ценные бумаги как объект доверительного управления в составе наследственного имущества. Часть 2 // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 94–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.12>

Введение

Продолжим рассмотрение специфики отношений по доверительному управлению (далее – ДУ) ценными бумагами (далее – Ц/Б) в составе наследственного имущества (наследственной массы) (ст. 1173, 1174 ГК, частично ст. 1135, 1140.1, 1153, 1171 ГК), которая, как мы доказали ранее, в основном обусловлена характеристикой объекта¹.

Основное содержание

Если Ц/Б приносит доход, то доверительный управляющий должен его получить и тем самым увеличить наследственную массу.

Здесь встают две проблемы.

Во-первых, полномочия (и обязанности) по получению дохода должны быть определены в договоре ДУ наследственным имуществом (в п. 4.4.10 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав, утвержденных решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г., протокол № 03/19, в качестве примера зафиксировано с недочетами в формулировке «*установление круга вопросов, которые может принимать доверительный управляющий долей в уставном капитале общества*»).

Во-вторых, если это не долговая Ц/Б, не дающая постоянный доход Ц/Б, должен ли доверительный управляющий отслеживать ее котировку (при наличии), совершать сделки, вплоть до ее отчуждения в целях получения максимального дохода?

Здесь мы вынуждены отвлечься от специфики объектного состава ДУ наследственным имуществом и обратиться к специфике субъектного состава.

Согласно ст. 5 (гл. 2) Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – ФЗ «О РЦБ») деятельность по управлению Ц/Б входит в число видов профессиональной деятельности на рынке Ц/Б.

В соответствии с п. 1 ст. 10.1-1 ФЗ «О РЦБ» профессиональными участниками, в том числе осуществляющими деятельность по управлению Ц/Б, могут являться хозяйственные общества, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, – юридические лица, созданные в иной организационно-правовой форме.

Согласно п. 1 ст. 39 ФЗ «О РЦБ» деятельность по управлению Ц/Б осуществляется на основании специального разрешения – лицензии, выдаваемой Банком России. Нормативным актом, регулирующим порядок и сроки лицензирования, а также перечень документов, необходимых для получения такой лицензии, является Положение Банка России от 29 июня 2022 г. № 798-П «О порядке лицензирования Банком России видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, указанных в ст. 3–5, 7 и 8 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ “О рынке ценных бумаг”, и порядке ведения Банком России реестра профессиональных участников рынка ценных бумаг, о порядке принятия Банком России решения о внесении (об отказе во внесении) сведений о лице в единый реестр инвестиционных советников и порядке

ведения Банком России указанного реестра, а также о порядке предоставления Банком России лицензии на осуществление деятельности инвестиционного фонда, лицензии управляющей компании на осуществление деятельности по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами, лицензии на осуществление деятельности специализированного депозитария инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов и порядке ведения Банком России реестров указанных лицензий».

Лицензионные требования и условия осуществления профессиональной деятельности установлены ст. 10.1 ФЗ «О РЦБ», Положением Банка России от 27 июля 2015 г. № 4 81-П «О лицензионных требованиях и условиях осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, ограничениях на совмещение отдельных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также о порядке и сроках представления в Банк России отчетов о прекращении обязательств, связанных с осуществлением профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, в случае аннулирования лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг» и Положением о специалистах финансового рынка, утвержденным Приказом ФСФР России от 28 января 2010 г. № 10-4/пз-н.

Однако в ч. III ст. 5 ФЗ «О РЦБ» предусмотрено, что наличие лицензии на осуществление деятельности по управлению Ц/Б не требуется в случае, если ДУ связано только с осуществлением управляющим прав по Ц/Б. С учетом того, что в составе наследственного имущества только Ц/Б могут нуждаться в ДУ или – при наличии разных видов имущества, передаваемых в ДУ, – допустимо назначить нескольких доверительных управляющих (п. 7 ст. 1173 ГК), в том числе распределив между ними это имущество, требование лицензии утрачивает свою актуальность.

Кроме того, в п. 6 ст. 1173 ГК содержится отсылка к ст. 1015 ГК, а в совокупности эти нормы гласят, что доверительным управляющим по договору может быть назначен(а):

- А) по общему правилу:
 - индивидуальный предприниматель;
 - коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия;
- Б) при ДУ по основаниям, предусмотренным законом, в том числе при наследовании:
 - гражданин, не являющийся индивидуальным предпринимателем;
 - некоммерческая организация, за исключением учреждения, государственного органа или органа местного самоуправления.

Мы указывали ранее, что причинами ограничения по субъектному составу, на наш взгляд, являются: требования профессионализма и участия в предпринимательской деятельности; узкоспециальная правосубъектность унитарных предприятий и учреждений, преимущественно публичная правосубъектность государственных органов и органов местного самоуправления; неэффективность, а подчас и невозможность сочетания правомочий собственника в отношении переданного в ДУ имущества и собственных ограниченных правомочий – субъекта права хозяйственного ведения или оперативного управления; ответственность доверительного управляющего всем своим имуществом по обязательствам, возникшим в связи с ДУ, и коммерческий характер его ответственности перед учредителем управления и выгодоприобретателем (возмещение упущенной выгоды), реализация которых затруднена, если на имущество управляющего третьему лицу принадлежит право собственности; стремление предотвратить притворные сделки, бюрократизацию управления имуществом [2, с. 103].

Подпункт 2 п. 2 ст. 1135, п. 2 ст. 1153, п. 2, 4 ст. 1171, п. 2 и 6 ст. 1173 ГК о наследнике и исполнителе завещания свидетельствуют о неприменении установленных гл. 53 ГК ограничений в отношении доверительного управляющего наследуемым имуществом [7]. Открытым остается вопрос о соотношении норм раздела V ГК «Наследственное право» и ФЗ «О РЦБ» как источников права – общее и частное или общее и специальное.

С одной стороны, правоприменительная (в том числе нотариальная и судебная) практика свидетельствует в пользу первого варианта – доверительным управляющим может быть любое дееспособное лицо, кроме пуб-

лично-правовых образований и его органов, унитарных предприятий и учреждений. Таким образом, мы не можем от лица, не являющегося профессиональным участником рынка Ц/Б, требовать специальных познаний в отношении переданных ему Ц/Б.

С другой стороны, согласно ч. 1 п. 3 ст. 1173 ГК, ДУ наследственным имуществом осуществляется в целях сохранения этого имущества и увеличения его стоимости.

Как указано в Определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 июля 2010 г. № ВАС-9541/10 по делу № А40-92496/09-8-7494 (правда, с участием профессиональной организации на стороне доверительного управляющего), «...надлежащим может быть признано только такое исполнение... по договору доверительного управления, которое обеспечивает достижение целей сохранности и прироста... Правовое значение имеет именно достижение цели сохранности и прироста... В противном случае теряется смысл передачи... в доверительное управление».

В судебной практике встречаются иски наследников к доверительным управляющим и нотариусам, обусловленные непрофессиональной деятельностью первых.

Пока остается только уповать на нотариуса, который подробно изложит в договоре ДУ все права и обязанности доверительного управляющего, но оптимально было бы дополнить соответствующими нормами раздел V ГК, в первую очередь ст. 1173 ГК, или хотя бы дать необходимые разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Ранее суды высказывались довольно категорично по вопросам полномочий доверительных управляющих.

В Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 марта 2006 г. № Ф08-635/2006 по делу № А53-2311/2005-С4-11 даны пояснения по задачам ДУ наследственным имуществом: «При возникновении доверительного управления на основании закона при открытии наследства необходимо учитывать существо, цели и задачи доверительного управления наследственным имуществом. В статье 1171 Кодекса указано, что доверительное управление применяется нота-

риусом в числе других необходимых мер по охране наследства и управлению им, предназначено в качестве меры для защиты прав наследников, отказополучателей и других заинтересованных лиц. Основная задача доверительного управления в этом случае состоит в том, чтобы обеспечить правопреемство при передаче наследственного имущества наследникам, действовать в интересах наследников в целях сохранности имущества. При исполнении такого договора воля доверительного управляющего не может подменять волю лица, интересы которого он охраняет. Доверительный управляющий должен блокировать любые решения, направленные на распоряжение наследственным имуществом, и не вправе выражать собственное волеизъявление при управлении имуществом. Возможности доверительного управления наследственным имуществом ограничены, он не вправе управлять долями путем голосования на общих собраниях, распоряжаться имуществом путем заключения различных сделок, его задача состоит лишь в охране наследственного имущества, в недопущении принятия решений, способных причинить вред имущественным интересам будущего наследника, либо возложения на него дополнительных обязанностей».

В Определении Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 78-КГ15-7 было указано, что «определение объема полномочий доверительного управляющего по охране наследственного имущества (включающих в себя возможность совершения им сделок по распоряжению имуществом без уведомления наследников, в процессе которых может уменьшиться наследственная масса), получение согласия всех выявленных наследников относительно кандидатуры доверительного управляющего являются существенными характеристиками договора доверительного управления наследственным имуществом».

Но, во-первых, распоряжение подразумевает не только уменьшение, но и увеличение имущества. Во-вторых, в некоторых случаях, особенно по срочным Ц/Б, распорядительные действия необходимы. В-третьих, например,

по корпоративным Ц/Б уклонение от активных действий может повлечь за собой как уменьшение имущественной массы (непринятие участия в голосовании по вопросу распределения прибыли в дивиденды, из-за которого не хватило голосов для положительного решения), так и утрату статуса участника корпорации и, следовательно, утрату в будущем возможных доходов от участия в ней (непринятие участия в голосовании по вопросу реорганизации акционерного общества и конвертации акций).

В связи с этим интерес представляет действующая редакция п. 4 ст. 1173 ГК (с 1 сентября 2018 г.), обязывающая доверительного управляющего голосовать в высших органах корпораций (то есть речь идет о голосующих акциях, не учтены облигации и общие собрания владельцев облигаций – ст. 29.6 ФЗ «О РЦБ») таким образом, который указан в завещании, если «*в завещании наследодателя содержатся его распоряжения по вопросам управления наследством*» (то есть не урегулированы ситуации наследования по наследственному договору, по закону, по завещанию, не содержащему указаний по вопросам управления наследством). С одной стороны, это шаг вперед [1, с. 237]. С другой стороны, пока указанные выше пробелы может восполнить только нотариус в договоре ДУ.

Из общих норм для такого договора наиболее значимы следующие.

Доверительный управляющий, если право голоса по ценным бумагам, переданным ему в ДУ, не ограничено договором ДУ, несет предусмотренные законом обязанности, связанные с владением ценными бумагами, являющимися объектом ДУ (ч. 12 ст. 5 ФЗ «О РЦБ»).

Договором ДУ может быть установлено ограничение на осуществление права голоса (ч. 11 ст. 5 ФЗ «О РЦБ»).

Если в соответствии с ФЗ «О РЦБ» и (или) договором ДУ управляющий не уполномочен осуществлять право голоса на общем собрании владельцев Ц/Б, в том числе на общем собрании акционеров [6], общем собрании владельцев инвестиционных паев, общем собрании владельцев ипотечных сертификатов участия, он обязан предоставить информацию об учредителе управления для составления списка лиц, имеющих право на участие

в общем собрании владельцев Ц/Б, а также по требованию учредителя управления дать депозитарию указание (инструкцию) о реализации учредителем управления права голоса (ч. 13 ст. 5 ФЗ «О РЦБ»). Примечательно, что в этой норме ничего не говорится о собраниях владельцев иных Ц/Б (например, облигаций).

Финансисты называют корпоративные Ц/Б долевыми и относят к ним акции (обыкновенные и привилегированные), депозитарные расписки на акции, вложения в инструменты коллективного инвестирования – акции акционерных инвестиционных фондов, инвестиционные паи (инвестиционные сертификаты) паевых инвестиционных фондов, ипотечные сертификаты участия и сертификаты долевого участия в общих фондах банковского управления (ОФБУ) (строки 040–130 формы федерального статистического наблюдения № П-6 «Сведения о финансовых вложениях и обязательствах» [8]).

Структуру отношений осложняет тот факт, что в отношении некоторых ценных бумаг в составе наследственной массы будет два договора ДУ:

- в случае с инвестиционными паями первый – по ДУ самим инвестиционным фондом [5, с. 56] (ст. 11 ФЗ «Об инвестиционных фондах»), второй – учреждаемый нотариусом в рамках ведения наследственного дела, – причем с разным правовым режимом;

- в случае с ипотечными сертификатами участия наряду с учреждаемым нотариусом в рамках ведения наследственного дела, договор доверительного управления ипотечным покрытием (ст. 25 Закона об ипотечных ценных бумагах, Постановление Правительства РФ от 15 октября 2004 г. № 562 «Об утверждении Типовых правил доверительного управления ипотечным покрытием»).

Напомню, что инвестиционный пай – это именная бездокументарная Ц/Б, удостоверяющая:

- долю его владельца в праве собственности на имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд;
- право требовать от управляющей компании надлежащего ДУ паевым инвестиционным фондом;
- право на получение дохода от доверительного управления имуществом, составля-

ющим этот фонд, если правилами доверительного управления этим фондом предусмотрено на выплата такого дохода;

– право на получение денежной компенсации при прекращении договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом со всеми владельцами инвестиционных паев этого фонда (прекращении паевого инвестиционного фонда) (ч. I п. 1 ст. 14 ФЗ «Об инвестиционных фондах»).

Иные права зависят от вида инвестиционного фонда [4, с. 20] и оборотоспособности пая (п. 1 ст. 14 ФЗ «Об инвестиционных фондах»). Но все они требуют оперативного участия в судьбе паевого инвестиционного фонда, что обуславливает необходимость учреждения ДУ.

Ипотечный сертификат участия – это бездокументарная (точная формулировка: «Права, удостоверенные ипотечным сертификатом участия, фиксируются в бездокументарной форме» – абз. 2 ч. 2 ст. 20 Закона об ипотечных Ц/Б), но именная Ц/Б индивидуального выпуска, удостоверяющая:

- долю ее владельца в праве общей собственности на ипотечное покрытие;
- право требовать от выдавшего ее лица надлежащего ДУ ипотечным покрытием;
- право на получение денежных средств, полученных во исполнение обязательств, требования по которым составляют ипотечное покрытие;
- а также иные права, предусмотренные Законом об ипотечных Ц/Б (ст. 2, 20 Закона об ипотечных Ц/Б).

По разным классификациям это бездокументарная, денежная, долевая, именная, неэмиссионная, производная, частная Ц/Б.

В свою очередь, в состав ипотечного покрытия могут входить:

- обеспеченные ипотекой и (или) залогом прав требования участника долевого строительства, требования о возврате основной суммы долга и (или) об уплате процентов по кредитным договорам и договорам займа, в том числе удостоверенные закладными;
- другие ипотечные сертификаты участия;
- денежные требования по договору залогового счета;
- денежные средства в валюте Российской Федерации или иностранной валюте;

- государственные ценные бумаги;
- недвижимое имущество;
- права требования по договорам участия в долевом строительстве (ст. 3 Закона об ипотечных Ц/Б).

То есть осложняется состав имущества, передаваемого в ДУ наследственным имуществом, а также расширяется перечень информационных реестров, куда придется обращаться наследникам, нотариусу и доверительно-му управляющему.

К ДУ ипотечными сертификатами участия относится все то, что было сказано ранее о проблемах участия доверительного управляющего в управлении, но в данном случае не юридическим лицом, а иным гражданско-правовым сообществом, хотя и здесь речь идет об участии в общем собрании (ст. 26 Закона об ипотечных ценных бумагах, Приказ ФСФР РФ от 15 декабря 2009 г. № 09-55/пз-н «Об утверждении Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания владельцев ипотечных сертификатов участия»).

Больше всего, на наш взгляд, на решение вопроса о передаче Ц/Б в ДУ влияет характеристика по сроку реализации права.

Бессрочные Ц/Б, как правило, такого договора не требуют.

Что касается срочных Ц/Б, то имеет значение срок существования самой Ц/Б, срок исполнения по ней, срок получения по ней дохода.

Так, чек подлежит оплате плательщиком при условии предъявления его к оплате в срок, установленный законом (п. 2 ст. 879 ГК).

От срока предъявления к оплате векселя (Федеральный закон от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе», Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341 «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе») зависит передача его в ДУ.

Такие товарораспорядительные Ц/Б, как складские свидетельства (п. 3 ст. 912 ГК) и коносамент (§ 3 гл. VIII Кодекса торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ), являются срочными, и неисполнение по ним может повлечь как применение мер гражданско-правовой ответственности, так и порчу, утрату самого товара.

Именные облигации как долговые Ц/Б теоретически могут быть предъявлены к погашению и после установленного срока, в пределах срока исковой давности. Но по ним за это время не начисляются дополнительные проценты, а денежные средства подвержены инфляции. Поэтому по желанию наследников именные облигации также можно (и рекомендуется) передавать в ДУ.

Выводы

Даже этот краткий обзор свидетельствует о потребностях в совершенствовании законодательства и по наследственному праву и о рынке Ц/Б, так как нотариус не может и не должен восполнять в договоре ДУ все существующие пробелы.

В связи с развитием рынка Ц/Б, в том числе за счет цифровизации экономики, предложим задуматься о необходимости принятия как общей нормы о специальном правовом статусе доверительного управляющего, причем упор рекомендуем сделать именно на специальных знаниях. Одним из вариантов решения проблемы явилось бы создание саморегулируемых организаций или ассоциаций доверительных управляющих ценными бумагами с ограничением тарифов в отношении наследуемого имущества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Часть первую статьи см.: [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляев, Р. В. Новеллы наследственного права о доверительном управлении наследственным имуществом / Р. В. Беляев // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 237–240.
2. Долинская, В. В. Договоры в предпринимательской деятельности / В. В. Долинская. – М. : ЭКСМО, 2005. – 201 с.
3. Долинская, В. В. Ценные бумаги как объект доверительного управления наследственной массой / В. В. Долинская // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 37–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.4>
4. Ефимова, Ю. С. Паевой инвестиционный фонд в системе вещных и обязательственных пра-

воотношений : дис. ... канд. юрид. наук / Ефимова Юлия Сергеевна. – Владивосток, 2020. – 196 с.

5. Зайцев, О. Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом / О. Р. Зайцев. – М. : Статут, 2006. – 507 с.

6. Положение Банка России от 16 ноября 2018 г. № 660-П «Об общих собраниях акционеров» // Вестник Банка России. – 2019. – № 3.

7. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 27 февраля 2012 г. по делу № А40-65876/11-137-95. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

8. Приказ Минфина России от 10 декабря 2002 г. № 126н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету “Учет финансовых вложений ПБУ 19/02”» (с изм.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2003. – № 9.

REFERENCES

1. Belyaev R.V. Novelly nasledstvennogo prava o doveritelnom upravlenii nasledstvennym imushchestvom [Novellas of Inheritance Law on Trust Management of Hereditary Property]. *Probely v rossijskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian Legislation], 2021, vol. 14, no. 5, pp. 237-240.
2. Dolinskaya V.V. *Dogovory v predprinimatelskoj deyatel'nosti* [Contracts in Entrepreneurial Activity]. Moscow, EKSMO Publ., 2005. 201 p.
3. Dolinskaya V.V. Cennye bumagi kak obyekt doveritelnogo upravleniya nasledstvennoj massoj [Securities as an Object of Trust Management of the Hereditary Mass]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 37-44. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.4>
4. Efimova Yu.S. *Paevoj investitsionnyj fond v sisteme veshchnyh i obyazatel'stvennyh pravootnoshenij: diss. ... kand. jurid. nauk* [Mutual Investment Fund in the System of Real and Binding Legal Relations. Cand. jurid. sci. diss.]. Vladivostok, 2020. 196 p.
5. Zajcev O.R. *Dogovor doveritelnogo upravleniya paevym investitsionnym fondom* [Agreement on Trust Management of a Mutual Investment Fund]. Moscow, Statut Publ., 2006. 507 p.
6. Polozhenie Banka Rossii ot 16 noyabrya 2018 g. № 660-P «Ob obshchih sobraniyah akcionerov» [Regulation of the Bank of Russia Dated November 16, 2018, No. 660-P “On General Meetings of Shareholders”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2019, no. 3.
7. *Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 27 fevralya 2012 g. po delu № А40-65876/11-137-95* [Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District Dated

February 27, 2012 in Case No. A40-65876/11-137-95].
Access from Information Legal Portal “Garant”.

8. *Prkaz Minfina Rossii ot 10 dekabrya 2002 g. № 126n «Ob utverzhdenii Polozheniya po buhgalterskomu uchetu «Uchet finansovyh vlozhenij PBU 19/02»* [Order of the Ministry of Finance of the

Russian Federation No. 126n Dated December 10, 2002
“On Approval of the Accounting Regulations
“Accounting for Financial Investments PBU 19/02”].
Byulleten normativnyh aktov federalnyh organov ispolnitelnoj vlasti [Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Authorities], 2003, no. 9.

Information About the Author

Vladimira V. Dolinskaya, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University, Sadovaya-Kudrinskaya St, 9, 125993 Moscow, Russian Federation; Member of the Scientific Advisory Board, Supreme Court of the Russian Federation, Povarskaya St, 15, 121260 Moscow, Russian Federation, civil-VVD@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6002-3111>

Информация об авторе

Владимира Владимировна Долинская, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, ул. Садовая-Кудринская, 9, 123995 г. Москва, Российская Федерация; член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, ул. Поварская, 15, 121260 г. Москва, Российская Федерация, civil-VVD@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6002-3111>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.13>

UDC 347.53
LBC 67.404.2

Submitted: 03.05.2024
Accepted: 23.05.2024

FORMS OF EXPRESSION OF WILL IN CIVIL TRANSACTIONS

Polina V. Vdovichenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: the relevance of the topic is related to the emergence of new electronic forms of expression of will when making transactions, which has necessitated ensuring their security in the digital environment. The **purpose** of the study is to solve the problems of the form of expression of will of parties to civil transactions, including transactions concluded in electronic form by means of information and communication systems. **Methods:** in preparing the study, the dialectical, logical, and comparative law methods were used, which made it possible to analyze various approaches to classifying forms of expression of will, including oral, written, and other forms, and their legal significance in the context of current legislation. **Results:** the paper analyzes various forms of expression of will that are important for the validity and enforceability of transactions. The doctrine and judicial practice related to the digitalization of the expression of will have been studied. The problem of ensuring the protection of the rights of parties to electronic transactions related to the identification and authentication of the parties in the digital environment is analyzed. The ways to improve the regulatory framework to take into account the development of digital technologies and ensure the protection of the rights of parties to transactions are proposed. **The scope of the results:** the approaches outlined in the study to solving the problems of expression of will in the digital environment can become the basis for improving the current civil law legislation; they can serve as the basis for further scientific research in this area; and they can improve law enforcement practice. **Conclusions:** the proposals related to solving the problems of identification and authentication when entering into the transaction are substantiated. It is proposed to use blockchain technology to solve the problem of confidential data security on the one hand and transparency on the other. The need to fix in the law the methods of electronic transmission of legally significant messages is justified.

Key words: transaction, expression of will, form of transaction, will and expression of will, oral form of transaction, written form of transaction, electronic form of transaction.

Citation. Vdovichenko P.V. Forms of Expression of Will in Civil Transactions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 102-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.13>

УДК 347.53
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 03.05.2024
Дата принятия статьи: 23.05.2024

ФОРМЫ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СДЕЛКАХ

Полина Вадимовна Вдовиченко

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Введение: актуальность темы статьи состоит в необходимости обеспечения безопасности совершения сделок в цифровой среде в результате появления новых электронных форм волеизъявления. **Цель исследования:** решить проблемы формы волеизъявления участников гражданско-правовых сделок, в том числе и сделок, заключаемых в электронной форме посредством использования информационно-коммуникационных систем. **Методы:** при подготовке исследования использовались диалектический метод, логический, сравнительно-правовой методы, позволившие проанализировать различные подходы к классификации форм волеизъявления, включая устные, письменные и иные формы, а также рассматривается их правовое значение в контексте действующего законодательства. **Результаты:** в статье проведен анализ различных форм волеизъявления, имеющих значение для действительности и исполнимости сделок. Изучена доктрина и судебная практика, связанная с цифровизацией процесса волеизъявления. Проанализиро-

вана проблема обеспечения защиты прав участников электронных сделок, связанная с идентификацией и аутентификацией сторон в цифровой среде. Предлагаются пути совершенствования нормативно-правовой базы для учета развития цифровых технологий и обеспечения защиты прав участников сделок. **Область применения результатов:** обозначенные в исследовании подходы к решению проблем выражения волеизъявления в цифровой среде могут стать основой для совершенствования действующего гражданского законодательства и правоприменительной практики, а также для дальнейших научных исследований в данной области. **Выводы:** обоснованы предложения, связанные с решением проблемы идентификации и аутентификации при заключении сделки. Предложено для решения проблемы сохранности конфиденциальных данных, с одной стороны, и прозрачности – с другой, использование технологии блокчейн. Обоснована необходимость определить в законе способы электронной передачи юридически значимых сообщений.

Ключевые слова: сделка, волеизъявление, форма сделки, воля и волеизъявление, устная форма сделки, письменная форма сделки, электронная форма сделки.

Цитирование. Вдовиченко П. В. Формы волеизъявления в гражданско-правовых сделках // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 102–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.13>

Введение

Гражданско-правовые сделки занимают важное место в законодательстве и практике правоприменения, поскольку являются основным инструментом регулирования имущественных и личных неимущественных отношений между субъектами гражданского права (физическими и юридическими лицами). Они представляют собой специфическую форму волеизъявления, которая приводит к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей.

Для заключения сделки необходимо иметь волю (врожденная способность человека, проявляющаяся в действиях, которые признаются правом только при наличии внешнего выражения) [5, с. 829] и выразить ее во вне (волеизъявление) в правовой форме. Волеизъявление – это законное внешнее выражение воли [12, с. 32]. Волевые действия формируют правоотношения, порождая права и обязанности.

Выражение воли имеет различные юридические формы, каждая из которых обладает определенными характеристиками и последствиями с точки зрения правового регулирования. Правовая форма волеизъявления выражена действующим гражданским законодательством, которое устанавливает требования к форме сделок, подразделяя их на устные и письменные сделки, в том числе электронные.

С появлением цифровой среды возникло и множество проблем, связанных с вступле-

нием в правоотношения с использованием информационных технологий. Закрепление в гражданском законодательстве возможности заключать сделки в электронной форме породило проблемы, связанные с идентификацией и аутентификацией личности, а также защиты конфиденциальных сведений, в том числе коммерческой тайны.

Виды форм выражения волеизъявления субъектом гражданского права

Научные подходы к классификации форм волеизъявления, выраженного в гражданско-правовых сделках, весьма разнообразны. Традиционно выделяют устные (словесные), письменные и имплицитные (конклюдентные) формы волеизъявления [2]. Также нельзя не сказать о такой форме сделки, как молчание. Гражданское законодательство устанавливает, что молчание «признается выражением воли совершить сделку, в случаях предусмотренных законом или соглашением сторон», (формально такая форма выражения относится к устным сделкам, в электронной форме – к письменным сделкам).

Устные (словесные) сделки характеризуются непосредственным выражением воли участников через словесное общение. Данная форма изъявления считается наиболее распространенной, так как устное выражение желаний и намерений делает волеизъявления человека понятными и однозначными для всех сторон. При том, что данная форма характеризуется своей оперативностью и доступнос-

тью, она вызывает трудности при доказывании условий сделки в случае возникновения спора.

Следует отметить, что повседневные действия лица могут нести в себе правовой смысл и свидетельствовать о выражении воли на заключение сделки. Например, когда субъект вставляет монету в слот турникета метро, прикладывают банковскую карту к терминалу и т. д. Ученые называют такие проявления воли конклюдентными действиями, что означает совершение сделок через повседневные действия [2, с. 17]. Таким образом, имплицитные (конклюдентные) сделки предполагают выражение воли через конкретные действия или поведение, из которых можно однозначно установить намерения сторон. Подобный способ заключения сделок допустим только тогда, когда законодательство не предписывает иной, более формальный путь выражения воли.

Молчание лица может рассматриваться как форма выражения воли, если такая интерпретация прямо предусмотрена законом. Это исключение из правил, которое подчеркивает значение активных действий в юридических вопросах. Например, п. 2 ст. 621 ГК РФ предполагает, что если по истечении срока действия арендного договора со стороны арендодателя отсутствуют возражения, то договор возобновляется на тех же условиях и на такой же срок, как и было определено изначально. Это значит, что, если арендатор не выразил явного желания изменить или разорвать договор, его молчание трактуется как взаимное согласие продолжить арендные отношения без изменений.

Письменная форма подразумевает фиксацию условий сделки в документальном виде, что обеспечивает более высокий уровень защиты прав сторон. Письменная форма обеспечивает лучшую доказательную базу и необходима для сделок, для которых законодательством предусмотрено обязательное соблюдение письменной формы (например, при купле-продаже недвижимости). Регулированию данной формы волеизъявления посвящена ст. 160 ГК РФ, согласно которой для определенных видов сделок закон строго требует соблюдения письменной формы. Это означает, что стороны должны зафиксировать

свои взаимные обязательства и права в документальном виде. Такое требование служит важной цели – минимизации рисков недопонимания и споров о предмете сделки.

И в научной литературе [3] и в законодательстве, письменная форма волеизъявления подразделяется на виды: простая, нотариальная и цифровая (электронная). Последняя форма актуальна для современного времени, поскольку многочисленные сделки совершаются при помощи цифровых технологий с использованием различных средств коммуникации (смартфонов, персональных компьютеров и т. п.). Современные тенденции в этой области охватывают широкий спектр инноваций, от электронной подписи до блокчейн-технологий, которые упрощают процессы волеизъявления и делают их более доступными и безопасными.

В связи с этим современные исследователи в области права акцентируют внимание на необходимости адаптации законодательства к развитию цифровых технологий [3], что будет способствовать созданию эффективной и системы правового регулирования сделок, в том числе форм выражения волеизъявления сторон сделки.

Изъявления воли в электронной форме. Проблемы идентификации и аутентификации

В последнее время направление оферты и получение акцепта зачастую происходит в цифровой среде, а стороны сделки направляют оферты и получают акцепты через мессенджеры или электронную почту без достижения соответствующего соглашения сторонами об использовании данных цифровых форм взаимодействия. В этом случае суды по-разному оценивают форму выражения волеизъявления, признавая ее надлежащей или нет.

Например, акт выполненных работ, отправленный заказчику по электронной почте без подтвержденных официальных адресов, привел к признанию договора неисполненным из-за формального подхода к исполнению договорных обязательств [6].

С другой стороны, существуют судебные решения, признающие юридическую силу вы-

раженного волеизъявления через мессенджеры, где переписка между сторонами признана судом выражением их воли и должна вести к заключению договора [7].

Последний подход, на наш взгляд, защищает разумные интересы сторон, полагающихся на переписку, поддерживает стабильность гражданского оборота и соответствуют современным требованиям гражданского права.

В соответствии с обновленной в 2019 г. статьей 160 ГК РФ, сделка, оформленная с использованием электронных средств, признается заключенной в письменной форме, если выполнены два условия: возможность точного воспроизведения содержания сделки на физическом носителе и верификация сторон, выразивших волю к совершению сделки. Фиксация содержания сделки обычно не вызывает трудностей, а установление личности волеизъявителя достаточно сложный процесс.

Для решения проблемы верификации сторон, важно разграничить такие понятия, как авторизация, идентификация и аутентификация. Авторизация означает установление прав на выполнение определенных действий или доступ к ресурсам на основе представленных учетных данных [3]. Идентификация представляет собой процесс, при котором пользователь заявляет о своей уникальности в системе через личный идентификатор, например, через логин [9].

В научной литературе обращается внимание на то, что процесс идентификации характеризуется не только техническими, но и правовыми средствами. Так, А.К. Жаров описывает идентификацию как набор правовых и технических действий, направленных на установление личных данных, которые позволяют подтвердить личность пользователя одним из способов: либо через данные, зарегистрированные в единой системе идентификации и аутентификации, либо через информацию, предоставляемую интернет-провайдерами и другими участниками интернет-сообщества [4].

Вопрос идентификации играет важную роль при верификации сторон сделки. В силу этого законодатель разрабатывает дополнительные правовые средства, обеспечивающие такую возможность. Так, в Государственную

Думу РФ представлен законопроект, согласно которому электронной почтой смогут пользоваться только лица, прошедшие идентификацию в порядке, утвержденном Правительством РФ [1]. Если указанный проект будет принят, то обмен письмами с применением собственной электронной почты будет признан волеизъявлением, совершенным в форме, установленной законом.

В свою очередь, Правительство Российской Федерации установило новые правила для идентификации пользователей в сети Интернет, нацеленные на организаторов сервисов мгновенного обмена сообщениями [8]. Введенные правила предусматривают, что организаторы сервисов обязаны проводить идентификацию своих пользователей, подтверждая достоверность информации об абонентских номерах мобильной связи. Такие меры направлены на повышение безопасности и прозрачности использования интернет-ресурсов, позволяя вступать в различные гражданские правоотношения при их помощи.

Однако не все проблемы, связанные с идентификацией, решены в настоящее время. Безусловно, процесс идентификации пользователей, с одной стороны, облегчает задачу по установлению личности стороны сделки. С другой стороны, субъект подвергается рискам распространения конфиденциальных данных пользователей. Проблема в настоящее время решается посредством передачи информации через защищенные каналы. Однако это процесс трудоемкий и затратный и, как правило, используется крупными корпорациями и органами государственной власти. Полагаем, что одной из технологий, позволяющей выразить волю в надлежащей форме, может стать блокчейн-технология, обладающая, с одной стороны, необходимой прозрачностью, но и способная, с другой стороны, предотвратить утечку конфиденциальных сведений. Указанную проблему отчасти решает и процесс аутентификации.

В научной литературе обращают внимание еще на одну проблему, связанную с идентификацией, – это подтверждение статуса лица, вступающего в правоотношения [9]. Во-первых, важно провести процедуру, которая позволит верифицировать личность и дееспособность клиента. Учитывая положения

ГК РФ, дееспособность лица, как правило, устанавливается с достижением совершеннолетия. Однако в сети Интернет возникает проблема с определением категории лиц, не соответствующих данному критерию: малолетние и несовершеннолетние граждане, ограниченные в дееспособности судом, и лица, признанные недееспособными [9], но которые могут вступить в правоотношения, используя, например, аккаунты своих родителей.

Проблематика определения возраста и дееспособности потребителя в виртуальном пространстве акцентирует необходимость введения мер, например использование портала государственных услуг для авторизации физических лиц, что обеспечит точность идентификации.

Аутентификация, выступающая механизмом защиты, определяет истинность пользовательских данных за счет проверки и сравнения введенных идентификаторов с данными, ранее зарегистрированными в системе. Так, если идентификация требует от пользователя предъявления уникальных сведений для доступа к системе, аутентификация же подразумевает сверку этих данных с теми, что уже сохранены в системе, для подтверждения личности пользователя.

Необходимо отметить, что в процессе решения проблемы идентификации и аутентификации ряд предприятий и не только устанавливает собственные правила. Прежде всего, финансовые институты применяют специализированное программное обеспечение для того, чтобы у каждого клиента были уникальные логин и пароль для входа в собственный аккаунт (индивидуальный аккаунт). Однако отсутствие унифицированных нормативных требований к оформлению онлайн-взаимоотношений приводит к тому, что каждая организация разрабатывает собственные правила взаимодействия. В качестве примера, компания «Мани-Клик» внедряет процесс, включающий этапы от идентификации до заключения договора через многоступенчатую верификацию, включая отправку специального кода на мобильный телефон, заполнение анкеты и дальнейшее подтверждение данных, завершая процессом подписания договора с использованием кода, отправленного по СМС, который служит электронной подписью.

Банки, такие как Сбербанк, предлагают клиентам доступ к услугам через «Сбербанк Онлайн», требуя регистрацию с использованием номера карты и телефона [10], Тинькофф Банк [11] упрощает процесс до введения телефонного номера для регистрации, что, хотя и удобно, но повышает риски безопасности, связанные с возможностью взлома аккаунта.

Кроме того, существует Единая система идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА), функционирующая на основе федеральной информационной системы и регулируемая Правительством РФ, доступ к которой предоставляется через портал Госуслуги. С изменениями, введенными в июне 2018 г., ряду организаций разрешается проведение операций через ЕСИА и биометрическую систему, позволяя заключение договоров с физическими лицами дистанционно с использованием простой электронной подписи.

Выводы

Цифровизация волеизъявления порождает проблемы безопасности данных, уязвимость к кибератакам, что вызывает необходимость разработки дополнительных средств правовой защиты сторон правоотношений. Вопросы юридической признаваемости электронных форм волеизъявления и электронных документов требуют дополнительного урегулирования, чтобы гарантировать их равную силу по сравнению с традиционными бумажными документами.

Российское законодательство допускает волеизъявление юридических намерений в электронном виде. Для этого необходимо пройти идентификацию и аутентификацию. Однако не все проблемы, связанные с идентификацией решены в настоящее время. Безусловно, процесс идентификации пользователей, с одной стороны, облегчает задачу по установлению личности стороны сделки. С другой стороны, субъект подвергается риску распространения конфиденциальных данных пользователей.

Полагаем, что одной из технологий, позволяющей выразить волю в надлежащей форме, может стать блокчейн-технология, обладающая, с одной стороны, необходимой про-

значностью, но и способная, с другой стороны, – предотвратить утечку конфиденциальных сведений.

С учетом проведенного анализа научной литературы и судебной практики представляется целесообразным определить в законе способы электронной передачи юридически значимых сообщений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Госдуму внесен законопроект о пользовании электронной почтой // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/amp/2019/07/23/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-o-polzovanii-elektronnoj-pochtoj.html>

2. Воронина, С. В. Виды волеизъявления по гражданскому законодательству: доктринальный подход и правоприменительная практика / С. В. Воронина, Т. А. Филиппова // Известия АлтГУ. – 2017. – № 3 (94). – С. 17–22.

3. Дмитриева, О. В. Цифровизация волеизъявления в гражданском праве / О. В. Дмитриева, Н. А. Постол // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – № 2. – С. 13–18.

4. Жарова, А. К. Особенности процесса правовой идентификации человека в Интернете / А. К. Жарова // Информационное право. – 2016. – № 3. – С. 30–35.

5. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2000. – 829 с.

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.08.2022 № Ф05-15125/2022 по делу № А40-230593/2021. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=441972#d373mgTjP3gA5rj8>

7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.03.2020 по делу № А40-278013/2019. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1845437#anW3mgTOOZIWF51>

8. Постановление Правительства РФ от 27 октября 2018 г. № 1279 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 46. – Ст. 7043.

9. Рахманина, Н. В. Правовые проблемы оказания финансовых услуг физическим лицам посредством сети Интернет / Н. В. Рахманина // Власть Закона. – 2019. – № 4 (40). – С. 218–223.

10. Сбербанк сайт. URL: <https://online.sberbank.ru/CSAFront/index.do>

11. Тинькофф Банк. – URL: <https://www.tinkoff.ru/login/>

12. Холоденко, Ю. В. Недействительность сделок с пороками воли : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Холоденко Юрий Витальевич. – М., 2008. – 32 с.

REFERENCES

1. V Gosdumu vnesen zakonoproekt o polzovanii elektronnoj pochtoj [A Bill on the Use of E-Mail Has Been Submitted to the State Duma]. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/amp/2019/07/23/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-o-polzovanii-elektronnoj-pochtoj.html>

2. Voronina S.V., Filippova T.A. Vidy voleizyavleniya po grazhdanskomu zakonodatelstvu: doktrinalnyj podhod i pravoprimeritel'naya praktika [Types of Expression of Will in Civil Law: A Doctrinal Approach and Law Enforcement Practice]. *Izvestiya AltGU* [News of the AltSU], 2017, no. 3 (94), pp. 17-22.

3. Dmitrieva O.V., Postol N.A. Cifrovizaciya voleizyavleniya v grazhdanskom prave [Digitalization of Expression of Will in Civil Law]. *Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University], 2023, no. 2, pp. 13-18.

4. Zharova A.K. Osobennosti processa pravovoj identifikacii cheloveka v Internete [Features of the Process of Legal Identification of a Person on the Internet]. *Informacionnoe pravo* [Information Law], 2016, no. 3, pp. 30-35.

5. Meyer D.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo*. [Russian Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2000. 829 p.

6. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 22.08.2022 № F05-15125/2022 po delu № A40-230593/2021* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District Dated August 22, 2022, No. F05-15125/2022 in Case No. A40-230593/2021]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=441972#d373mgTjP3gA5rj8>

7. *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 25.03.2020 po delu № A40-278013/2019* [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal Dated March 25, 2020 in Case No. A40-278013/2019]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MOB&n=1845437#anW3mgTOOZIWF51>

8. *Postanovleniye Pravitelstva RF ot 27 oktyabrya 2018 g. № 1279 «Ob utverzhdenii Pravil identifikatsii polzovateley informatsionno-telekommunikatsionnoj seti “Internet” organizatorom*

servisa obmena mgnovennymi soobshcheniyami» [Decree of the Government of the Russian Federation of October 27, 2018 No. 1279 “On Approval of the Rules for Identifying Users of the Internet Information and Telecommunications Network by the Organizer of the Instant Messaging Service”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2018, no. 46, art. 7043.

9. Rachmanina N.V. Pravovye problemy okazaniya finansovyh uslug fizicheskim licam

posredstvom seti internet [Legal Problems of Providing Financial Services to Individuals via the Internet]. *Vlast Zakona* [The Rule of Law], 2019, no. 4(40), pp. 218-223.

10. *Sberbank sajt* [Sberbank Website]. URL: <https://online.sberbank.ru/CSAFront/index.do>

11. *Tinkoff Bank*. URL: <https://www.tinkoff.ru/login/>

12. Kholodenko Yu.V. *Nedejstvitelnost sdelok s porokami voli: avtoref. dis ... kand. jurid.nauk* [Invalidity of Transactions with Defects of Will. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2008. 32 p.

Information About the Author

Polina V. Vdovichenko, Junior Scientific Assistant, Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Akademika Volgina St, 12, 117437 Moscow, Russian Federation, polli_17_wv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1883-4627>

Информация об авторе

Полина Вадимовна Вдовиченко, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117437 г. Москва, Российская Федерация, polli_17_wv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1883-4627>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.14>

UDC 347.66
LBC 67.404.5

Submitted: 29.03.2024
Accepted: 20.04.2024

ACTUAL PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS OF HEIRS IN CASE OF ABUSE OF THE RIGHT BY CREDITORS

Natalia A. Ablyatipova

Russian State University of Justice (Crimean branch), Simferopol, Russian Federation

Irina Yu. Volkova

Interregional Directorate for the Federal Antimonopoly Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol, Simferopol, Russian Federation

Introduction: the protection of the rights of heirs when they are sued by creditors of the testators long after the death of the borrower remains an urgent issue for modern science and practice. By virtue of the current civil legislation, the inheritance estate includes not only the property of the testator but also his debts. Some creditors, abusing their rights, intentionally do not go to court for a long time to increase the amount of debt. In order to avoid this, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation has clarified that the claims of creditors who filed a claim for collecting interest on a loan agreement after a long time without valid reasons are not subject to satisfaction for the period from the date of the opening of the inheritance if the heirs did not know about the existence of the testator's obligation. Despite this, there is no uniformity in judicial practice in this matter, which violates the rights of heirs who did not know about the debt. In this regard, the **purpose** of the study is to determine the circumstances that affect the recognition of the creditor's actions as an abuse of the law and the satisfaction of claims or refusal to satisfy them. **Results:** the analysis of the materials of judicial practice is carried out, upon which the problems of violation of the rights of heirs in cases of abuse of the right by creditors of the testator are specified. **Conclusions:** based on the studied material, it is concluded that it is necessary to improve the mechanism for protecting the rights of heirs. According to the results of the study, the authors have proposed possible methods for solving the problems identified during the study.

Key words: hereditary legal relations, inheritance, debts, creditor, abuse of law, judicial protection.

Citation. Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu. Actual Problems of Protecting the Rights of Heirs in Case of Abuse of the Right by Creditors. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 109-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.14>

УДК 347.66
ББК 67.404.5

Дата поступления статьи: 29.03.2024
Дата принятия статьи: 20.04.2024

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАСЛЕДНИКОВ ПРИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ КРЕДИТОРАМИ

Наталья Айдеровна Аблятипова

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал), г. Симферополь, Российская Федерация

Ирина Юрьевна Волкова

Межрегиональное управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Крым и городу Севастополю, г. Симферополь, Российская Федерация

Введение: защита прав наследников при обращении к ним с исками кредиторов наследодателей спустя длительное время после наступления смерти заемщика остается актуальным вопросом для современной

науки и практики. В силу действующего гражданского законодательства, в наследственную массу включается не только имущество наследодателя, но и его долги. Некоторые кредиторы, злоупотребляя правом, намеренно не обращаются в суд на протяжении долгого времени для увеличения суммы задолженности. Во избежание этого Пленумом Верховного Суда Российской Федерации даны разъяснения, согласно которым требования кредиторов, обратившихся с иском о взыскании процентов по кредитному договору по истечении длительного времени без уважительных причин, не подлежат удовлетворению за период со дня открытия наследства, если наследники не знали о наличии обязательства наследодателя. Несмотря на это, в судебной практике отсутствует единообразие в этом вопросе, из-за чего нарушаются права наследников, которые не знали о долге. В связи с этим авторами поставлена **цель**: определить обстоятельства, которые влияют на признание действий кредитора злоупотреблением правом и на удовлетворение исковых требований или отказ в их удовлетворении. **Результаты**: проведен анализ материалов судебной практики, на основании которого конкретизированы проблемы нарушения прав наследников при злоупотреблении правом кредиторами наследодателя. На основании изученного материала сделан **вывод** о необходимости совершенствования механизма защиты прав наследников. По результатам исследования авторами предложены возможные методы решения выявленных в ходе исследования проблем.

Ключевые слова: наследственные правоотношения, наследственная масса, долги, кредитор, злоупотребление правом, судебная защита.

Цитирование. Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Актуальные проблемы защиты прав наследников при злоупотреблении правом кредиторами // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 109–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.14>

Введение

Право наследовать и быть наследником неразрывно связано с институтом собственности, а потому развитый институт наследственного права необходим для совершенствования экономического оборота. Современное гражданское законодательство направлено не только на обеспечение прав наследников при переходе к ним в порядке универсального правопреемства имущества наследодателя, но и на предупреждение нарушения прав кредиторов. Так, в состав наследственной массы входят не только имущество наследодателя, но и долги, возникшие по взятым обязательствам при его жизни, независимо от осведомленности наследников об их наличии.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что под долгами подразумеваются все имеющиеся на момент смерти наследодателя обязательства, которые не прекращаются смертью должника [7, п. 58]. В случае принятия долгов наследодателя наследник становится должником и несет обязанности по исполнению обязательств со дня открытия наследства. Так, если наследодатель заключил кредитный договор с банковской организацией и нарушал обязанность по внесению платежей и уплате процентов в порядке ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], а наследник не был

об этом осведомлен, то долг не будет выплачен своевременно, а сумма долга будет увеличиваться, потому что после принятия наследства наследник обязуется выплатить как проценты, невыплаченные при жизни наследодателя, так и те, которые обязался выплатить наследник [7, п. 61].

Нередко это приводит к нарушению прав наследников, которые не знали о наличии долговых обязательств наследодателя, так как со стороны кредиторов нередко имеет место злоупотребление правом в форме обращения в судебные органы на протяжении длительного времени с целью увеличения суммы долга. Во избежание возникновения таких ситуаций Пленум Верховного Суда Российской Федерации закрепил для судебных органов разъяснение, в соответствии с которым требования кредиторов, обратившихся с иском о взыскании процентов по кредитному договору по истечении длительного времени без уважительных причин, не подлежат удовлетворению за период со дня открытия наследства, если наследники не были осведомлены о наличии обязательства наследодателя. Это закреплено во избежание наступления неблагоприятных последствий для наследников по причине недобросовестных действий со стороны кредиторов [7, абз. 3 п. 61]. Однако, несмотря на данное Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъяснение,

не всегда судебные органы учитывают это, что приводит к нарушению прав наследников.

Проблема обращения кредиторов наследодателей с исками к наследникам спустя длительное время после наступления смерти

Среди судов отсутствует единая позиция относительно обращения по денежным обязательствам наследодателя спустя длительное время после смерти последнего. Одни судебные органы расценивают такое поведение как злоупотребление правом и отказывают во взыскании процентов, начисленных после смерти наследодателя. Иные же не признают это злоупотреблением правом, даже если кредитор не обращался в суд на протяжении нескольких лет. Отсутствие четких критериев разграничения наличия или отсутствия злоупотребления правом приводит к формированию противоречивой судебной практики и нарушению прав добросовестно действовавших наследников. По этой причине кредиторы продолжают обращаться в судебные органы спустя несколько лет после смерти заемщика; даже будучи осведомленными о факте его смерти.

При рассмотрении данной категории дел судебным органам необходимо учитывать, через какой промежуток времени после прекращения исполнения обязательств кредитор обратился в суд и знали ли ответчики о наличии долга. В качестве подтверждения добросовестности наследников может служить их обращение в банк для получения информации о наличии или отсутствии долговых обязательств наследодателя после смерти последнего. Для формирования представления о специфике рассмотрения судами дел по искам кредиторов к наследникам заемщиков и возникающих проблемах проанализируем дела, рассмотренные судами общей юрисдикции.

В одном из дел банк обратился в суд с иском о расторжении кредитного договора, взыскании задолженности и процентов за пользование суммой кредита к наследникам заемщика. Требования были мотивированы тем, что в 2015 г. между банком и наследодателем был заключен кредитный договор со

сроком до 2020 г., однако с 2017 г. обязательства по возврату кредита и уплате процентов перестали исполняться по причине смерти заемщика. Кредитор обратился в суд к наследникам спустя 5 лет после того, как обязательства перестали исполняться. При этом истец знал о смерти заемщика, а его наследники не были осведомлены о наличии заключенного договора. Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили исковые требования, несмотря на то что ответчики указывали на злоупотребление правом со стороны истца, которое проявилось в том, что истец на протяжении длительного периода не обращался в суд, из-за чего сумма долга существенно увеличилась. Суд кассационной инстанции признал довод о злоупотреблении правом со стороны истца заслуживающим внимание и указал, что суды нижестоящих инстанций неправомерно не учли его, что привело к принятию незаконного решения. Дело было направлено на новое рассмотрение [6].

В приведенном деле суды первой и апелляционной инстанций не приняли во внимание злоупотребление правом со стороны кредитора, несмотря на его обращение с требованиями после длительного периода с момента прекращения поступления платежей. Иногда недобросовестное поведение кредитора усугубляется тем, что наследники после смерти наследодателя целенаправленно обращались для того, чтобы узнать о наличии у него долговых обязательств. Однако и при таких обстоятельствах суды нередко отказывают признать поведение истца злоупотреблением правом. Примером этого служит следующее дело.

Банк обратился с иском к наследникам заемщика по кредитному договору. Требования были мотивированы тем, что при жизни наследодателю была выдана кредитная карта, платежи по которой перестали поступать. Банку стало известно о смерти наследодателя и он направил претензию об уплате долга предполагаемым наследникам, однако ответа на нее не последовало. Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили исковые требования, однако суд кассационной инстанции направил дело на новое рассмотрение, так как нижестоящие суды не учли следующие значимые для дела обстоятельства.

Наследники указали, что после вступления в наследство они обращались в банк для того, чтобы узнать о наличии у наследодателя задолженностей. Банк сообщил о наличии двух долговых обязательств наследодателя, однако умолчал о третьем, которое стало основанием обращения в суд. Несмотря на то что банку была представлена скан-копия свидетельства о смерти должника непосредственно после его смерти и на то, что он, как кредитная организация, должен был сообщить о всех долгах заемщика, он не уведомил наследников о наличии долга по кредитной карте и длительное время не обращался с требованиями о ее погашении. Кроме того, наследники не могли знать о долгах наследодателя, так как они проживали в разных городах и длительное время не общались.

Таким образом, истец не поставил в известность ответчиков о наличии третьей задолженности, несмотря на их обращения. Кроме того, нотариусом также был произведен запрос о наличии задолженностей у наследодателя, но сведения отсутствовали. Однако судом не были приняты во внимание неосведомленность ответчиков о наличии всех задолженностей и то обстоятельство, что истец на протяжении длительного времени не обращался с требованиями об уплате долга. Суд кассационной инстанции пришел к выводу о наличии злоупотребления правом [5].

При анализе исков к наследникам заемщиков существенным обстоятельством является их осведомленность о наличии долга. Если наследники знали о кредитном договоре наследодателя и об имеющейся задолженности, они не могут ссылаться на злоупотребление правом со стороны кредитора. Примером этого служат следующие судебные акты.

Банковская организация обратилась в суд с иском к ответчику о взыскании задолженности по кредитному договору за период, ссылаясь на то, что ответчики являются наследниками заемщика, который не исполнил обязательства перед истцом. Решением суда первой инстанции в удовлетворении требований было отказано, так как сумма требуемых истцом денежных средств превышала стоимость имущества, вошедшего в наследственную массу. Суд апелляционной инстанции принял новое решение по делу, ко-

торым исковые требования удовлетворены частично.

В кассационной жалобе ответчики указали на злоупотребление правом со стороны истца, так как он на протяжении длительного периода не обращался с требованиями об уплате долга. Суд кассационной инстанции опроверг данный довод, так как при рассмотрении дела в первой и апелляционной инстанциях ответчики не ссылались на недобросовестность истца и на то, что им было известно о заключении договора. Более того, судом было установлено, что после смерти заемщика одна из соответчиков обращалась в адрес истца с заявлением о рассмотрении страхового случая [3].

Исходя из анализа приведенных судебных актов можно сделать вывод об отсутствии единообразного подхода при рассмотрении судебными органами дел о взыскании задолженностей с наследников заемщика в ситуациях обращения с иском спустя длительное время после его смерти. Это приводит к нарушению прав наследников и необходимости обжаловать судебные акты в вышестоящие инстанции, что влечет несение ими процессуальных издержек и увеличение времени на восстановление нарушенного права. Для преодоления данной проблемы представляется целесообразным установить специальный предельный срок после смерти заемщика, за который могут быть взысканы проценты с наследников, не знавших о существовании долга. Во избежание нарушения баланса интересов сторон наиболее соразмерным представляется срок 6 месяцев.

Проблема

взыскания суммы задолженности с наследников заемщика при направлении ими запросов о наличии у наследодателя долговых обязательств после его смерти

Рассматривая исследуемую категорию дел, суды могут применять срок исковой давности и отказывать в удовлетворении требований в части взыскания процентов, начисленных за период, в отношении которого срок исковой давности истек. При этом требования о взыскании долга и процентов, начисленных за

периоды, для которого срок давности не истек, удовлетворяются, несмотря на то что у наследников отсутствовали сведения о наличии кредитного договора, в том числе после запроса, направленного нотариусом в банковскую организацию в рамках наследственного дела. Однако удовлетворение требований при таких обстоятельствах признается неправомерным судами вышестоящих инстанций. Подобные обстоятельства имели место в следующем деле.

Истец обратился в суд с иском о взыскании задолженности по договору потребительского кредита с наследников заемщика. Наследодатель умерла в 2016 г., а истец обратился в суд с требованиями в 2021 году. Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования, указав на отсутствие доказательств оплаты наследодателем задолженности при жизни и на пропуск истцом исковой давности по платежам с 2016 по 2018 год. Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение в силе. Однако выводы судов были признаны незаконными Верховным Судом Российской Федерации исходя из следующего.

Во-первых, наследник не знал о заключении наследодателем кредитного договора, тогда как банк знал о смерти заемщика. Во-вторых, истец не обращался с требованиями об уплате задолженности на протяжении длительного времени. В-третьих, Суд установил, что нотариус в рамках наследственного дела направлял в адрес истца запрос о наличии вкладов или завещательных распоряжений наследодателя, в котором содержались сведения о его смерти. Истец направил ответ, в котором сообщил о наличии у наследодателя счета и о размере остатка денежных средств на нем. Сведений о том, что наследодатель является заемщиком, в ответе не содержалось. В этой части Верховный Суд указал, что оказание содействия другой стороне, в том числе в получении необходимой информации, является ожидаемым от лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, а потому поведение истца нельзя было признать добросовестным [4].

В ином деле банк обратился к наследникам с аналогичными требованиями спустя 9 месяцев после смерти заемщика. Суд пер-

вой инстанции указал, что истец действовал недобросовестно, однако вышестоящие суды опровергли его выводы, так как нотариус при выдаче свидетельства о праве на наследство сообщила наследникам о наличии кредитного договора у наследодателя, по которому на дату смерти образовалась задолженность. Так как наследники были осведомлены о наличии в составе наследственной массы задолженности, но не предпринимали мер по ее погашению, суды апелляционной и кассационной инстанций признали требование о взыскании долга и процентов за пользование денежными средствами обоснованным [2].

Приведенные судебные акты свидетельствуют о том, что наследник может быть признан судом не знающим о наличии долга в случае, если им или нотариусом был подан запрос в банковскую организацию, в ответе на который информация об имеющейся задолженности отсутствовала. Банковская организация, которая не указала на наличие долга, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, является злоупотребившей правом. Для преодоления проблемы нарушения прав наследников в случаях, когда банк не сообщил о заключенном наследодателем кредитном договоре и образовавшейся задолженности в ответе на запрос, представляется целесообразным закрепить правило, согласно которому требования банка не подлежат удовлетворению не только в части взыскания начисленных процентов, но и в части взыскания задолженности, образовавшихся на день смерти наследодателя. Данная мера необходима, так как при направлении запроса наследники или нотариус полагаются на добросовестность банковской организации для предотвращения начисления суммы долга, выплата которой будет обременительна, и для погашения имеющейся задолженности. Удовлетворение требований в таком случае приведет к извлечению преимущества из недобросовестного поведения кредитора, что не допускается гражданским законодательством.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что механизм защиты прав наследников при злоупотреблении правом кредиторами является несовершенным, так как несмотря на закрепленные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебные орга-

ны не всегда принимают во внимание доводы наследников, не знавших о заключении наследодателем кредитного договора, о злоупотреблении правом истцами, если они не обращались в суд длительное время после смерти заемщика. Это влечет нарушение прав добросовестных наследников. Для повышения эффективности защиты прав наследников при злоупотреблении правом кредиторами рациональным представляется предпринять следующие меры.

Во-первых, необходимо установить шестимесячный срок после смерти заемщика, на протяжении которого кредитор вправе обратиться с иском к наследникам. Данная мера позволит обеспечить интересы кредитора, с одной стороны, и не допустить злоупотребление им правом, с другой. Так, шестимесячный срок представляется достаточным для получения кредитором сведений о смерти наследодателя. В то же время сумма процентов, начисленных за 6 месяцев, не будет финансово обременительной для наследников по сравнению с возможным обращением спустя несколько лет после смерти наследодателя.

Во-вторых, требуется установить правило относительно того, что сумма образовавшейся на день смерти наследодателя задолженности не подлежит взысканию, если наследники или нотариус после смерти наследодателя направляли в адрес кредитора запрос относительно его счетов или долговых обязательств, а кредитор в свою очередь не предоставил сведения о заключенном договоре и образовавшейся задолженности. Данная мера позволит предотвратить введение в заблуждение наследников, которые полагаются на достоверность сведений, предоставленных кредитором, во избежание увеличения размера задолженности.

Несмотря на длительный период развития и становления института наследственных правоотношений в настоящее время некоторые аспекты его законодательного регулирования требуют совершенствования ввиду широкой распространенности нарушения прав наследников на практике. В связи с этим требуется детальное теоретическое изучение ранее неосвоенных в доктрине вопросов, что обуславливает дальнейшую актуальность исследования рассмотренной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 5 дек. (№ 32). – Ст. 3301.
2. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2023 № 88-25031/2023. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=27407143&case_uid=e6384ad2-d109-4abf-8ea3-4b8fe72e6f6c&delo_id=2800001&new=2800001
3. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.01.2023 № 88-773/2023 по делу № 2-535/2022. – URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=10890740&case_uid=e13c5fd4-4e1f-40c5-8d49-12ebf49bd5e7&delo_id=2800001&new=2800001
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.03.2023 № 41-КГ23-1-К4. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2223098
5. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.08.2023 № 88-14647/2023. – URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3583374&case_uid=1dd92cb2-a48c-48d9-8135-71a686522145&delo_id=2800001&new=2800001
6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2023 № 88-27084/2023. – URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5716518&case_uid=a4592b60-03ed-407c-a08c-a0673e0d391a&delo_id=2800001&new=2800001
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. – 2012. – 6 июня (№ 127).

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaja) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 11.03.2024) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) Dated November 30, 1994 № 51-FZ (As Amended on March 11, 2024)]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1994, Dec. 5 (no. 32), art. 3301.
2. *Opređenje Vosmogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 05.12.2023 № 88-25031/2023* [The Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction Dated December 5, 2023 No. 88-25031/2023]. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=27407143&case_uid=e6384ad2-d109-4abf-8ea3-4b8fe72e6f6c&delo_id=2800001&new=2800001

3. *Opređenje Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 10.01.2023 № 88-773/2023 po delu № 2-535/2022* [The ruling of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction Dated January 10, 2023 No. 88-773/2023 in the Case No. 2-535/2022]. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=10890740&case_uid=e13c5fd4-4e1f-40c5-8d49-12ebf49bd5e7&delo_id=2800001&new=2800001

4. *Opređenje Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14.03.2023 № 41-KG23-1-K4* [Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation Dated March 14, 2023 No. 41-KG23-1-K4]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2223098

5. *Opređenje Shestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 17.08.2023 № 88-14647/2023* [The Ruling of the Sixth Cassation Court of General

Jurisdiction Dated August 17, 2023 No. 88-14647/2023]. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3583374&case_uid=1dd92cb2-a48c-48d9-8135-71a686522145&delo_id=2800001&new=2800001

6. *Opređenje Shestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 30.11.2023 № 88-27084/2023* [The Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction Dated November 30, 2023 No. 88-27084/2023]. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5716518&case_uid=a4592b60-03ed-407c-a08c-a0673e0d391a&delo_id=2800001&new=2800001

7. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.05.2012 № 9 «O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated May 29, 2012 No. 9 “On Judicial Practice in Inheritance Cases”]. *Rossijskaya gazeta*, 2012, June 6 (no. 127).

Information About the Authors

Natalia A. Ablyatipova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Honored Lawyer of the Republic of Crimea, Associate Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice (Crimean branch), Pavlenko St, 5, 295006 Simferopol, Russian Federation, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

Irina Yu. Volkova, Acting Head of the Department of Technical Support and Legal Work, Interregional Directorate for the Federal Antimonopoly Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol, Alexandra Nevskogo St, 1, 295000 Simferopol, Russian Federation, J.generation@yandex.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7962-1667>

Информация об авторах

Наталья Айдеровна Аблятипова, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым, доцент кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал), ул. Павленко, 5, 295006 г. Симферополь, Российская Федерация, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

Ирина Юрьевна Волкова, врио начальника отдела обеспечения технической деятельности и юридической работы, Межрегиональное управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Крым и городу Севастополю, ул. Александра Невского, 1, 295000 г. Симферополь, Российская Федерация, J.generation@yandex.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7962-1667>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.15>

UDC 347
LBC 67.404

Submitted: 05.04.2024
Accepted: 20.04.2024

THE MECHANISM OF CIVIL REGULATION OF ACTIONS TO PROTECT THE IMAGE OF A CITIZEN

Alexey A. Demin

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: the scientific paper **aims** to reveal the structure and features of the mechanism of civil regulation of actions to protect the image of a citizen. To do this, it is necessary to determine the procedure, conditions, and grounds for the functioning of the legal mechanism, as well as the object of encroachment. The relevance of the topic is due to the significance of the chosen problem as well as the need to identify the conditions for forming the legal structure of the mechanism of civil regulation for protection against violations when using the image of a citizen. **Methods:** within the framework of the study, a comparative law method was used, which made it possible to identify the differences in violations when using the image of a citizen; a systematic approach; and the formal logical research method. **Results:** the analysis of the current legislation of the Russian Federation is carried out. The possibilities of using the general provisions of the civil legislation on the protection of violated subjective civil rights, as well as the special ways to protect against violations when using a citizen's image, are considered. The conditions influencing the formation of the legal structure of the civil regulation mechanism are analyzed. **Conclusions:** it is determined that the protection of a citizen's image should be understood as a set of regulatory provisions regarding the order, conditions, and methods of using a citizen's image, as well as measures to protect against violations. The protection of a citizen's image is provided by a special mechanism of civil regulation. The operation of this mechanism is associated with a violation of the order, conditions, and methods of its use by other persons. The structure of the legal mechanism (legal structure) depends on the nature of the offense committed. At the same time, taking into account the actual circumstances, in a specific situation that requires legal resolution, both general legal means of protecting a citizen's image (Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 151 of the Civil Code of the Russian Federation) and special remedies (Article 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation) can be used.

Key words: image of a citizen, remedies, mechanism of civil regulation, legal structure, legal means, protection of civil rights, objects of civil rights, subjective civil law.

Citation. Demin A.A. The Mechanism of Civil Regulation of Actions to Protect the Image of a Citizen. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 116-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.15>

УДК 347
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 05.04.2024
Дата принятия статьи: 20.04.2024

МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ ПО ОХРАНЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА

Алексей Александрович Демин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Введение: в научной статье ставится **цель** раскрыть особенности состава механизма гражданско-правового регулирования действий по охране изображения гражданина. Для этого необходимо определить порядок, условия и основания функционирования правового механизма, а также определить объект посягательства. Актуальность данной темы обусловлена значимостью выбранной проблемы, а также необходимостью выявления условий формирования юридической конструкции механизма гражданско-правового регулирования

защиты от нарушений при использовании изображения гражданина. **Методы:** в рамках исследования использовались сравнительно-правовой метод, позволивший выявить различия нарушений при использовании изображения гражданина; системный подход; формально-логический метод исследования. **Результаты:** проведен анализ действующего законодательства Российской Федерации. Рассмотрены возможности использования общих положений гражданского законодательства о защите нарушенных субъективных гражданских прав, а также специальные способы защиты от нарушений при использовании изображения гражданина. Проанализированы условия, влияющие на формирование юридической конструкции механизма гражданско-правового регулирования. **Выводы:** определено, что под охраной изображения гражданина следует понимать совокупность нормативных установлений по поводу порядка, условий и способов использования изображения гражданина, а также мер по защите от нарушений. Охрану изображения гражданина обеспечивает особый механизм гражданско-правового регулирования защиты. Действие данного механизма связывается с фактом нарушения порядка, условий и способов его использования другими лицами. Состав правового механизма (юридическая конструкция) зависит от характера допущенного правонарушения. При этом с учетом фактически сложившихся обстоятельств в конкретной возникшей ситуации, требующей правового разрешения, могут быть задействованы как общие юридические средства защиты изображения гражданина (ст. 12 и 151 ГК РФ), так и специальные средства защиты (ст. 152.1 ГК РФ).

Ключевые слова: изображение гражданина, способы защиты, механизм гражданско-правового регулирования, юридическая конструкция, юридическое средство, защита гражданских прав, объекты гражданских прав, субъективное гражданское право.

Цитирование. Демин А. А. Механизм гражданско-правового регулирования действий по охране изображения гражданина // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 116–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.15>

Введение

В ст. 152.1 ГК РФ закреплены положения об охране изображения гражданина. В законе устанавливается, что без согласия гражданина не допускается обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен). Причем изображение гражданина после его смерти может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей.

В то же время устанавливается порядок и условия использования изображения гражданина. Так, закон позволяет использовать собственное изображение как самостоятельно, так и в порядке использования его другими лицами. При этом условием использования чужого изображения является получение согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных в подп. 1–3 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ.

Также важен и способ использования изображения гражданина. Каких-либо ограничений для гражданина на использование собственного изображения закон не закрепляет. Однако при использовании чужого изображе-

ния гражданина охрана связывается исключительно с действиями лица по обнародованию и дальнейшему использованию чужого изображения.

Таким образом, под охраной изображения гражданина следует понимать совокупность нормативных установлений по поводу порядка, условий и способов использования изображения гражданина, а также мер по защите от нарушений.

Соотношение понятий

«неимущественное субъективное гражданское право на изображение гражданина» и «изображение гражданина как нематериальное благо» для целей гражданско-правовой защиты

В науке гражданского права принято говорить о праве гражданина на изображение. А.Е. Шерстобитов отмечает, что анализ ст. 150 и 152.1 ГК РФ дает основания считать, что в современном российском гражданском праве право на изображение должно рассматриваться как личное право гражданина, которое представляет собой закрепленную законом возможность требовать от неопределенного круга обязанных лиц воздерживаться от

любых действий, направленных на обнародование и дальнейшее использование его изображения, а также возможность обращения в суд за защитой своего права. Содержание правомочия на неприкосновенность изображения заключается в возможности управомоченного лица требовать от любых лиц воздерживаться от обнародования и дальнейшего использования его изображения [10, с. 11].

Вместе с тем субъективное гражданское право представляет собой меру возможного поведения для управомоченного лица. Субъективное право определяет конкретный вид и меру поведения в рамках отдельно взятого гражданского правоотношения [9, с. 280]. Субъективное личное неимущественное право обеспечивает лицу возможность определенного поведения или совершения собственных действий в сфере физического благополучия, индивидуализации или автономии личности [4, с. 28] и тесно связано с личностью управомоченного [7, с. 36]. Представляется, что *субъективное личное неимущественное право гражданина на изображение следует рассматривать, как обеспеченную правом возможность использования своего изображения по своему усмотрению и в своем интересе, а также возможность распоряжения собственным изображением в виде разрешения к публикации и иного использования другими лицами.*

Также учитывая положения ст. 152.1 ГК РФ, можно прийти к выводу о том, что законодатель относит изображение гражданина к числу объектов гражданских прав в качестве нематериального блага. Нематериальные блага относятся к числу объектов гражданских прав, имеют внеэкономическую природу, неотделимы от личности и не могут участвовать в гражданском обороте. Посягательство на нематериальные блага граждан не допускается и является правонарушением.

Изображение гражданина будучи нематериальным благом, признаваемым за гражданином с рождения, охраняется как некий нематериальный объект, представляющий определенный интерес или неимущественную ценность для гражданина обладателя изображения, от публичного и свободного к нему доступа неограниченного круга лиц. При этом нарушение связывается с доступом к этому

нематериальному объекту посредством его опубликования. В п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечается, что под обнародованием изображения гражданина по аналогии с положениями ст. 1268 ГК РФ необходимо понимать осуществление действия, которое впервые делает данное изображение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа либо любым другим способом, включая размещение его в сети Интернет. В п. 2 ст. 152.1 ГК РФ указывается на возможность размещения изображения гражданина на материальных носителях и введенных в гражданский оборот. Также изображение гражданина может быть распространено в сети Интернет (п. 3 ст. 152.1 ГК РФ).

Следовательно, для целей развития гражданско-правового регулирования действий по защите изображения гражданина будем исходить из того, что положения ст. 152.1 ГК РФ об охране изображения гражданина обеспечивают защиту от посягательств как на личное неимущественное субъективное гражданское право, так и объект гражданских прав (нематериальное благо). Такой подход является оправданным ввиду того, что позволяет определить юридические средства защиты от различного рода нарушений, связанных с использованием чужого изображения гражданина.

Теоретико-правовые предпосылки функционирования механизма гражданско-правового регулирования действий по охране изображения гражданина

Действия субъектов гражданского права как в регулятивных правоотношениях, так и действия по защите подлежат правовому воздействию с целью их упорядочения. Такое упорядочение происходит благодаря функционированию механизма гражданско-правового регулирования. Механизм правового регулирования в методологическом плане позволяет ответить на вопрос, с помощью каких инструментов, средств право оказывает

регулирующее воздействие на те или иные общественные отношения [5, с. 273].

Механизм гражданско-правового регулирования функционирует посредством применения входящих в его состав правовых средств. Эти средства задействуются в зависимости от возникшей ситуации, требующей правового разрешения. При необходимости удовлетворения какой-либо жизненной (социальной) потребности используются регулятивные юридические средства. Например, нормы о приобретении права собственности при создании вещи (ст. 219 ГК РФ) или нормы о купле-продаже при приобретении вещи по договору (гл. 30 ГК РФ). При возникновении препятствий со стороны других лиц управомоченное лицо задействует необходимые охранительные (защитные) средства механизма гражданско-правового регулирования, с помощью которых происходит восстановление положение лица и обеспечивается возможность удовлетворения возникшей потребности.

Функционирование механизма гражданско-правового регулирования также связывается с юридическими фактами, и чтобы привести в действие правовой механизм, необходимо установить конкретный юридический факт, то есть конкретное жизненное обстоятельство, с которым нормы права связывают возникновение, изменение, прекращение правоотношений [1, с. 31]. Н.М. Коркунов отмечал, что юридический факт есть факт, обуславливающий применение юридических норм [6, с. 201]. Ю.С. Гамбаров также полагал, что юридический факт – это основание для последствий действия правовых норм [2]. Тем самым для функционирования механизма гражданско-правового регулирования необходимо: 1) наступление юридического факта – обстоятельства жизненной действительности и 2) наличие в объективном праве соответствующей нормы, которая определяет вид и характер типичных обстоятельств, на случай наступления которых начинает действовать правовой механизм.

Действие механизма гражданско-правового регулирования защиты изображения гражданина связывается с фактом нарушения порядка, условий и способов его использования другими лицами. В зависимости от характера допущенного нарушения складывается особый механизм гражданско-правовой защиты.

Специфика механизма гражданско-правового регулирования защиты изображения гражданина

Ранее отмечалось, что регулирование гражданских правоотношений, а также защита от нарушений обеспечиваются действием механизма гражданско-правового регулирования. Воздействие на возникшую правовую ситуацию происходит благодаря задействованию тех или иных юридических средств, применение которых зависит от складывающихся фактических обстоятельств.

Основным юридическим средством механизма является правовая норма. При этом правовой механизм конструктивен и опирается на определенную общность норм, связанных между собой характером правовой ситуации, подлежащей упорядочению. Также следует учитывать, что юридическая конструкция формируется не произвольно и не одномоментно, а «собирается» исходя из существа предмета правового воздействия [3].

Определение совокупности конкретных юридических средств механизма гражданско-правового регулирования, необходимых для упорядочения отдельной правовой ситуации, является трудной задачей. Формирование юридической конструкции под конкретную правовую ситуацию обуславливается характером и правовой природой складывающихся общественных отношений, а также иными, имеющими юридическое значение, жизненными обстоятельствами. Данное относится и к отношениям, связанным с защитой изображения гражданина.

Исходя из положений ст. 152.1 ГК РФ лицу предоставляется право на опубликование чужого изображения гражданина (способ использования изображения гражданина) в случаях: 1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах; 2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования;

3) гражданин позировал за плату. Конституционный Суд РФ относительно возможности применения данного способа использования чужого изображения отмечает, что такое допускается, поскольку имеет своей целью установление справедливого баланса между правом на неприкосновенность частной жизни, а также свободой распространения информации как одинаково значимыми правовыми ценностями (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2022 г. № 2401-О).

Использование чужого изображения в собственных целях без опубликования не признается законом в качестве правонарушения и не вызывает возможность действий по защите изображения. Выход за пределы предоставленных лицу возможностей на опубликование и дальнейшее использование чужого изображения есть нарушение условий использования изображения и приводит к нарушению субъективного личного права гражданина на изображение. Положения ст. 152.1 ГК РФ предусматривают возможность гражданина требовать изъятия из оборота и уничтожения без какой бы то ни было компенсации экземпляров материальных носителей, содержащих изображение гражданина, полученных или используемых с нарушением условий о получении согласия. Такой специфический способ защиты связан с тем, что в обороте могут участвовать определенные социальные блага [8, с. 20]. В п. 3 ст. 152.1 ГК РФ гражданин вправе требовать удаления своего изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения в сети Интернет.

В то же время представляется, что гражданин вправе использовать и иные меры защиты при нарушении его субъективного личного неимущественного права на изображение. Например, если без согласия демонстрируется его изображение на плакатах, билбордах, досках объявлений, телевидении и пр., гражданин вправе требовать пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (ст. 12 ГК РФ). В таком случае юридическая конструкция механизма гражданско-правового регулирования защиты изображения гражданина дополняется ст. 12 ГК РФ об общих способах защиты гражданских прав.

Также, если изображение гражданина используется лицом с его согласия, но при этом изменено с целью высмеивания (карикатура), заострения неприятных черт человека и т. п., то в таком случае происходит посягательство на изображение гражданина как нематериальное благо. Соответственно, гражданин вправе требовать прекращения дальнейшего использования изображения (прекращение правоотношения (ст. 12 ГК РФ)), а также возмещения компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ). В этой связи специфика механизма гражданско-правового регулирования действий по охране изображения гражданина заключается в применении норм о компенсации морального вреда.

Выводы

Таким образом, охрану изображения гражданина обеспечивает особый механизм гражданско-правового регулирования защиты. Действие данного механизма связывается с фактом нарушения порядка, условий и способов его использования другими лицами. Состав правового механизма (юридическая конструкция) зависит от характера допущенного правонарушения. При этом с учетом фактически сложившихся обстоятельств в конкретной возникшей ситуации, требующей правового разрешения, могут быть задействованы как общие юридические средства защиты изображения гражданина (ст. 12 и 151 ГК РФ), так и специальные средства защиты (ст. 152.1 ГК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин, А. Е. Юридические факты-события в российском праве: общетеоретический анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Воронин Алексей Евгеньевич. – Владимир, 2008. – 191 с.
2. Гамбаров, Ю. С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 816 с.
3. Демин, А. А. О юридических конструкциях и механизме гражданско-правового регулирования / А. А. Демин // Гражданское право. – 2020. – № 3. – С. 26–29.
4. Дробышевская, Т. В. Личные неимущественные права граждан и их гражданско-правовая

защита / Т. В. Дробышевская. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 2001. – 131 с.

5. Карелина, С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности / С. А. Карелина. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.

6. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 430 с.

7. Малеина, М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М. Н. Малеина. – М. : МЗ Пресс, 2000. – 244 с.

8. Объекты гражданского оборота : учебник / под ред. Т. В. Дерюгиной, Л. А. Чеговадзе. – М. : Проспект, 2023. – 296 с.

9. Чеговадзе, Л. А. Действия по реализации гражданского права в форме использования / Л. А. Чеговадзе, Т. В. Дерюгина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – Вып. 2 (56). – С. 268–280.

10. Шерстобитов, А. Е. Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина / А. Е. Шерстобитов // Гражданское право. – 2023. – № 2. – С. 8–13.

3. Demin A.A. O yuridicheskikh konstrukciyah i mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya [On Legal Structures and the Mechanism of Civil Law Regulation]. *Grazhdanskoe pravo*, 2020, no. 3, pp. 26-29.

4. Drobyshevskaya T.V. *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan i ih grazhdansko-pravovaya zashchita* [Personal Non-Property Rights of Citizens and Their Civil Legal Protection]. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 2001. 131 p.

5. Karelina S.A. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otnoshenij nesostoyatelnosti* [Mechanism of Legal Regulation of Insolvency Relations]. Moscow, Volters Kluver, 2008. 568 p.

6. Korkunov N.M. *Lekcii po obshchej teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Saint Petersburg, Yurid. centr Press, 2003. 430 p.

7. Maleina M.N. *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita* [Personal Non-Property Rights of Citizens: Concept, Exercise, and Protection]. Moscow, MZ Press, 2000. 244 p.

8. Deryugina T.V., Chegovadze L.A., eds. *Obyekty grazhdanskogo oborota: uchebnik* [Objects of Civil Turnover. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 296 p.

9. Chegovadze L.A., Deryugina T.V. *Dejstviya po realizacii grazhdanskogo prava v forme ispolzovaniya* [Actions to Implement Civil Law in the Form of Use]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2022, iss. 2 (56), pp. 268-280.

10. Sherstobitov A.E. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie prava na chest, dostoinstvo i delovuyu reputaciyu i prava na izobrazhenie grazhdanina* [Civil Law Regulation of the Right to Honor, Dignity and Business Reputation and the Right to Image of a Citizen]. *Grazhdanskoe pravo*, 2023, no. 2, pp. 8-13.

REFERENCES

1. Voronin A.E. *Yuridicheskie fakty-sobytiya v rossijskom prave: obshcheteoreticheskij analiz: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01* [Legal Facts-Events in Russian Law: General Theoretical Analysis. Cand. jurid. sci. diss. 12.00.01]. Vladimir, 2008. 191 p.

2. Gambarov Yu.S., Tomsinov V.A., ed. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast* [Civil Law. General Part]. Moscow, Zercalo Publ., 2003. 816 p.

Information About the Author

Alexey A. Demin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation, demin-aa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2450-8776>

Информация об авторе

Алексей Александрович Демин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, demin-aa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2450-8776>

www.volsu.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.16>

UDC 343.9

LBC 67.404

Submitted: 31.03.2024

Accepted: 20.04.2024

THE CLASSIFICATION OF TYPES OF SEXUAL SERVICES PROVIDED ON A PAID-FOR BASIS AND THEIR POTENTIAL CRIMINOLOGICAL RISKS

Ivan N. Arkhiptsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction: sexual services provided on a paid-for basis are an ever-expanding phenomenon that can be observed in various forms around the world, which indicates the globality of this problem. Sexual acts committed with the involvement of minors are usually accompanied by psychological effects, both on the side of providing such services and on the consumer, which leads to the formation of unhealthy sexual attitudes, needs, and desires. The **purpose** of the study is to provide criminological characteristics of the sexual services provided, their systematization and typologization of the modern sex industry as a social phenomenon and its criminological consequences, to gain new knowledge about this phenomenon, and to develop proposals for changing current legislation. Research **methods:** to collect, process, generalize, analyze, and interpret empirical material, the authors have used the special formal logical method, the general scientific methods such as comparison and description, and the general logical methods such as analysis, synthesis, induction, deduction, etc. As a **result** of the study, an extensive description of the types of sexual services that are rendered on a reimbursable basis is presented, and the criminological risks of widespread and uncontrolled consumption of sexual services are identified, including the involvement of minors, based on the results of which the authors have proposed changes to the current legislation.

Key words: sexual services, sexting, webcamming, criminological risks, minors.

Citation. Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V. The Classification of Types of Sexual Services Provided on a Paid-For Basis and Their Potential Criminological Risks. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 122-130. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.16>

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ СЕКСУАЛЬНЫХ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ НА МАТЕРИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ, И ИХ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Александр Викторович Сарычев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Введение: сексуальные услуги, осуществляемые на материальной основе, представляют собой постоянно расширяющийся феномен, который в различных формах можно наблюдать по всему миру, что свидетельствует о глобальности данной проблемы. Сексуальные деяния, совершаемые с участием несовершеннолетних, как правило, сопровождаются психологическим воздействием как на сторону оказания подобных услуг, так и на потребителя, что приводит к формированию нездоровых сексуальных взглядов, потребностей и желаний. **Целью исследования** является криминологическая характеристика оказываемых сексуальных услуг, их систематизация и типологизация современной сексуальной индустрии как социального явления, выявление ее криминологических последствий, получение нового знания об этом феномене; разработка предложений по изменению действующего законодательства. **Методы исследования:** для сбора, обработки, обобщения, анализа и интерпретации эмпирического материала применены специальный формально-логический метод, общенаучные методы сравнения и описания, а также общелогические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция и др. **В результате исследования** представлена обширная характеристика видов сексуальных услуг, которые совершаются на возмездной основе, обозначены криминологические риски широкого распространения и неконтролируемого потребления сексуальных услуг, в том числе там, где участвуют несовершеннолетние, по результатам чего авторами предложены изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: сексуальные услуги, секстинг, вэбкаминг, криминологические риски, несовершеннолетние.

Цитирование. Архипцев И. Н., Сарычев А. В. Классификация видов сексуальных услуг, предоставляемых на материальной основе, и их потенциальные криминологические риски // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 122–130. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.16>

Введение

Если утверждать, что поход по магазинам, работа, потребление пищи и половое удовлетворение являются основными социальными пристрастиями современного человека, то секс с использованием информационных технологий и телекоммуникации можно считать одной из самых быстроразвивающихся привязанностей. В настоящее время данная сфера жизнедеятельности человека очень активно развивается, появляются все новые способы удовлетворения человеком своих сексуальных потребностей,

в том числе с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий, а также технологий, основанных на искусственном интеллекте. Сдвиг общественных и моральных ценностей, который мы сейчас наблюдаем, должен быть глубоко и всесторонне проанализирован социологами, психологами, криминологами с целью оценки как положительных, так и негативных сторон данного явления. Вместе с тем неконтролируемое развитие рынка сексуальных услуг таит в себе серьезные последствия, в том числе правового и криминологического значения.

Виды сексуальных услуг, предоставляемых на материальной основе

1. *Секс по телефону*. Данный вид сексуальных услуг «часто сводится к платной индивидуальной услуге сексуального характера, не квалифицирующейся как проституция» [3]. Появилась такая услуга во второй половине XX в. в связи с широким распространением телефонов. До появления сети Интернет указанные деяния являлись единственным способом осуществления не прямых интерактивных интимных услуг. Чаще всего секс по телефону применяется между людьми, находящимися на значительном расстоянии друг от друга, для удовлетворения появившихся потребностей, а также для того, чтобы разнообразить интимную жизнь партнеров. Это могут быть как знакомые лица, состоящие в реальных отношениях, так и неизвестные друг другу абоненты, связавшиеся только ради получения удовлетворения от процесса. И если при близких взаимоотношениях все понятно – пара ищет способ сблизиться сильнее, ею движет стремление «освежить отношения», получить новые ощущения, но не имеет возможности реализовать настоящее свидание и т. д., то при общении незнакомцев данная услуга предоставляется, во-первых, за определенную плату, например 10 рублей за минуту; во-вторых, для того, чтобы без особых усилий притупить физиологическую потребность; в-третьих, с целью обучения и получения новых знаний в данной сфере.

Так, более 80 % абонентов – мужчины, а на обратном конце «провода», соответственно, находятся девушки. Однако на основании опроса тех граждан, кто имел опыт в данной сфере сексуальных услуг, было выявлено, что далеко не все получали настоящее удовольствие от такого телефонного «разговора». Основными причинами явились неполнота картины и, как следствие, невозможность полноценного возбуждения, отсутствие каких-либо чувств и скупость эмоций в процессе, в то время как «немалый процент участников эксперимента высказался в пользу секса по телефону, при условии что они разговаривают со своими любимыми половинками» [10].

На сегодняшний день данную услугу с рынка сексуальной индустрии вытеснили более наглядные виртуальные деяния, в связи с чем секс по телефону не пользуется большим спросом, постепенно сходя на нет.

2. *Секстинг*. Данная услуга представляет собой пересылку между контактами сообщений, видео и фото интимного содержания с целью одностороннего или двустороннего удовлетворения путем самостоятельной мастурбации на получаемые материалы. Люди могут быть знакомы заранее и осуществлять данную переписку для того, чтобы поддерживать интерес и страсть в отношениях, однако имеет место быть и факт секстинга между двумя совершенно незнакомыми людьми.

Как показывает практика, на обратном конце за фотографией симпатичной девушки может на самом деле скрываться какая-либо другая личность. Каждое сообщение клиента в подобном чате платное, поэтому суть подобных «агентств» сводится к одному – заинтересовать пользователя, заставить его писать как можно больше сообщений. В данном случае так как секстинг подразумевает отправку фото-, видеоматериалов, следует обозначить пробел в отечественном законодательстве в сфере незаконного оборота и распространения порнографических материалов, особенно если один из участников переписки несовершеннолетний, а именно: попадает ли фото и видео подобного формата под понятие порнографических материалов и могут ли участники данного рода переписки быть привлечены к ответственности? На основании этого заслуживает внимания актуальное нововведение об обязательной регистрации новых пользователей мессенджеров и социальных сетей, используемых на основе российской платформы, только по паспортным данным. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» было подписано 20 октября 2021 г., сроки реализации установлены до 1 марта 2028 г. [8]. Вполне вероятно, что одной из целей принятия данного проекта явилось уменьшение развращения детей и подростков посредством неосторожных поисковых запросов, ограждение их

от нежелательных переписок, недопущение распространения фото и видео интимного характера и др.

Необходимо обратить внимание на данные Европейской комиссии ЕС, которые свидетельствуют о следующем: из числа детей, пользующихся интернетом, более 44 % сталкиваются с порнографическими и иными непристойными материалами, 40 % – со случаями онлайн-обращений к ним людей, просивших о личной с ними встрече, причем 14 % из числа этих детей действительно пытаются откликнуться на подобные просьбы. Согласно исследованию, проведенному при поддержке Всемирного фонда детей в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе России, около 40 % опрошенных юношей и 30 % несовершеннолетних женского пола заявили, что смотрели порнографические материалы, из них 9,1 % юношей и 5,4 % девушек не отрицали возможности участия в порносъёмках [4].

3. *Вебкаминг*. Представляет собой позирирование вебкам-моделью перед онлайн-аудиторией или конфиденциально перед определенным клиентом в одежде или определенной позе, в том числе и без одежды и ее элементов, а также мастурбацию. Оплата данной услуги чаще всего поминутная, однако встречаются и другие тарифы (например, от 2 до 5 \$ США за минуту) в зависимости от желаний и условий клиента. «Основные цели вебкам-бизнеса: дать людям возможность свободно общаться с симпатичными им моделями посредством видеочата, где они могут пофлиртовать, побеседовать и приятно провести время друг с другом; обеспечить моделей прибыльной и интересной работой, которая более безопасна и этична по сравнению с проституцией и эскорт-услугами» [2]. Как и в предыдущих видах сексуальных услуг, вебкаминг наиболее пользуется спросом между незнакомыми людьми, в связи с чем сервисы, предоставляющие площадки для коммуникации и реализации, гарантируют конфиденциальность участников. Конечно же, впоследствии лица могут обмениваться контактными данными, однако это не приветствуется. По запросу клиента девушка (чаще всего) производит онлайн-трансляцию его желаний, это могут быть эротические движения, мастурбация, обнажение определенных частей

тела, имитация полового акта с каким-либо предметом и другие, более извращенные фантазии. Онлайн-соединение предоставляется на приватной основе, то есть никто, кроме данных двух пользователей, не имеет доступа к «комнате». Сам клиент в момент наблюдения за моделью испытывает как минимум физиологическое удовольствие, не исключая психологического удовлетворения.

4. *Стрим / стриминг* (от англ. stream – поток) представляет собой онлайн-трансляцию, которая обычно осуществляется на определенных интернет-площадках или сервисах. Чаще всего используется для оказания сексуальных услуг, хотя возможны и иные варианты. Например, стримы пользуются популярностью у участников онлайн-игр. Основным отличием от вебкаминга является наличие своей валюты в форме донатов – денежных переводов от клиентов, своего рода подарок или пожертвование от них; донаты начисляются на счет ведущего стрим. Стримеры (те, кто ведут трансляцию) могут устанавливать определенные лимиты наименьшей суммы зачисления, а также конкретные цели, которые они реализуют, если наберется достаточная сумма. Кроме того, в условиях современного развития телекоммуникационных технологий все чаще встречаются специальные секс-аппараты, подключенные к стриму, которые в зависимости от количества и суммы присылаемых «донатов» увеличивают или уменьшают воздействие на непосредственного пользователя (например, фаллоимитатор, меняющий интенсивность проникновения в модель с учетом финансовой ставки «донатов»). При этом стрим не является персональным каналом трансляции, к нему могут подключаться все желающие, зарегистрированные на платформе.

Подобного рода услуги наиболее распространены среди подростков и молодых людей, часто пребывающих на сервисах онлайн-трансляций, в связи с чем видится угроза психологического воздействия сексуального характера на лицо, не установившееся как личность, в том числе и в половом плане. Стриминг сексуальных услуг деморализует представление детей и подростков о сексе, физиологическом удовольствии, негативно влияет на половую конституцию и сексуальное воспитание. К данной услуге имеет отношение также

вопрос, названный выше: является ли предоставление подобного рода услуг порнографией и есть ли необходимость вводить как минимум определенные запреты для пользователей (возрастные ограничения, запрет трансляции сексуальных услуг) и ответственность за их нарушение? В настоящее время обозначенная проблема является пробелом отечественного законодательства.

5. *Киберсекс*. В настоящее время многие компании – производители игр добавляют сексуальные элементы в свои игры. Как утверждает Франсиско Алонсо-Фернандес – президент Европейского общества социальной психологии и заведующий кафедрой мадридского Университета Комплутенсе, «примерно 7 % пользователей интернета пристрастились к киберсексу, то есть – более 12 миллионов человек во всем мире» [7]. В данном случае материальная составляющая предоставляемой услуги выражается в том, что игра как в целом может быть платной, так и требует постоянного вложения дополнительных средств для продолжения и развития сюжета. На сегодняшний день формат компьютерных игр настолько разнообразен, что пользователь ПК может претворять все свои фантазии в цифровом формате, что, по нашему мнению, и затягивает людей. Для еще молодого парня, достигшего уровня полового созревания и заинтересованного в компьютерных играх, киберсекс выступает наилучшим и наиболее простым способом физического удовлетворения, так как совмещает в себе две актуальные темы: секс и игры. Однако данный аспект относится не только к пользователям подросткового возраста, но и к зрелым, сформировавшимся людям. Во всяком случае хорошего в таком увлечении мало: с одной стороны, у молодых ребят развращается сексуальная фантазия и формируется нездоровое понимание интимной близости (например, желание иметь половой контакт только с феями, фантазии о групповом изнасиловании, за которое не будет ответственности, и др.), с другой – достаточно взрослые игроки отстраняются от близких, теряют чувство ответственности перед партнером. «Алонсо-Фернандес уточняет, что 50 % любителей виртуального секса, имеющих постоянного партнера в реальной сексуальной жизни, со временем на-

чинают утрачивать всякий интерес к партнеру и разрывают отношения» [7]. Пользователи настолько сильно погружаются в кибермир, что теряют связь с реальностью и интерес к настоящей жизни.

Необходимо обозначить тот факт, что зачастую киберсексу приписывают мастурбацию на порнофильмы, переписку с эротическим контентом и содержанием, чтение сексуальных текстов. Однако это ошибочное сравнение, так как слово «cyber» с древнегреческого дословно переводится как «искусство управлять», то есть управление определенными персонажами и объектами посредством использования ЭВМ, ПК, кибернетической машины, приставки и др.

6. *Теледильдоника* – это приспособление для сексуального удовлетворения (секс-игрушка), которое регулируется дистанционно, достаточно скачать на ПК или телефон приложение, и они превратятся в пульт управления. Игрушки, используемые в теледильдонике, не ограничиваются фантазиями, в связи с чем набрали популярность среди любителей извращенных сексуальных деяний. За определенную сумму клиент получает дистанционный доступ к предмету и телу исполнителя, он может предписывать выполнение конкретных действий, регулировать интенсивность работы игрушки, формат пользования ею. При этом чем выше цена за услугу, тем более жестоко и аморально ведут себя пользователи. Осуществляться она может на различных платформах сети Интернет, быть приватной и общедоступной (по желанию клиента), конфиденциальной или открытой, онлайн-трансляцией или сохраненным видео, – как говорится, любой каприз за ваши деньги. Теледильдоника также имеет место быть в парах, вынужденно находящихся на расстоянии или у тех, кто хочет добавить «искры» в отношения (например, при прогулке или на свидании в ресторане девушка располагает внутри себя маленький вибратор, а ее молодой человек управляет им с помощью телефона или пульта). Парная система гаджетов для теледильдоники подарит ощущения, сравнимые с реальным сексом.

Данный вид сексуальных услуг приобрел большую популярность в обществе в связи с изоляционными ограничениями. Стоит отметить, что разновидностью теледильдоники яв-

ляется кибердильдоника. Она реализуется при совместном использовании секс-игрушки и определенного видеосюжета, воздействуя на гениталии пользователя сообразно происходящему на экране, и управляется при этом другим пользователем или искусственным интеллектом.

7. *Эротические танцы* [5]. В современном обществе данную услугу предоставляют равносильно как женщины, так и мужчины, причем одежда на исполнителях часто либо минимальна, либо костюмировано-формальна, может постепенно уменьшаться или полностью устраняться с тела. Осуществляется за определенную материальную плату, размеры которой обговариваются заранее, исходя из пожеланий клиента. Эротические танцы в большинстве своем пользуются спросом в реальной жизни, нежели посредством интернет-связи, однако данные услуги есть и в таком формате. Подобные сексуальные услуги скорее относятся к деяниям развлекательного типа, нежели к аморальным, похотливым или юридически наказуемым (за исключением привлечения к подобным танцам несовершеннолетних детей), так как не подразумевают никаких развратных действий, а только лишь демонстрируют красоту человеческого тела. Кроме того, танцовщицу (танцора) зачастую нельзя даже трогать, а тем более приставать, целовать и др.

8. *Эротический массаж*. Данная услуга, предоставляемая за определенную плату, осуществляется с целью расслабления, возбуждения, стимуляции лица. Эротический массаж, в отличие от перечисленных выше услуг, осуществляется только при реальном контакте. Если говорить о подобном массаже между людьми, состоящими в отношениях, то его используют с целью подведения партнера к половому акту или просто для того, чтобы сделать ему приятно, выполняется на любительском уровне без глубоких знаний. Если же данную услугу оказывает профессиональный массажист, то он применяет особые поглаживающие, растирающие, зигзагообразные движения руками, в основном подушечками пальцев, в комбинации с нежными и ласковыми приемами. При эротическом массаже нередко используют перья, лед, бусины, шарики, колечки и другие предметы. Эротический массаж делится на следующие подвиды:

– боди-массаж – воздействие направлено на все тело: от кончиков пальцев ног до макушки головы, где особое внимание уделяется эрогенным зонам и гениталиям; может выполняться не только руками, но и иными частями тела;

– аквапенный массаж – представляет собой массаж в воде с добавлением соли и пены, где расслабление достигается посредством скольжения и трения тел друг о друга;

– тантрический массаж – подразумевает массаж гениталий и уделение внимания эрогенным зонам, выполняется полностью обнаженным мастером в специальной обстановке;

– аквагелевый массаж – производится под душем исключительно мастерами-девушками, так как выполняется грудью и ягодицами с использованием геля для скольжения;

– массаж «ветка сакуры» – включает в себя аккуратное покусывание, посасывание отдельных элементов и частей тела, прикосновение к ним языком и губами.

Данный перечень неисчерпаем, многое зависит от умения мастера и пожеланий клиента. Заслуживает внимания уточнение, что в зависимости от принятых условий осуществления сеанса эротический массаж может способствовать дальнейшему половому акту (например, в европейских странах некоторые салоны предлагают «продолжение услуги» за дополнительную плату, а в Эстонии и Японии данное деяние является наказуемым).

9. *Вуайеризм*. Под вуайеризмом понимают психологическое расстройство, связанное со скрытым наблюдением за нагими людьми или чужим половым актом. Однако в связи с тем, что данная проблема имеет место быть, появились и услуги, предоставляемые гражданам с подобными увлечениями за финансовую плату. Это может быть специальная установка видеокамеры или «окошка» в бане, душевой, раздевалке, спальне и иных местах, где люди обнажаются и расслабляются, причем они должны знать, что их снимают или за ними наблюдают. Если человек следит за кем-то негласно, то это является прямым нарушением прав и вторжением в частную жизнь, тогда как создатели «скрытых» материалов предупреждают участников, что они будут увидены или сняты. Вуайеристы испытывают половое возбуждение именно при тайном подглядыва-

нии за кем-то, причем для некоторых риск быть разоблаченными только усиливает остроту переживаний. Предоставление легальных услуг по «подглядыванию» и «подсматриванию» является альтернативой незаконному вмешательству в личную жизнь.

Предложения по изменению российского законодательства

Таким образом, анализ и детальное изучение наиболее распространенных видов сексуальных услуг, предоставляемых на материальной основе, позволяют сделать вывод о том, что сексуальные вкусы, аспекты полового влечения, эротические фантазии у каждого человека индивидуальны, а желание удовлетворить физиологические и психологические потребности провоцирует появление таких сфер и услуг, которые могут их предоставить. К сожалению, на данный момент отсутствует уголовно-правовая регламентация, связанная с удовлетворением сексуальных потребностей посредством использования технологии виртуальной или дополненной реальности, а также создания секс-кукол, явно визуально относящихся к несовершеннолетним, для удовлетворения своих извращенных сексуальных девиаций.

Неразрешенным на данный момент остается вопрос законности предоставления некоторых услуг, подразумевающих создание и распространение порнографического материала. И что наиболее важно – вопрос допуска детей и подростков к оказанию, участию в оказании, просмотру и потреблению подобного вида услуг. Указанный момент требует детального рассмотрения и разрешения с целью совершенствования отечественного законодательства и недопущения совершения противоправных деяний.

В настоящее время существует серьезная проблема, связанная с участием несовершеннолетних в создании и распространении незаконного порнографического контента в сети Интернет. Так, никто сейчас не гарантирует, что на онлайн-платформах, например таких, как OnlyFans, соблюдаются требования по возрасту его участников. Не говоря уже о закрытых чатах и ресурсах в сети «Даркнет». Так, по справедливому утверждению

И.С. Алихаджиевой, сейчас наблюдается «возрастание показателей латентности преступлений и индивидуальной виктимности участников онлайн-секс-досуга. По свидетельству членов закрытого сообщества вебкаминга, многие виртуальные модели после работы в Интернете становятся наркоманками или уходят в офлайн-проституцию» [1, с. 170]. Поэтому точного количества вовлекаемых несовершеннолетних в оказание сексуальных услуг, наверное, не скажет никто, в первую очередь те, кто занимается в теории и на практике данной проблемой. По верному утверждению Е.Н. Куриловой, «фактором низкой выявляемости преступлений, возбужденных по ст. 240¹ УК РФ, является добровольность предоставления сексуальных услуг несовершеннолетнего за денежное или любое другое вознаграждение потерпевшего или третьего лица либо обещания его получения. Указанная добровольность является обязательным признаком действия потерпевшего, предусмотренного ст. 240¹ УК РФ. На основании этого сокрытие информации о деянии потерпевшим и виновным приближает латентность получения сексуальных услуг к 100 %» [6, с. 10]. В.С. Соловьев указывает, что «число реальных фактов вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией за последние пять лет на территории Центрального федерального округа не менее чем в 15,9 раз превышает число зарегистрированных» [9, с. 8].

В связи с этим предлагаем с целью предупреждения и повышения уголовной ответственности за деяния, связанные с получением от несовершеннолетнего сексуальных услуг, расширить примечание к ст. 240¹ УК РФ и отнести к сексуальным услугам, в том числе, действия, не предполагающие сексуального взаимодействия виновного и потерпевшего лица (то есть не связанные с проникновением в естественные полости тела потерпевшего и (или) виновного лица, а равно не связанные с непосредственным воздействием на половые органы потерпевшего и (или) виновного лица), например: эротический массаж, стриптиз, секстинг и аналогичные им. При этом к уголовной ответственности привлекать лиц, организовавших получение такого рода услуг (со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ), а получателей освобождать от уголовной ответ-

ственности в случае добровольного сообщения о предложении такого вида услуг, где фигурируют несовершеннолетние (также указан это в примечании к ст. 240¹ УК РФ). Представляется, что данные изменения позволят более эффективно защитить права несовершеннолетних от противоправных посягательств на их здоровье и нравственное воспитание.

Следующий аспект связан с тем, что в Российской Федерации фактически рассматриваемый «бизнес» по оказанию сексуальных услуг взрослыми в правовом плане ничем не регламентирован, как и никаким образом не защищаются права таких вебкам-моделей, являющихся по сути виктимно уязвимой категорией, которая легко может стать жертвой насилия, в случае если ее найдет злоумышленник в реальной жизни (к сожалению, как и везде, маньяков и в целом лиц с сексуальными отклонениями у нас в стране хватает). Поэтому видится, что государству следует вывести данную сферу из серой зоны, предусмотрев в ней определенные правила, исключив, безусловно, действия порнографического характера со стороны исполнителей. С одной стороны, это позволит осуществлять за ней хоть какой-то контроль, в том числе пресекать случаи использования несовершеннолетних для оказания сексуальных услуг и привлечения в целях изготовления порнографической продукции, получать налоги в бюджет от такой деятельности, а с другой – защитить интересы вебкам-моделей от преступных посягательств. Для осуществления контроля за этой сферой человеческой деятельности в информационно-телекоммуникационных сетях следует создать контрольно-надзорный орган (назовем его условно «киберполиция»), который бы выполнял разрешительные, контролирующие и мониторинговые функции, а в случае выявления признаков преступлений передавал бы информацию соответствующим правоохранительным органам для принятия процессуальных решений.

Заключение

Как показывает анализ текущей исторической ситуации, человек все больше и больше в будущем будет погружаться в виртуальную среду. Не реагировать и закрывать глаза на происходящие в обществе изменения – это

крайне опасная ситуация, грозящая в дальнейшем серьезными последствиями.

Полагаем, что научное осмысление исследования и предупреждения сексуальных деяний, совершаемых в виде сексуальных услуг, осуществляемых на материальной основе, может быть продолжено. В частности, перспективной представляется доктринальная разработка вопросов исправления лиц, психологически зависимых от нездоровой реализации своих физиологических половых потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алихаджиева, И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках / И. С. Алихаджиева // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 160–173.
2. Бандосы девчонкам угрожают, что сольют их эфиры: красноярец рассказал о подводных камнях местного вебкам-бизнеса. – URL: <https://ngs24.ru/text/job/2024/01/18/73111610/>
3. Бидзян, Д. Р. Ключевые составляющие секс-рынка и их конкретизация / Д. Р. Бидзян // Материалы XIX Отчет. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава. – 2016. – № 7 (24). – С. 32.
4. Вероятная оценка – Европейская комиссия. Программа «СейферИнтернетПлюс». – URL: http://europa.eu/int/information/society/programmes/iap/index_en.htm
5. История стриптиза: от канкана до бурлеска. – URL: <https://www.woman.ru/rest/istoriya-striptiza-ot-kankana-do-burleska-id283118/>
6. Курилова, Е. Н. Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, занимающихся проституцией: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Курилова Елена Николаевна. – СПб., 2017. – 187 с.
7. Майка Санчес. Киберсекс – наркотик нового поколения / Майка Санчес. – URL: <https://inosmi.ru/untitled/20020911/158037.html>
8. Постановление Правительства РФ от 20.10.2021 № 1801 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398846/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/
9. Соловьев, В. С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией: по материалам Центрального федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Соловьев Владислав Сергеевич. – М., 2013. – 22 с.

10. Чумичова, Е. В. Секс по телефону: быть или не быть? / Е. В. Чумичова. – URL: <https://www.shkolazhizni.ru>

REFERENCES

1. Alikhadzheva I.S. O novykh tendentsiiakh sovremennoi seks-industrii i ee kriminologicheskikh riskakh [About New Trends in the Modern Sex Industry and Its Criminological Risks]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Current Problems of Russian Law], 2021, vol. 16, no. 4, pp. 160-173.

2. *Bandosy devchonkam ugrozhaiut, chto soliut ikh efiry: krasnoiarets rasskazal o podvodnykh kamniakh mestnogo vebkam-biznesa* [Bandos Threaten Girls with Leaking Their Broadcasts: A Krasnoyarsk Resident Spoke About the Pitfalls of the Local Webcam Business]. URL: <https://ngs24.ru/text/job/2024/01/18/73111610/>

3. Bidzian D.R. Kliuchevye sostavliaiushchie seks-rynka i ikh konkretizatsiia [The Key Components of the Sex Market and Their Specification]. *Materialy XIX Otchet. nauch.-prakt. konf. professorsko-prepodavatelskogo sostava* [Materials of the 19th Reporting Scientific and Practical Conference of the Teaching Staff], 2016, no. 7 (24), p. 32.

4. *Veroiatnaia otsenka – Evropeiskaia komissii. Programma «SeiferInternetPlus»* [The Likely Assessment – The European Commission. The Saferinternetplus Program]. URL: http://europa.eu/int/information_society/programmes/iap/index_en.htm

5. *Istoriia striptiza: ot kankana do burleska* [The History of Striptease: From Cancan to Burlesque].

URL: <https://www.woman.ru/rest/istoriya-striptiza-ot-kankana-do-burleska-id283118/>

6. Kurilova E.N. *Seksualnaia ekspluatatsiia nesovershennoletnikh, zanimaiushchikhsia prostitutsiei: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Sexual Exploitation of Minors Engaged in Prostitution: Criminal Law and Criminological Aspects. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2017. 187 p.

7. Mayka Sanchez. *Kiberseks – narkotik novogo pokoleniia* [Cybersex Is a New Generation Drug]. URL: <https://inosmi.ru/untitled/20020911/158037.html>

8. *Postanovleniia Pravitelstva RF ot 20.10.2021 № 1801 «Ob utverzhdenii Pravil identifikatsii polzovatelei informatsionno-telekommunikatsionnoi seti “Internet” organizatorom servisa obmena mgnovennymi soobshcheniiami»* [On Approval of the Rules for Identifying Users of the Internet Information and Telecommunications Network by the Organizer of the Instant Messaging Service: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1801 Dated October 20, 2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398846/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

9. Solovev V.S. *Preduprezhdenie vovlecheniia nesovershennoletnikh v zaniatie prostitutsiei: po materialam Tsentralnogo federalnogo okruga: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Prevention of the Involvement of Minors in Prostitution: Based on the Materials of the Central Federal District. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2013. 22 p.

10. Chumichova E.V. *Seks po telefonu: byt ili ne byt?* [Phone Sex: To Be or Not To Be?]. URL: <https://www.shkolazhizni.ru>

Information About the Authors

Ivan N. Arkhiptsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Alexander V. Sarychev, Deputy Head of the Course, Faculty of Law Enforcement, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Информация об авторе

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Александр Викторович Сарычев, заместитель начальника курса, факультета правоохранительной деятельности, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.17>

UDC 343.98
LBC 67.52

Submitted: 26.03.2024
Accepted: 30.04.2024

CRIMINALISTIC PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY USING THE INTERNET

Anna G. Bogomolova

Tula State University, Tula, Russian Federation

Introduction: currently, the level of development and accessibility of the Internet leads to changes in the ways of obtaining information and communication among the public, displacing traditional mass media. The majority of minors are active Internet users, wherefore, the author sets the **goal** of researching internet usage as an effective non-procedural tactical-criminalistic means of preventing juvenile delinquency. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, including such main ones as the methods of consistency, analysis and comparative law. **Results:** the author's position justified in the work is based on the legislation and the opinions of the competent scientific community on the use of modern information and communication technologies for the purpose of criminalistic prevention of juvenile delinquency. **Conclusions:** as a result of the study, the role of the Internet in the lives of minors was revealed, forensic tools and tactical-forensic recommendations for conducting preventive activities for minors by the investigator (inquirer) were proposed.

Key words: criminalistic prevention (prevention) of crimes, preliminary investigation bodies, minors, Internet, preventive measures.

Citation. Bogomolova A.G. Criminalistic Prevention of Juvenile Delinquency Using the Internet. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 131-135. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.17>

УДК 343.98
ББК 67.52

Дата поступления статьи: 26.03.2024
Дата принятия статьи: 30.04.2024

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Анна Геннадьевна Богомолова

Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация

Введение: в настоящее время уровень развития и доступности сети Интернет влечет за собой изменения в способах получения информации, коммуникации среди общественности, вытесняя традиционные средства массовой информации. Большинство несовершеннолетних являются активными пользователями сети Интернет, в связи с чем автором поставлена **цель** – исследования вопросов использования интернет-ресурсов в качестве эффективного непроцессуального тактико-криминалистического средства предупреждения преступности несовершеннолетних. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на законодательство и мнения компетентной научной среды по вопросу использования современных информационно-коммуникационных технологий в целях криминалистического предупреждения преступности несовершеннолетних. **Выводы:** в результате исследования выявлена роль сети Интернет в жизни несовершеннолетних, предложены криминалистические средства и тактико-криминалистические рекомендации по проведению следователем (дознавателем) профилактических мероприятий в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика (предупреждение) преступлений, органы предварительного расследования, несовершеннолетние, сеть Интернет, профилактические мероприятия.

Цитирование. Богомолова А. Г. Криминалистическое предупреждение преступности несовершеннолетних с использованием сети Интернет // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 131–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.17>

Введение

В условиях развития информационного общества, распространения использования сети Интернет, мобильных средств связи открываются безграничные возможности онлайн-пространства, что влечет потенциальные риски и угрозы для несовершеннолетних лиц в силу их возраста.

Согласно исследованиям, 65 % российских подростков в возрасте от 14 до 17 лет проводят свое свободное время общаясь в соцсетях. Около трети подростков проводят в сети Интернет от 3 до 5 часов в день, немногим меньше подростки, которые более 7 часов в день находятся онлайн. При этом общение, прослушивание музыки, просмотр видеоконтента, поиск необходимой информации и онлайн-игры являются основными способами проведения времени в сети Интернет [7].

Данные показывают, что времяпрепровождение в информационной сети является неотъемлемой частью жизни несовершеннолетних. Следует констатировать, что сеть Интернет имеет противоречивую сущность. Так, с одной стороны, киберпространство открывает доступ к безграничному объему информации как источнику знаний, способу коммуникации, развлечениям, с другой – при злоупотреблении способно оказывать неблагоприятное воздействие на психику, формировать антисоциальное поведение.

С использованием интернет-пространства несовершеннолетние могут быть вовлечены в политические, социальные конфликты, выражающиеся в массовых беспорядках; экстремистскую и террористическую деятельность; подвержены посягательствам на половую неприкосновенность; доведению до самоубийства; кибербуллингу и др.

В этой связи использование сети Интернет должно быть одним из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности несовершеннолетних. Активное использование информационных технологий среди несовершеннолетних лиц позволяет задействовать данный ресурс в информационно-разъяснительной работе в целях повышения уровня правовой грамотности несовершеннолетних, формирования законопослушного поведения и предупреждения преступности.

Основное содержание

Профилактическая работа в отношении несовершеннолетних базируется на общих положениях, характерных для предупреждения преступности в целом, однако в таких мероприятиях могут быть задействованы несколько иные субъекты – участники профилактической деятельности. В науке, как правило, выделяют общие и специальные субъекты профилактики преступности несовершеннолетних. При этом важную роль ученые отводят деятельности органов предварительного следствия и органов внутренних дел [1–4; 6; 8]. В данном случае стоит говорить о профилактике преступлений с точки зрения нейтрализации и устранения причин и условий, сопутствующих реализации преступной деятельности [6]. Лицо, осуществляющее расследование, выезжает на место преступления и в полной мере обладает доказательственной и вспомогательной информацией об обстоятельствах совершенного преступления, о личности преступника, чем обусловлена значительная роль следователя в ходе его профилактической деятельности. Следователь (дознаватель) может осуществлять профилактическую деятельность как в процессуальной (проведение следственных и иных процессуальных действий с последующим внесением представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления), так и в непроцессуальной форме.

Профилактика преступности несовершеннолетних в непроцессуальной форме осуществляется с помощью тактико-криминалистических средств, к которым относится использование органами предварительного расследования сети Интернет.

Целью профилактических мероприятий, проводимых следователем (дознавателем) в отношении несовершеннолетних, могут быть:

- своевременное выявление лиц, замысливающих и подготавливающих преступление;
- своевременное пресечение начавшихся преступлений (или начавшегося антиобщественного проявления);
- обнаружение причин и условий возможного или готовящегося совершения преступления, фактов противоправного поведения члена (членов) коллектива несовершеннолетних (учреждения, организации);

– снижение у несовершеннолетних риска стать жертвами преступных посягательств или быть вовлеченными в преступную деятельность, в том числе посредством сети Интернет и др.

Криминалистические средства в данном случае можно подразделить на:

– мероприятия, осуществляемые лично следователем (дознавателем);

– мероприятия, осуществляемые на основании поручения органов предварительного расследования, руководством образовательных учреждений, учреждений дополнительного образования, государственных и некоммерческих организаций, общественных объединений, осуществляющих деятельность по подростковой тематике, иными учреждениями и др.

Профилактические мероприятия могут быть направлены на несовершеннолетних, обучающихся в образовательных учреждениях; сотрудников образовательных учреждений; педагогов; родителей и законных представителей обучающихся. При этом целевой аудиторией должны становиться не широкие массы несовершеннолетних, а конкретные группы риска, обусловленные информацией, имеющейся в распоряжении следователя (дознавателя) по результатам или в ходе предварительного расследования. Так, например, по данным Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России в настоящее время зафиксировано, что неизвестные лица путем подкупа, шантажа и иного психологического воздействия массово направляют несовершеннолетним через мессенджеры и социальные сети предложения устроить теракты в разных регионах страны [5]. После выявления таких сообщений органами предварительного расследования (или по их поручению – руководством образовательных учреждений, учителями, педагогами и др.) рекомендуется проводить профилактические мероприятия в конкретных регионах и учебных заведениях (где были зафиксированы данные случаи), направленные на разъяснения:

– несовершеннолетним не вступать в диалог с неизвестными лицами;

– при получении подобных предложений: незамедлительно сообщать в правоохранительные органы; не отвечать на сообщения, призывающие к противоправным действиям;

пожаловаться в администрацию социальной сети (мессенджера) на отправителя сообщения в целях его блокировки; сделать скриншоты подобных сообщений и др.;

– родителям проводить проверку сообщений, групп и чатов в социальных сетях, в которых состоят дети.

Использование сети Интернет в профилактических мероприятиях позволяет оперативно донести информацию и организовать доступ к ней в любое время суток, предоставляет возможность всем участникам вести обсуждения, выкладывать фото- видео- и иные мультимедийные материалы, осуществлять общение с удаленным собеседником или группой партнеров.

Среди интернет-коммуникаций, которые активно используются несовершеннолетними, а также их законными представителями, необходимо выделить:

– группы в социальных сетях;

– чаты в мессенджерах;

– официальные веб-сайты образовательных организаций;

– родительские форумы;

– блоги и страницы педагогов и др.

Как правило, данные интернет-ресурсы объединяют родителей, педагогов или школьников по образовательным, воспитательным и организационным вопросам в конкретном учреждении, классе, учебной группе. В целях профилактических мероприятий можно использовать и иные популярные среди несовершеннолетних лиц и их законных представителей группы в социальных сетях, форумы, видео- и фотохостинги и другие ресурсы, объединяющие по интересам, регионам и тематическим критериям.

Профилактическая работа органов предварительного расследования может быть направлена на:

– сбор вспомогательной криминалистически значимой информации о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления;

– публикации воспитательного характера, адресованные несовершеннолетним, их законным представителям, педагогам;

– информирование о наличии причин и условий совершения преступления с целью предупреждения новых уголовно-наказуемых деяний;

– устранение причин и условий, способствующих совершению преступления, в ходе деятельности организации, учреждения, где было совершено преступление;

– оказание воздействия на причины и условия, способствующие данному виду преступности в ходе деятельности организации, учреждения, где было совершено преступление;

– ограничение воздействия обстоятельств, связанных с причинами и условиями преступности несовершеннолетнего;

– оказание воздействия органами предварительного расследования на несовершеннолетних, их законных представителей, педагогов с целью решения профилактических задач;

– непосредственное воздействие на несовершеннолетних, от которых можно ожидать совершения преступлений;

– воздействие на лиц, которые подвергают предупредительному воздействию несовершеннолетних;

– размещение обобщенной информации о выявленных условиях и причинах, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними, в иных интернет-ресурсах в целях правовой пропаганды и др.

Организовать профилактическую работу в сети Интернет возможно посредством:

– размещения статей, публикаций, выступлений в интернет-ресурсах (социальных сетях, блогах, фото- и видеохостингах);

– выступлений с лекциями, консультациями в учреждениях (организациях), деятельность которых направлена на несовершеннолетних (в том числе дистанционно, посредством видеоконференцсвязи, и с последующим размещением видеозаписей в сети Интернет);

– участие в форумах, группах в социальных сетях, популярных среди несовершеннолетних лиц и их законных представителей и др.;

– проведение онлайн-опросов, обсуждений, обеспечение диалога и обратной связи в сети Интернет и др.

Для осуществления такой работы могут быть задействованы подразделения правоохранительных органов по связям с общественностью (пресс-службы, подразделения общественных связей, управления информации и пр.), инспекторы по делам несовершеннолетних, территориальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и

попечительства и др. Следовательно, как основному субъекту, участвующему в раскрытии и расследовании преступлений, отводится организующая и координирующая роль в данных профилактических мероприятиях.

Рекомендуется проводить информационно-разъяснительную работу на доступном для несовершеннолетних лиц языке, без излишнего употребления юридических терминов, с использованием примеров конкретных материалов уголовных дел. При этом положительно окажет влияние размещение наглядных материалов (памяток, изображений, схем, графиков, видеороликов, презентаций и др.) с элементами воспитательно-психологического воздействия.

Выводы

Выбор профилактических мероприятий должен быть обусловлен: материалами уголовного дела; обстановкой совершенного преступления; обстоятельствами, сложившимися на момент принятия решения о реализации мер профилактического характера; особенностями личности несовершеннолетнего, информации о спланированных, готовящихся преступлениях и другими факторами.

Учитывая популяризацию сети Интернет, а также риски и угрозы, которые несет в себе данный ресурс, полагаем необходимым его использование в профилактических мероприятиях. Предупреждение преступности несовершеннолетних с использованием сети Интернет является перспективным направлением в предварительном расследовании. Вместе с тем требуется дальнейшее совершенствование рекомендаций по повышению эффективности и решению актуальных проблем профилактики преступности несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипцев, И. Н. Проблемы профилактики преступности среди несовершеннолетних / И. Н. Архипцев, А. В. Сарычев, А. О. Барботько // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 147–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.19>
2. Друзьяк, Е. А. Роль органов внутренних дел в предупреждении преступности несовершеннолетних / Е. А. Друзьяк // *Территория науки*. – 2015. – № 4. – С. 112–122.

3. Иншакова, А. О. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью на страже национальной безопасности РФ / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.1>

4. Кирюшкин, И. И. Актуальные проблемы профилактической деятельности следователя по делам о преступлениях несовершеннолетних / И. И. Кирюшкин // *Вестник магистратуры*. – 2016. – № 6–2 (57). – С. 19–21.

5. МВД предупредило о массовых предложениях школьникам совершать теракты // *Официальный сайт медиахолдинга РБК*. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6602a9c59a79472c5572f5b4>

6. Политыко, О. Е. Проблемы и перспективы совершенствования профилактической деятельности органов предварительного следствия / О. Е. Политыко, А. А. Жижилева // *Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива*. – 2020. – № 1 (1). – С. 80–85.

7. Социологическое исследование «Подростки 360°» в рамках стратегической программы «Подростки России» Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. – URL: <https://rospodros.ru/polls>

8. Шишкина, Е. В. Криминалистические средства профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними / Е. В. Шишкина // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. – 2017. – № 3. – С. 109–118.

of Juvenile Delinquency]. *Territoriya nauki* [Territory of Science], 2015, no. 4, pp. 112–122.

3. Inshakova A.O. Koordinatsiya deyatelnosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'yu na strazhe nacional'noj bezopasnosti RF [Coordination of the Activities of Law Enforcement Agencies to Combat Crime on the Guard of National Security of the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 6–11. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.1>

4. Kiryushkin I.I. Aktual'nye problemy profilakticheskoy deyatelnosti sledovatelya po delam o prestupleniyah nesovershennoletnih [Current Problems of Preventive Activities of Investigators in Cases of Juvenile Delinquency]. *Vestnik magistratury* [Bulletin of Magistracy], 2016, no. 6-2 (57), pp. 19–21.

5. МВД предупредило о массовых предложениях школьникам совершать теракты // *Официальный сайт медиахолдинга РБК*. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6602a9c59a79472c5572f5b4>

6. Polityko O.E., Zhizhileva A.A. Problemy i perspektivy sovershenstvovaniya profilakticheskoy deyatelnosti organov predvaritel'nogo sledstviya [Problems and Prospects for Improving the Preventive Activities of Preliminary Investigation Bodies]. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva* [Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective], 2020, no. 1 (1), pp. 80–85.

7. Sotsiologicheskoe issledovanie «Podrostki 360°» v ramkakh strategicheskoy programmy «Podrostki Rossii» Upolnomochennogo pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka [Sociological Research “Teenagers 360°” Within the Framework of the Strategic Program “Teenagers of Russia” of the Commissioner for Children’s Rights Under the President of the Russian Federation]. URL: <https://rospodros.ru/polls>

8. Shishkina E.V. Kriminalisticheskie sredstva profilaktiki prestuplenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi [Forensic Means of Preventing Crimes Committed by Minors]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu* [Electronic Supplement to the Russian Legal Journal], 2017, no. 3, pp. 109–118.

REFERENCES

1. Arhipcev I.N., Sarychev A.V., Barbot'ko A.O. Problemy profilaktiki prestupnosti sredi nesovershennoletnih [Problems of Juvenile Delinquency Prevention]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 147–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.19>

2. Druzyak E.A. Rol' organov vnutrennih del v preduprezhdenii prestupnosti nesovershennoletnih [The Role of Internal Affairs Bodies in the Prevention

Information About the Author

Anna G. Bogomolova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Justice and Law Enforcement, Tula State University, Prosp. Lenina, 92, 300012 Tula, Russian Federation, a.g.reznikova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2984-376X>

Информация об авторе

Анна Геннадьевна Богомолова, кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности, Тульский государственный университет, просп. Ленина, 92, 300012 г. Тула, Российская Федерация, a.g.reznikova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2984-376X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.18>

UDC 343.1
LBC 67.408

Submitted: 02.05.2024
Accepted: 24.05.2024

GROSS NEGLIGENCE AS AN ELEMENT OF INVOLUNTARY MANSLAUGHTER

Vukan Slavković

College of Criminalistics and Security, Niš, Serbia; University of Montenegro, Kotor, Montenegro

Introduction: legislation holding parents criminally responsible for the delinquent acts of their children faces with the difficulty of meeting the requisite legal thresholds, such as proving willful intent or gross negligence on the part of the parent. Typically, a person who contributes to the neglect or delinquency of a minor is guilty only of a misdemeanor. **Purpose:** address important questions about the negligence of the parents and their potential criminal liability for manslaughter. **Results:** James and Jennifer Crumbley's conviction doesn't fit into any of the categories of traditional parental responsibility laws and is instead a first-of-its-kind extension of the manslaughter statute. The liability for the lethal acts of others involves proof of the existence of felonious intent plus a causal relationship between the felony and the death. Under the current common law, the core of complicity lies in intentionally encouraging or assisting the principal offender. **Conclusions:** the Crumbley verdict may forge a precedent for being gradually applied as a tool for prosecutors to pressure suspects into plea bargains. They "lessen the *mens rea* needed to establish guilt," and thus parents are held responsible despite not intending to allow the child to commit the crime.

Key words: criminal law, parental responsibility, involuntary manslaughter, gross negligence, failure to perform a legal duty.

Citation. Slavković V. Gross Negligence as an Element of Involuntary Manslaughter. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 136-147. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.18>

УДК 343.1
ББК 67.408

Дата поступления статьи: 02.05.2024
Дата принятия статьи: 24.05.2024

ГРУБАЯ ХАЛАТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НЕПРЕДУМЫШЛЕННОГО УБИЙСТВА

Вукан Славкович

Колледж криминалистики и безопасности, г. Ниш, Сербия; Университет Черногории, г. Котор, Черногория

Введение: законодательство, предусматривающее уголовную ответственность родителей за правонарушения своих детей, сталкивается с трудностями при соблюдении необходимых юридических требований, таких как доказательство умысла или грубой небрежности со стороны родителя. Как правило, лицо, способствующее безнадзорности или правонарушению несовершеннолетнего, виновно только в мелком правонарушении. **Цель:** ответить на важные вопросы о халатности родителей и их потенциальной уголовной ответственности за непредумышленное убийство. **Результаты:** обвинительный приговор по делу Джеймса и Дженнифер Крамли не вписывается ни в одну из категорий традиционных законов об ответственности родителей и является первым в своем роде дополнением к закону о непредумышленном убийстве. Ответственность за действия, повлекшие смерть других лиц, предполагает доказательство наличия преступного умысла, а также причинно-следственной связи между преступлением и смертью. Согласно действующему общему праву суть соучастия заключается в намеренном поощрении или содействии главному преступнику. **Выводы:** вердикт по делу Крамли может создать прецедент, который постепенно будет использоваться прокурорами в качестве инструмента давления на подозреваемых для заключения сделок о признании вины. Они «уменьшают количество доказательств, необходимых для установления вины», и, таким образом, родители несут ответственность, несмотря на то что не намеревались позволять ребенку совершать преступление.

Ключевые слова: уголовное право, ответственность родителей, непредумышленное убийство, грубая халатность, неисполнение законных обязанностей.

Цитирование. Славкович В. Грубая халатность как элемент непредумышленного убийства // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 136–147. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.18>

L'arbre que tu n'auras pas taillé
au début, te trahira à la fin [3, c. 398].

Le désert grandit: malheur à celui
qui recèle des déserts! [20, c. 212]

1. Introduction

On November 30, 2021, 15-year-old Ethan Crumbley murdered four of his classmates and wounded seven others in a high school shooting in Oxford, Michigan. According to authorities, the shooting “appeared random”, because he targeted no particular individuals. Crumbley was subsequently charged by his county prosecutor as a terrorist for his desire to induce fear and panic in the community. In the ensuing days, the case took on an even more unprecedented political dimension when Crumbley’s parents were themselves charged with abetting their son’s crimes by failing to recognize and control the signs of massive adolescent distress [30, c. 64]. The shooting prompted important questions about the negligence of the parents and their potential criminal liability for manslaughter [29, c. 143].

It’s important to look at new parental accountability efforts through their historical contexts. In rare cases when youth engage in serious forms of delinquent behavior, parents themselves may be charged with a crime. Legislation holding parents criminally responsible for the delinquent acts of their children quickly followed the enactment of civil liability and neglect-type statutes. The first law holding parents criminally responsible for contributing to the delinquency of their children was passed in 1903 in Colorado, but the difficulty of meeting the requisite legal thresholds, such as proving willful intent or gross negligence on the part of the parent, has resulted in very few instances of parents receiving criminal charges. Nonetheless, parental legal culpability largely falls into three categories: vicarious liability, which assumes financial responsibility on the part of the caregiver for damages caused by children; status offenses, for behaviors that are illegal only due to a child’s minor status; and criminal responsibility, when youth commit serious, and usually violent, crimes [31,

c. 405]. Typically, a person who contributes to the neglect or delinquency of a minor is guilty only of a misdemeanor [1].

James and Jennifer Crumbley’s conviction doesn’t fit into any of categories of traditional parental responsibility laws and is instead a first-of-its-kind extension of the manslaughter statute. The liability for lethal acts of others involves proof of the existence of felonious intent plus causal relationship between the felony and the death.

Supporters of CDM statutes¹ believe that the conditions within the family are the most predictive component of a child’s behavior and that it is the responsibility of the parent to provide sufficient positive guidance to children on the importance of adhering to the values of society at large². This type of legislation quickly gained popular support, and since the enactment of the Colorado initiative, at least 42 States and the District of Columbia have passed similar legislation [22].

2. The trial

Ethan Crumbley was charged as an adult with first-degree murder, assault with intent to murder, terrorism and gun charges in the shooting at Oxford High School³. State law excludes some classes of cases involving juvenile age offenders from juvenile court, granting adult criminal court exclusive jurisdiction over some types of offenses. Murder and serious violent felony cases are most commonly “excluded” from juvenile court [34, c. 106].

The gun used in the shooting was given to Ethan Crumbley as an early Christmas present, prosecutors have said. “The court finds that the deaths of the four victims could have been avoided if his parents exercised ordinary care and diligence in the care of their son. Therefore, they were charged with involuntary manslaughter and accused of making the gun used in the shooting available to the teen” [24].

On December 8, 2023, Ethan pleaded guilty to all his crimes and was sentenced to life in prison without the possibility of parole. Since he was seeking an appeal, the notice to Oakland County Circuit Court from the State Appellate Defender

Office was filed on January 22, 2024 [14]. His lawyers also counseled against having Crumbley testify in his parents' upcoming trials, to safeguard privileges related to confidential communications [21].

They have informed Oakland County Circuit Judge: "Given Ethan Crumbley's ongoing appeal and the substantial overlap in the subject matter in these three cases, we will advise Ethan to invoke his right to remain silent, should he be called to testify in either pending trial" [9].

At the times of both the shootings and the sentencing, Ethan Crumbley was considered a "minor" by the state of Michigan. He became an "adult" in the state's eyes only when it concerned charging, trying, convicting, and sentencing him for murder. Since the state wanted to convict Jennifer Crumbley of involuntary manslaughter for her son's crimes, Ethan had to retroactively stop being the adult he'd previously been transformed into for purposes of the prior case [32].

Parents may be subject to vicarious liability if their child intentionally injures another person, guided by the notion that they failed to effectively supervise their child or otherwise neglected their parenting responsibilities. Although it is rare, parents in some states may have criminal liability for their child's actions [31, c. 404].

Felony complaints against James and Jennifer Crumbley were issued soon after their arrests, both of which alleged that defendants' grossly negligent conduct caused the deaths of the four victims by: storing his or her firearm and its ammunition so as to allow access to the firearm and ammunition by his or her minor child or the grossly negligent failure to perform the following legal duty, to wit: failure to exercise reasonable care to control his or her minor child so as to prevent him from intentionally harming others or from so conducting himself so as to create an unreasonable risk of bodily harm to others knowing that he or she has the ability to control his or her child and knowing of the necessity and opportunity to do so [25].

The judge presiding over the trial of Michigan school shooter Ethan Crumbley's mother said she would not allow the gunman to testify if he invokes his Fifth Amendment right, as his attorneys have previously indicated he would. The Fifth Amendment protects a person from being

"compelled in any criminal case to be a witness against himself." The amendment is often invoked to avoid answering specific questions during testimony.

Jennifer Crumbley's attorneys have asked the judge to compel her teenage son and his two jail psychiatrists to testify at her trial. Prosecutors have accused Jennifer and James Crumbley of ignoring their son's pleas for mental health care and buying him a gun despite his deteriorating mental state. Ethan Crumbley's attorneys have indicated they will not waive privilege or confidentiality for his medical records, the testimony of his doctors, or his own testimony [12]. In criminal trials, in the courts of the United States, wherever a question arises whether a confession is incompetent because not voluntary, the issue is controlled by that portion of the Fifth Amendment to the Constitution of the United States, commanding that no person shall be compelled in any criminal case to be a witness against himself [40].

Jennifer Crumbley's attorney claimed in a filing that the teenager's testimony is crucial to refute text messages and journal entries he wrote about his parents' knowledge of and involvement with his mental health. The messages were shown during the testimony of a cell phone forensics expert who analyzed phone and social media data from the Crumbleys [12]. Nevertheless, Ethan Crumbley did not testify in this trial, as his attorneys said he would invoke his Fifth Amendment right to silence.

In separate trials, a jury convicted Jennifer Crumbley (on February 6, 2024) and James Crumbley (on March 14, 2024) of involuntary manslaughter, making them the first parents of a mass school shooter in the U.S. to be held responsible. On April 9, 2024, they have each been sentenced to 10 to 15 years in prison. The Crumbleys are eligible for parole after they serve 10 years in prison, but they cannot be held for more than 15 years if parole is denied [8].

Before the circuit court, defendants filed a combined motion to quash the bindover, contending that the district court abused its discretion by finding probable cause existed to believe defendants committed involuntary manslaughter. In particular, defendants argued that the bindover had to be quashed because, as a matter of law, the prosecution could not prove causation. Though

acknowledging that the issue of proximate causation, as opposed to causation-in-fact, hinged on whether EC's independent criminal actions were reasonably foreseeable, defendants argued that the district court's reliance on *People v Head*⁴, and its ultimate conclusion, were in error [26].

This case relied on an unusual and novel legal strategy and represented an attempt to expand the scope of blame in mass shootings. While parents have previously faced liability for their child's actions – such as with neglect or firearms charges – this was the first time a parent of a school shooter was held directly responsible for the killings. The prosecution argued Jennifer Crumbley is responsible for the deaths because she was “grossly negligent” in giving a gun to her son Ethan, who was 15 at the time, and failing to get him proper mental health treatment despite warning signs. James Crumbley was convicted on four identical counts of involuntary manslaughter [11].

On November 26, 2021, James and Ethan Crumbley went to a gun shop because James wanted to purchase a nine-millimeter SIG Sauer handgun. To make this purchase, James provided his identification, filled out and signed the required form, and waited for completion of the background check. The form James signed indicated that purchasing a gun for someone else was illegal. When the background check cleared, James purchased the SIG Sauer, which was given to him in a case containing a cable lock, a trigger lock, an ATF Youth Handgun Notice Act pamphlet, and extra magazines of ammunition [25].

Oakland County Prosecutor said that James Crumbley bought his son a gun and failed to lock it away from him. Defense Attorney told jurors there was no proof the teen was handling firearms by himself in the Crumbley household [10]. The Crumbleys' defense team has stated that the weapon was legal to own, and Michigan has no law requiring the gun to be properly stored away from juveniles [2].

On November 26, 2021, Jennifer took Ethan to a shooting range. A surveillance video from the range showed Jennifer and Ethan firing the gun. Afterward, Ethan took the gun apart, put it back inside the case, took the leftover ammunition, and left with Jennifer. On the morning of November 30, he went to school, with his backpack containing

the SIG Sauer handgun [27]. Ethan had been scheduled to meet with school officials to discuss his behavior on the previous day. By the time he arrived at this meeting, a teacher had raised concerns about drawings he had made which depicted a gun, a corpse and the words, “Blood everywhere” and “The thoughts won't stop. Help me.” He was returned to class and soon after that Ethan emerged with a loaded semi-automatic weapon [29, c. 140]. At 12:50 p.m., he committed the murders while also injuring six other students and one teacher. On the day of the shooting, police executed a search warrant for defendants' home and found the gun case for the SIG Sauer open on the bed next to an empty box of nine-millimeter ammunition and a locked gun safe in a dresser drawer [26].

Crumbley is the first parent to be held directly responsible for a school shooting carried out by their child, which is opposite to legal principle: “People cannot be held responsible for the actions of others”. In the opinion of C. Sbeglia, charges against parents of offending juveniles can be mounted when parental intent or gross negligence appears evident in cases where juveniles' actions result in the death or grave bodily injury of another person. The limited application of parental criminal culpability can be attributed to both the challenges of defining a child's ability to act independently of their parents and the high threshold required to prove intent or negligence on the part of the parent as a third party. Cases like the school shooting committed by Ethan Crumbley are rare instances in which the combination of extreme criminal behavior and potentially extreme negligence may warrant criminal charges against a parent [31].

According to R. Weisberg, there's nothing unusual about a non-trigger person being liable for someone else fatally shooting the victim. Under standard complicity law, the non-shooter can be equally guilty of a murder charge for “aiding and abetting” (i.e., helping to cause) the killing. But that happens when the non-shooter shared the intent to kill. What's unusual here is that we have a clearly intentional killing by the shooter, but the father is guilty of the lesser crime of involuntary manslaughter. Clearly, he never intended the shooting, but he helped cause it in a grossly negligent way. So he isn't an “accomplice” in the usual sense [37].

According to E. Bernick and B. Yankah, there's always an initial horrifying case that's used to justify the expansion of criminal law". The Crumbley verdict may forge a precedent being gradually applied as a tool for prosecutors to pressure suspects into plea bargains [6]. They "lessen the *mens rea* needed to establish guilt," and thus parents are held responsible despite not intending to allow the child to commit the crime.

3. Involuntary manslaughter

According to American criminal law, manslaughter is another form of homicide, which involves a significant number of attacks against life. 18 U.S. Code (§ 1112) states that manslaughter is the unlawful killing of a human being without malice. It is of two kinds:

1) voluntary – upon a sudden quarrel or heat of passion;

2) involuntary – in the commission of an unlawful act not amounting to a felony, or in the commission in an unlawful manner, or without due caution and circumspection, of a lawful act which might produce death. The main difference between murder and manslaughter is that the perpetrator of a murder has a malice aforethought [36, c. 82].

Involuntary manslaughter is unlawful killing without the intent to kill or cause really serious harm and is a common law offence. There are two classes of involuntary manslaughter: unlawful act manslaughter and manslaughter by gross negligence:

1. Unlawful act manslaughter is charged when death occurs due to a criminal act which a reasonable person would realise must subject some other person to at least the risk of some physical harm. It doesn't matter whether or not the offender knew that the act was unlawful and dangerous or whether harm was intended.

2. Manslaughter by gross negligence occurs when the offender is in breach of a duty of care towards the victim, the breach causes the death of the victim and, having regard to the risk involved, the offender's conduct was so bad as to amount to a criminal act or omission [33].

A man is liable for involuntary manslaughter, unless his act can be otherwise justified or excused, if his lawful or unlawful act causes death and that act was recklessly performed by him

despite a high and foreseeable risk of death to other persons. This formulation of manslaughter liability for deaths is produced by grossly reckless conduct [18, c. 65].

On the other hand, the *Model Penal Code* (MPC) treats as manslaughter any intentional killing under the influence of extreme mental or emotional disturbance for which there is reasonable explanation or excuse. The reasonableness of such explanation or excuse shall be determined from the viewpoint of a person in the actor's situation under the circumstances as he believes them to be (Article 210.3, Section 1, Clause b.). According to Section 2 of this Article, manslaughter is a felony of the second degree [36, c. 82].

According to *Michigan Penal Code*, Sections 750.321 and 750.322 ("Manslaughter"), in order for prosecutors to prove the charge of voluntary manslaughter, they must prove three elements beyond a reasonable doubt:

1. That the defendant caused the death of the deceased victim, that the deceased individual died as a result of the defendant's action.

2. That the defendant either:
a. intended to kill the victim;
b. intended to do great bodily harm to the victim;

c. created a situation where the risk of great bodily harm or death was very high, knowing that as a result of the defendant's actions he or she knew that serious harm or death would likely result.

3. That the defendant caused the death of the victim without justification or lawful excuse.

Involuntary manslaughter occurs when an individual kills another person without intent, or unintentionally [41].

Although neither parent was present at the school nor pulled the trigger, the charges are based on gross negligence such that the Crumbleys had knowledge of their son's mental instability and had purchased him the gun used in the shooting, that led to the death of four students at Oxford High School [1].

On January 1, 2014, by Administrative Order 2013-13, the Michigan Supreme Court created the Committee on Model Criminal Jury Instructions. The instructions do not have the force and effect of a court rule, their use is required by Michigan Court Rules 2.512(D)⁵, unless the court

determines that an instruction does not accurately reflect the state of the law, or circumstances of the case require a variance or additional instructions. According to Model Criminal Jury Instructions 16.10⁶, to prove the charge of manslaughter, the prosecutor must prove each of the following elements beyond a reasonable doubt:

(1) That the defendant caused the death of the victim, that is, that the victim died as a result of the defendant's act. (2) In doing the act that caused victim's death, the defendant acted in a grossly negligent manner. (3) In doing the act that caused the victim's death, the defendant intended to injure the victim. The touching must have been intended by the defendant, that is, not accidental, and it must have been against victims's will. (4) That the defendant caused the death without lawful excuse or justification [17].

Throughout Jennifer Crumbely's trial, Oakland County prosecutors introduced two different theories that could satisfy the involuntary manslaughter charges against her. In order to find Crumbely guilty, jury members must all agree that the prosecution proved at least one of two theories beyond a reasonable doubt. The first involuntary manslaughter theory introduced by the prosecutors focuses on negligence [13]. The Oakland County prosecutor claims Crumbely committed involuntary manslaughter because she was "grossly negligent."

According to Model Criminal Jury Instructions 16.18 (Involuntary Manslaughter – Gross Negligence), (1) Gross negligence means more than carelessness. It means willfully disregarding the results to others that might follow from an act or failure to act. In order to find that the defendant was grossly negligent, you must find each of the following three things beyond a reasonable doubt:

– First, that the defendant knew of the danger to another, that is, [he / she] knew there was a situation that required [him / her] to take ordinary care to avoid injuring another.

– Second, that the defendant could have avoided injuring another by using ordinary care.

– Third, that the defendant failed to use ordinary care to prevent injuring another when, to a reasonable person, it must have been apparent that the result was likely to be serious injury [17].

In the opinion of C. van der Bijl, a higher degree of fault is required in order to hold parents

liable on the grounds of criminal negligence than the level of fault required for civil negligence. Parental criminal liability may arise in a situation where failure to control the child's conduct is considered to be grossly or criminally negligent. For example, a conviction for negligent involuntary manslaughter can result if a child causes the death of another. To hold a parent criminally liable for an act of murder committed by his or her child, the parent's failure to control must amount to extreme recklessness and be coupled with a causal connection between such a failure and the death of the third party. What could be problematic however, is that it must first be proved that the parent had "specific knowledge" of the child's intended criminal conduct to be able to ascertain whether the failure to act to protect others was reckless or negligent [39, c. 6].

Under the current common law, the core of complicity lies in intentionally encouraging or assisting the principal offender. The Model Penal Code requires that the accomplice helps with „the purpose of facilitating the commission of the offense” (Article 2.06(3)). Most other Anglo-American jurisdictions adopt knowledge as the relevant mental element for complicity. The majority of criminal systems inspired by the civil law tradition treat *dolus eventualis* as a sufficient condition for complicity. The MPC, however, facially requires "purpose", and many have interpreted this as bravely forging a new path that requires an accomplice to have a positive desire for the criminal outcome that his or her assistance helps to bring into the world [35, c. 141].

The prosecution's second involuntary manslaughter theory is related to the "failure to perform a legal duty" – Jennifer Crumbely had a legal duty to the victims killed in the shooting. According to Model Criminal Jury Instructions 16.13 (Involuntary Manslaughter-Failure to Perform Legal Duty), (1) The defendant is charged with the crime of involuntary manslaughter resulting from a failure to perform a legal duty. To prove this charge, the prosecutor must prove each of the following elements beyond a reasonable doubt:

1. That the defendant had a legal duty to the victim. A legal duty is one imposed by law or contract [17].

The prosecution bases its argument on the *American Restatement of Torts, Second*, which

is a treatise issued by the American Law Institute. It summarizes the general principles of common law United States tort law. Even in cases where parental responsibility laws do not apply, parents may still find themselves responsible for their children's actions under the "common law," which is a set of principles that does not depend on state law or court decisions. This "common law" authority provides a summary of a parent's legal obligations when it comes to their minor children [23]. According to Section 316 ("Duty of Parent to Control Conduct of Child"), a parent is under a duty to exercise reasonable care so as to control his minor child as to prevent it from intentionally harming others or from so conducting itself as to create an unreasonable risk of bodily harm to them, if the parent:

- (a) knows or has reason to know that he has the ability to control the child, and
- (b) knows or should know of the necessity and opportunity for exercising such control [19, pp. 338-339].

To prove this charge, the prosecutor must prove each of the remaining elements noted in *Model Criminal Jury Instructions* 16.13.

2. That the defendant knew of the facts that gave rise to the duty.

3. That the defendant willfully neglected or refused to perform that duty and [his / her] failure to perform it was grossly negligent to human life.

4. That the death of the victim was directly caused by defendant's failure to perform this duty, that is, that the victim died as a result of act or omission causing death [17].

In the opinion of the prosecution, the victims died as a result of Crumbley's failure to exercise reasonable care to control her minor child to prevent him from intentionally harming others or conducting himself to create an unreasonable risk of bodily harm to others when Crumbley knew she had the ability to control her son and knew of the necessity and opportunity to do so [13].

The United States Model Penal Code (MPC)⁷ recognises liability for omissions, and most States have incorporated aspects of the MPC within their own statutes, leading to general acceptance that criminal liability is impossible in situations where there has been an omission or failure to act by a person who had a legal duty to do so. According to the *Model Penal Code*

Section 2.01.⁸, Subsection 3, "liability for the commission of an offense may not be based on an omission unaccompanied by action unless":

(a) the omission is expressly made sufficient by the law defining the offense; or

(b) a duty to perform the omitted act is otherwise imposed by law [38, pp. 19-20].

Common law and statute law both qualify as sources of duties the violation of which results in criminal liability, provided that a criminal offense can be found that threatens anyone causing a certain type of harm (say, death) with criminal punishment (as is the case with homicide). Traditional common law duties include those based on certain "relationships" (e. g. parent to child).

In addition to these non-statutory sources of criminally enforceable duties, there are the duties one can find in the vast array of modern statutes, criminal or not. Some of these duties simply codify traditional common law duties. For instance, the New York Court of Appeals, in *People v. Steinberg*, managed to find a statutory source for a father's duty to prevent the death of his daughter.⁹ It invoked New York's Family Court Act in support of the proposition that "parents have a nondelegable affirmative duty to provide their children with adequate medical care." As its title suggests, the statute invoked by the court dealt primarily with procedural matters.¹⁰ It did not explicitly set out parental duties, never mind parental duties the violation of which may trigger criminal liability (including, as in this case, liability for homicide) [7, p. 32].

4. The causality

According to Michigan Court of Appeals, causation is "an element of involuntary manslaughter." Specifically, the term and concept have two parts: factual causation and proximate causation." "Factual causation exists if a finder of fact determines that 'but for' defendant's conduct the result would not have occurred." Proximate causation "is a legal construct designed to prevent criminal liability from attaching when the result of the defendant's conduct is viewed as too remote or unnatural." There can be more than one cause of harm, and a defendant's acts need only be a contributory cause that was a substantial factor in producing the harm. The criminal liability does not require that there be but

one proximate cause of harm found, because all acts that proximately cause the harm are recognized by the law. “For a defendant’s conduct to be regarded as a proximate cause, the victim’s injury must be a ‘direct and natural result’ of the defendant’s actions” [25].

Regarding the factual causation, the record squarely supports that “but for” defendants’ acts and omissions, Ethan Crumbley would not have killed the victims that day. Concerning the proximate causation, Ethan Crumbley’s intentional misconduct did not, as a matter of law, supersede defendants’ acts being a cause of the victims’ deaths, as his acts will only supersede defendants’ acts if his intentional acts were not reasonably foreseeable. Defendants’ actions and inactions were inexorably intertwined with Ethan Crumbley’s actions, i.e., with the intervening cause. This connection exists not simply because of the parent-child relationship but also because of the facts showing that defendants were actively involved in Ethan Crumbley’s mental state remaining untreated, that they provided him with the weapon used to kill the victims, and that they refused to remove him from the situation that led directly to the shootings. In this circumstance, a reasonable juror could conclude that defendants’ “conduct ‘increased the foreseeable risk of a particular harm occurring through a second actor [27].

According to Michigan Court of Appeals, grossly negligent or intentional acts are generally superseding causes. This case falls outside the general rule regarding intentional acts because Ethan Crumbley’s acts were reasonably foreseeable, and that is the ultimate test that must be applied. The district court did not abuse its discretion in determining Ethan Crumbley’s decision to shoot four classmates was not a superseding cause because it “was foreseeable based on an objective standard of reasonableness” [25].

In his separate opinion, judge J. Riordan wrote: “The fact that a child may have access to a potentially dangerous instrumentality made available by his or her parents, such as a motor vehicle, a knife, or even a gun, does not necessarily affect these principles. On the other hand, drawings made by Ethan Crumbley, which depicted a gun and a corpse, suggests that he presented a danger to others with his handgun, because there was visual evidence, known by

defendants, that Ethan Crumbley was contemplating the act of gunshot wounds being inflicted upon someone. This drawing, coupled with the other evidence, establishes probable cause that Ethan Crumbley’s conduct on the afternoon of November 30, 2021, was reasonably foreseeable by defendants” [4].

The Michigan Court of Appeals in *Ciaramitaro v. Ruggero*, also bases its argument on *The American Restatement of Torts, Second*, § 316. A plaintiff in a negligence action must establish that a defendant’s negligent conduct was the proximate cause of his or her injury. In order to be a proximate cause, the negligent conduct must have been a cause of the plaintiff’s injury (cause-in-fact) and the plaintiff’s injury must have been a natural and probable result of the negligent conduct (legal causation). As stated by Michigan Supreme Court ¹¹, “to adequately establish cause-in-fact, a plaintiff’s proof must be more than conjecture. The plaintiff must present substantial evidence from which a jury may conclude that more likely than not, but for the defendant’s conduct, the plaintiff’s injuries would not have occurred” [5].

Under section 316 of the *Restatement 2d of Torts*, a complaint must allege specific instances of prior conduct that are sufficient to put the parents on notice that the act complained of was likely to occur. The disagreement centers upon whether a parent needs prior notice of the specific conduct that caused the injury, or simply notice that the child’s general misconduct could lead to an injury. Some courts have held that the specific conduct that caused the injury must have been habitual, or at least similar to the minor’s prior misconduct. The Florida Supreme Court applied this theory in *Gissen v. Goodwill* ¹². The concern reflected by *Gissen* is that parents should be held liable only if the injury was foreseeable to the parent. A parent’s mere knowledge of the child’s mischievous and reckless disposition, according to this theory, does not suffice to render a parent liable [19, pp. 339-340].

5. “Failure to perform a legal duty” in judicial practice

Maybe the most similar case to the Crumbleys arises from the death of the minor victim, when Karen S. Albers was convicted of

involuntary manslaughter¹³ on the basis of an incident in which her six-year-old son, Brent, obtained a lighter and started a fire in their apartment complex, resulting in the death of a twenty-two-month old child, Christopher Byers. The victim resided in another apartment within the same complex occupied by the defendant and her son. She was sentenced to four to fifteen years of imprisonment [28].

According to Michigan Court of Appeals¹⁴, defendant is correct that the trial court never instructed the jury that it must unanimously agree on one of the prosecution's theories in order to convict as opposed to being able to convict defendant on the basis of some jurors considering her guilty under the first theory while others considering her guilty under the second theory. Defendant's argument depends on attacking the second theory as legally unsupported on the ground that defendant owed no legal duty to Christopher. However, assuming this is true, Michigan Court of Appeals concluded that defendant is not entitled to relief under the Carines standard because the jury could only find her guilty under the second theory by making findings of fact that would also mean that she was guilty under the first theory, which was not dependent on any breach of duty to Christopher under the lease agreement. Critically, if a juror found guilt under the second theory, the juror would also have found that Christopher died as a result of defendant's failure to properly secure the lighter that Brent used to start the fire [15].

The case *People v. Peterson* arises from the July 2018 death of the minor victim, who died after falling through a hole in defendant's home¹⁵. When the incident occurred, the victim lived in defendant's home with her mother, Dasiah Jordan. Defendant, Tanisha Epps, Epps's four children, and Jordan's two other children also lived there. By July 2018, before Jordan moved in, Epps covered the hole with a piece of cardboard. The night the incident occurred, defendant and Epps left Jordan at home with six of the children. Jordan later left as well, leaving the children home alone. After defendant returned home, one of the children stated that it appeared as though someone fell through the hole.

The defendant Tonya Peterson is charged with Count 2, the crime of Involuntary Manslaughter resulting from failure to perform a

legal duty and she was sentenced to 17 months to 15 years' imprisonment. To prove this charge the prosecutor must prove each of the four elements beyond a reasonable doubt¹⁶. Each of the other elements of involuntary manslaughter relied on the premise that defendant owed the victim a duty to "provide a safe environment." In order to establish invitee status, a plaintiff must show that the premises were held open for a commercial purpose.

The evidence showed that defendant did not charge Jordan rent to live in her home. Defendant therefore did not hold open her home to the victim and her family for a "commercial purpose," and, accordingly, they were not invitees. Although the conditions within defendant's home were undeniably dangerous, defendant did not owe the victim ... a common-law duty of affirmative care to make the home safe. On the basis of the foregoing, Michigan court of appeals concluded that in this case, after a thorough examination of the entire record, to allow the trial court's instructional error regarding the duty defendant owed to the victim to stand would result in a miscarriage of justice. Thus, reversal is warranted, and defendant is entitled to a new trial [16].

Conclusion

According to Michigan Court of Appeals, grossly negligent or intentional acts are generally superseding causes. This case falls outside the general rule regarding intentional acts because Ethan Crumbley's acts were reasonably foreseeable, and that is the ultimate test that must be applied. The district court did not abuse its discretion in determining Ethan Crumbley's decision to shoot four classmates was not a superseding cause because it "was foreseeable based on an objective standard of reasonableness."

Although neither parent was present at the school nor pulled the trigger, the charges are based on gross negligence such that the Crumbleys had knowledge of their son's mental instability and had purchased him the gun used in the shooting, that led to the death of four students at Oxford High School. According to American criminal law, manslaughter by gross negligence occurs when the offender is in breach of a duty of care towards the victim, but in this case, the prosecution charged

James and Jennifer Crumbley because they acted in a grossly negligent manner towards murderer.

Supporters of CDM statutes believe that the conditions within the family are the most predictive component of a child's behavior and that it is the responsibility of the parent to provide sufficient positive guidance to children on the importance of adhering to the values of society at large. Typically, a person who contributes to the neglect or delinquency of a minor is guilty only of a misdemeanor. The conviction of the Crumbley's doesn't fit into any of categories of traditional parental responsibility laws and is instead a first-of-its-kind extension of the manslaughter statute. The liability for lethal acts of others involves proof of the existence of felonious intent plus causal relationship between the felony and the death.

The Crumbley verdict may forge a precedent being gradually applied as a tool for prosecutors to pressure suspects into plea bargains. They "lessen the *mens rea* needed to establish guilt," and thus parents are held responsible despite not intending to allow the child to commit the crime.

NOTES

¹ "Contributing to the delinquency of a minor" (CDM).

² By 1997 seventeen States where an ordinance had been adopted, already had legislative measures in place to hold parents criminally liable for a failure to supervise their children. These parental responsibility statutes specifically cater for parental criminal liability for their children's misconduct [38, c. 5].

³ He has been charged with four counts of first-degree murder, one count of terrorism causing death, seven counts of assault with intent to murder and 12 counts of possession of a firearm in the commission of a felony [2].

⁴ 323 Mich App 526; 917 NW2d 752 (2018).

⁵ Michigan Court Rules, As amended through April 3, 2024.

⁶ "Involuntary Manslaughter".

⁷ MPC §2.01(3)(1962) (updated 1985).

⁸ "Requirement of Voluntary Act; Omission as Basis of Liability; Possession as an Act".

⁹ 79 N.Y.2d 673 (1992).

¹⁰ The defendant was charged with murder, and convicted of manslaughter. As the presence or absence of a duty relates to the question of actus reus rather than mens rea, the court's affirmation of a duty in this case would have supported a murder conviction.

¹¹ *Skinner v Square D Co*, 445 Mich 153, 164-65; 516 NW2d 475 (1994).

¹² 80 So. 2d 701 (Fla. 1955).

¹³ M.C.L. §750.321.

¹⁴ *People v. Albers*, 258 Mich. App. 578, 672 N.W.2d 336 (Mich. Ct. App. 2003).

¹⁵ *People v. Peterson*, No. 348588 (Mich. Ct. App. Jan. 28, 2021).

¹⁶ Michigan Court Rules 2.512(D), Criminal Jury Instructions 16.13.

REFERENCES

1. *A Parent's Legal Duty: The Crumbleys' Culpability for Failing to Stop a School Shooting*. URL: <https://uclawreview.org/2023/12/13/a-parents-legal-duty-the-crumbleys-culpability-for-failing-to-stop-a-school-shooting>

2. *Are Parents Criminally Responsible for the Actions of Their Child?* URL: <https://udayton.edu/magazine/2022/01/criminally-responsible.php>

3. Bourdieu P. *Esquisse d'une théorie de la pratique*. Paris, Éditions du Seuil, 2000.

4. *People of the State of Michigan v. James Robert Crumbley*. *FindLaw*, 2023. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/mi-court-of-appeals/2194468.html>

5. *Ciaramitaro v. Ruggero*, No. 350227. *Casetext Search + Citor*. URL: <https://casetext.com/case/ciaramitaro-v-ruggero>

6. *Crumbley Parents' Conviction Sets Precedent for Future School Shooting Cases*. URL: <https://mynews15.com/news/nation-world/crumbley-parents-conviction-sets-precedent-for-future-school-shooting-cases-oxford-high-school-michigan-son-ethan-victims-involuntary-manslaughter-sentencing-10-years-law-criminal-defense-attorney-weighs-in>

7. Dubber M. *An Introduction to the Model Penal Code*. Oxford, Oxford University Press, 2015.

8. *Ethan Crumbley: Parents of Michigan School Gunman Sentenced to at Least 10 Years*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-68773119>

9. *Ethan Crumbley to Appeal Life Sentence in Oxford H.S. Shooting*. URL: https://www.reddit.com/r/OxfordShooting2/comments/19d6maa/detroit_free_press_ethan_crumbley_to_appeal_life/

10. *James Crumbley, Father of School Shooter, Found Guilty of Involuntary Manslaughter*. URL: <https://www.npr.org/2024/03/14/1238641709/james-crumbley-guilty-oxford-school-shooting-involuntary-manslaughter>

11. *Jennifer Crumbley, Mother of School Shooter, Found Guilty of Manslaughter in Test of Who's*

Responsible for a Mass Shooting. URL: <https://edition.cnn.com/2024/02/06/us/jennifer-crumbley-oxford-shooting-trial/index.html>

12. *Judge Will Not Allow Michigan School Shooter to Testify in Mother's Trial if He Invokes the Fifth Amendment*. URL: <https://edition.cnn.com/2024/01/26/us/ethan-crumbley-fifth-amendment-testimony/index.html>

13. *Jury Can Only Find Jennifer Crumbley Guilty if Prosecutor Proved 1 of 2 Theories*. URL: <https://www.clickondetroit.com/news/local/2024/02/05/jury-can-only-find-jennifer-crumbley-guilty-if-prosecutor-proved-1-of-2-theories/>

14. *Michigan School Shooter Will Appeal, Advised to Not Testify at Parents' Trials*. URL: <https://www.dailynews.com/2024/01/24/lawyers-ethan-crumbley-will-appeal-advised-to-not-testify-at-parents-trials/>

15. *People v. Albers*, 258 Mich. App. 578. *Casetext Search + Citor*. URL: <https://casetext.com/case/people-v-albers-3>

16. *People v. Peterson*, No. 348588. *Casetext Search + Citor*. URL: <https://casetext.com/case/people-v-peterson-2058>

17. *Model Criminal Jury Instructions*. URL: <https://www.courts.michigan.gov/496353/siteassets/rules-instructions-administrative-orders/jury-instructions/criminal/current/criminal-jury-instructions.pdf>

18. Morris N. *Felon's Responsibility for the Lethal Acts of Others*. *University of Pennsylvania Law Review*, 1956, vol. 105 (1), pp. 50-81. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/3310249>

19. Morgridge J. *When Does Parental Liability End? Holding Parents Liable for the Acts of Their Adult Children*. *Loyola University Chicago Law Journal*, 1990, vol. 22 (1), pp. 335-359. URL: <https://loyola-chicago-law-journal.scholasticahq.com/article/76282-when-does-parental-liability-end-holding-parents-liable-for-the-acts-of-their-adult-children>

20. Nietzsche F. *Ainsi Parlait Zarathoustra*. Whitefish, Kessinger Publishing, 2010.

21. *Oxford Shooter Ethan Crumbley Seeks Appeal While Parents Face Charges in Emotional Courtroom Saga*. URL: <https://hoodline.com/2024/01/oxford-shooter-ethan-crumbley-seeks-appeal-while-parents-face-charges-in-emotional-courtroom-saga/>

22. *Parental Responsibility Laws*. URL: https://ojjdp.ojp.gov/sites/g/files/xyckuh176/files/pubs/reform2/ch2_d.html

23. *Parental Responsibility Laws in Minnesota*. URL: <https://www.nolo.com/legal-encyclopedia/minnesota-parental-responsibility-laws.html#:~:text=%22A%20parent%20is%20under%20a,to%20control%20his%20child%2C%20and>

24. *Parents of Teenager Charged in Michigan Shooting to Stand Trial*. URL: <https://beta.creativecirclecdn.com/cortland/files/20220301-180158-2.25.2022.pdf>

25. *People of Michigan v. James Robert Crumbley*. URL: https://www.courtlistener.com/opinion/9386388/people-of-michigan-v-james-robert-crumbley/?q=Crumbley%202023&type=o&order_by=score%20desc&stat_Precedential=on

26. *People of Michigan v. Jennifer Lynn Crumbley*. URL: https://www.courts.michigan.gov/495705/siteassets/case-documents/uploads/opinions/final/coa/20230323_c362210_69_362210.opn.pdf

27. *People v. Crumbley*. URL: <https://casetext.com/case/people-v-crumbley-9>

28. *People of the State of Michigan, Plaintiff-Appellee, v. Karen Sue Albers, Defendant-Appellant*. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/mi-court-of-appeals/1323871.html>

29. Reid A. *A Philosophy of Gun Violence*. Cham, Springer, 2022.

30. Russell J. Nietzsche, Psychoanalysis, Nihilism. Govrin A., Caspi T., eds. *The Routledge International Handbook of Psychoanalysis and Philosophy*. London, Routledge, 2023, pp. 56-67.

31. Sbeglia C., Randolph I., Cavanagh C. *Parental Legal Culpability in Youth Offending*. *Annual Review of Criminology*, 2024, vol. 7 (1), pp. 403-416. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-criminol-022422-121250>

32. *Schrodinger's Child: The Curious Case of Ethan Crumbley*. URL: <https://www.counterpunch.org/2024/02/09/schrodingers-child-the-curious-case-of-ethan-crumbley/>

33. *Sentencing Council*. URL: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/news/item/manslaughter-explained/>

34. Slavković V. *School Shootings Perpetrated by the Minors and Extended Juvenile Jurisdiction*. *Vestnik juridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta* [Bulletin of the Law Faculty, SFEDU], 2023, vol. 10 (4), pp. 103-119. URL: <http://urvestnikpravo.sfedu.ru/index.php/Vestnikurfaksfedu/issue/view/25/255>

35. Slavković V. *Comparative Legal Analysis of Complicity in a Crime*. *Czasopismo Prawa Karnego i Nauk Penalnych*, 2021, vol. 25 (3), pp. 139-160. URL: <https://www.czpk.pl/index.php/zeszyty-archiwum/vukan-slavkovic-comparative-legal-analysis-of-complicity-in-a-crime>

36. Slavković V. *Murder Motivated by a Jealousy in Comparative Criminal Law*. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow University named after S. Yu Witte. Series 2: Legal Sciences], 2020, vol. 25 (3), pp. 77-88. URL: <https://>

vestnik-muiv.ru/upload/iblock/dc6/dc600c95ee0912959d65c7a0a9f2739e.pdf

37. *Stanford's Robert Weisberg on Involuntary Manslaughter Conviction of School Shooter's Parents*. URL: <https://law.stanford.edu/2024/03/18/stanfords-robert-weisberg-on-involuntary-manslaughter-conviction-of-school-shooters-parents/>

38. The American Law Institute. *Model Penal Code, Official Draft and Explanatory Notes*. Philadelphia, The American law institute, 1985.

39. Van der Bijl C. Parental Criminal Responsibility for the Misconduct of Their Children: A Consideration. *PER*, 2018, vol. 21 (1), pp. 1-21. DOI: <https://doi.org/10.17159/1727-3781/2018/v21i0a1685>

40. *5th Amendment US Constitution – Rights of Persons*. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CONAN-1992/pdf/GPO-CONAN-1992-10-6.pdf>

41. 750.321 and 750.322 - Manslaughter. *Grabel & Associates – MI Criminal Lawyers*. URL: <https://www.grabellaw.com/750-321-and-750-322-manslaughter.html>

Information About the Author

Vukan Slavković, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, College of Criminalistics and Security, Bulevard Svetog cara Konstantina, 80-84, 18000 Niš, Serbia; University of Montenegro, Stari grad br. St. 320, 85330 Kotor, Montenegro, vukan.s@ucg.ac.me, <https://orcid.org/0000-0002-0151-464X>

Информация об авторе

Вукан Славкович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Колледж криминалистики и безопасности, Булевар Светог цара Константина, 80-84, 18000 г. Ниш, Сербия; Университет Черногории, ул. Старый град бр., 320, 85330 г. Котор, Черногория, vukan.s@ucg.ac.me, <https://orcid.org/0000-0002-0151-464X>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.19>

UDC 347.53
LBC 67.404.2

Submitted: 28.03.2024
Accepted: 20.04.2024

THE CONCEPT OF CIVIL LIABILITY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN CASE OF HARM IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KYRGYZ REPUBLIC

Bayan R. Rysbekova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: the scientific paper **aims** to formulate the concept and specifics of civil liability of internal affairs bodies arising from harm caused as a result of the performance of official duties, in accordance with the norms of the current legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. The relevance of this topic is mediated both by the significance of the problem raised and by the need for a comparative analysis of the legislation of the two countries to identify positive and negative trends in the legal regulation of harm compensation by law enforcement agencies. **Methods:** in the preparation of the study, a comparative law method was used, which made it possible to identify the differences in the legal regulation of relations between the Russian Federation and the Kyrgyz Republic; a systematic approach; and the methods of axiomatic, functional research. **Results:** the study analyzes the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. The possibilities of using the positive experience of the two states when making changes to the current civil legislation are considered. The problem of limiting the responsibility of internal affairs bodies is analyzed. Various approaches by the authors to solving this problem are investigated. **Conclusions:** the concept of civil liability is formulated, which is based on the differentiation of the concepts of sanctions and liability, as well as taking into account the need for the harmer to undergo additional negative consequences and responsibilities. The necessity of making changes to the current civil legislation is justified.

Key words: civil liability, tort liability, harm, internal affairs bodies, officials, civil penalties, liability conditions.

Citation. Rysbekova B.R. The Concept of Civil Liability of Internal Affairs Bodies in Case of Harm in the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 148-155. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.19>

УДК 347.53
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 28.03.2024
Дата принятия статьи: 20.04.2024

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Баян Рысбековна Рысбекова

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в научной статье ставится **цель** сформулировать понятие и специфику гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел, возникающей при причинении вреда в результате исполнения служебных обязанностей, в соответствии с нормами действующего законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики. Актуальность данной темы опосредована как значимостью поднятой проблемы, так и необходимостью проведения сравнительного анализа законодательств двух стран для выявления позитивных и негативных тенденций правового регулирования возмещения вреда правоохранительными органами. **Методы:** при подготовке исследования использовались сравнительно-правовой метод, позволивший выявить различия в правовом регулировании отношений между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой; системный подход; методы аксиоматического, функционального исследования. **Результаты:** в исследовании проведен анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики. Рассмотрены возможности использования положительного опыта двух государств при внесении изменений в действующее гражданское законодательство. Проанализирована проблема ограничения ответственности органов внутренних дел. Исследованы различные подходы авторов к решению указанной проблемы. **Выводы:** сформулировано понятие гражданско-правовой ответственности, имеющее в основе разграничение понятия санкции и ответственности, а также учитывающее необходимость претерпевания причинителем вреда дополнительных негативных последствий и несение обязанностей. Обоснована необходимость внесения изменений в действующее гражданское законодательство.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, деликтная ответственность, вред, органы внутренних дел, должностные лица, гражданско-правовые санкции, условия ответственности.

Цитирование. Рысбекова Б. Р. Понятие гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел при причинении вреда в Российской Федерации и Кыргызской Республике // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 148–155. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.19>

Введение

Институт гражданско-правовой ответственности имеет большое значение для реализации принципа законности, неотвратимости наказания независимо от статуса, места работы или службы, должностных обязанностей причинителя вреда. Возможность привлечения к ответственности органов государственной власти, их должностных лиц, в том числе органов внутренних дел и их сотрудников, является важным государственным инструментом, направленным на защиту прав и свобод граждан и иных субъектов гражданского права.

Важность появления норм о возможности гражданско-правовой ответственности сотрудников органов внутренних дел и их должностных лиц определяется тем, что их деятельность зачастую связана с использованием источников повышенной опасности (оружие, транспортные средства), с другими факторами, влияющими на возможность причинения вреда.

К сожалению, в процессе осуществления ими своих полномочий может причиняться вред охраняемым и гарантируемым Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ), а также Конституцией Кыргыз-

ской Республики (далее – Конституция КР) правам и свободам человека и гражданина.

Теоретико-правовые предпосылки формирования понятия гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел и их должностных лиц

Правовую основу частно-правовой ответственности за вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами, в том числе органами внутренних дел, в России составляет Конституция РФ, которая в ст. 53 закрепляет право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Указанное конституционное положение детализируется правилами ст. 16 и 1069 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

Схожие положения содержатся в Конституции КР от 5 мая 2021 года. Вышеназванное право помещено в разделе 2 Конституции КР «Права, свободы и обязанности человека и гражданина», следовательно, является одним из основополагающих прав и обеспечивается прямым действием основного закона на территории страны.

Анализируя положения Гражданского кодекса Кыргызской Республики (далее – ГК КР), следует отметить две основные тенденции. С одной стороны, законодательство содержит те же общие принципы правового регулирования отношений, возникающих вследствие причинения вреда органами государственной власти, в том числе правоохранительными органами, как и в РФ.

С другой стороны, несмотря на то что и гражданское законодательство Кыргызской Республики, и гражданское законодательство Российской Федерации указывают на одно условие ответственности – незаконное поведение (ст. 999 ГК КР и ст. 1070 ГК РФ), содержательное наполнение у них разное.

Однако следует обратить внимание, что в ГК КР и ГК РФ понятия законодательства различаются. Так, в соответствии с п. 4 ст. 2 ГК КР в категорию законодательства включаются такие источники, как сам Гражданский кодекс, законы и иные нормативные правовые акты, международные договоры и пр. В свою очередь, в ГК РФ, в п. 2 ст. 3 указывается, что законодательство состоит только из ГК РФ и федеральных законов [4].

Таким образом, понятие законодательства в ГК КР шире понятия законодательства в ГК РФ. Соответственно, в Российской Федерации ответственность органов внутренних дел и их должностных лиц, как и ответственность иных органов власти, ограничена нарушением только норм, заложенных в федеральных законах, в том числе ГК РФ [3]. В Кыргызской Республике более широкий подход, где в качестве источников права рассматриваются не только законы, но и иные нормативные правовые акты и международные договоры.

Далее мы, говоря о гражданском законодательстве, будем вести речь в контексте понимания той страны, анализ законодательства которой проводится. То есть, говоря о кыргызском законодательстве, будем понимать его в широком смысле, а говоря о российском – в узком.

Перед наукой гражданского права стоят задачи разрешения ряда теоретических вопросов, касающихся правовой природы частноправовой ответственности правоохранительных органов. Для анализа вышеупомяну-

той категории необходимо в первую очередь рассмотреть общие подходы к пониманию гражданско-правовой ответственности. Следует отметить, что понятие частноправовой ответственности вызывает дискуссии в цивилистике, разные авторы представляют различные точки зрения.

Разнообразны точки зрения, представленные в цивилистической литературе относительно понятия и сущности гражданско-правовой ответственности. Можно выделить узкий и широкий подход к указанной проблеме. Одни ученые, представители узкого подхода, связывают гражданско-правовую ответственность с наступлением негативных последствий для причинителя вреда [7]. Другие, сторонники широкого подхода, считают, что негативные последствия должны быть связаны дополнительным бременем, несение которого обусловлено причиненным вредом, а также может быть связано с лишением права [8].

Последнее из представленных определений имеет, по нашему мнению, ряд достоинств. Автор указывает на такие существенные признаки гражданско-правовой ответственности, как наличие негативных последствий, а также делит их на группы в зависимости от содержания этих последствий, выделяя при этом наложение дополнительного бремени (то есть выполнение действий – обязанности), и напротив, лишения права (то есть запрета на совершение действий).

Соглашаясь с умозаключениями автора, следует отметить, что в основе понимания гражданско-правовой ответственности должно лежать основание (юридический факт), которое запускает динамику деликтного правоотношения. При этом полагаем, что гражданско-правовая ответственность должна рассматриваться не как процесс несения бремени неблагоприятных последствий, то есть акцент должен быть сделан на активное поведение субъекта, на наличие и исполнение обязанности, связанной с возмещением вреда. Указанный подход позволит рассматривать наступление гражданско-правовой ответственности в рамках категории обязательства (как это и делает законодатель).

Думается, что подобное установление должно осуществляться от имени государства и быть легализованным в законодательстве.

Соотношение понятий гражданско-правовой ответственности и санкции

В науке гражданского права поднимается вопрос о соотношении ответственности и санкции. В теории санкция рассматривается, как собирательное понятие, которое включает в себя следующие элементы: собственно меры ответственности (совокупность неблагоприятных последствий); меры превентивного характера, направленные на предупреждение правонарушений (меры охраны); меры защиты, применяемые после нарушения субъективного гражданского права [7, с. 111].

Безусловно, данная позиция имеет ряд положительных моментов. Автор представил собирательное понятие, в которое включил не только меры ответственности, но и превентивные и защитные меры. Несмотря на то что мы в целом поддерживаем высказанную позицию, хочется отметить, что исполнение обязанности по обязательству – это не есть санкция, это нормальный ход развития гражданского правоотношения (как до нарушения, так и после). Обязанности и исполнение обязательства входят в содержание самого обязательства. И при нормальном развитии обязательственного правоотношения обязанность должна исполняться в его рамках. В свою очередь, меры предупредительного воздействия не могут включаться в санкцию, как неблагоприятное последствие совершенного правонарушения, так как выполняют иную функцию. Они служат предупреждению совершения правонарушения. Считаем, что для целей гражданского права санкция представляет собой только меру ответственности, а все прочие аспекты санкций относятся к предупреждению и восстановлению нарушенного права.

В цивилистической науке существует подобный подход, где санкция отличается от понятия ответственности и является собой неблагоприятные последствия для причинителя вреда [4, с. 27].

Мы считаем такой подход более оправданным, так как он не допускает смешения различных категорий. При традиционной трактовке санкции, гражданско-правовая ответственность поглощает понятие санкции. В этом случае гражданско-правовая ответ-

ственность представляет собой, по сути, применение от имени государства санкции к лицу за совершенное им противоправное действие или бездействие, то есть поведение, нарушающее нормы гражданского законодательства, иных нормативных правовых актов, и нарушающее субъективные права и законные интересы участников гражданских правоотношений.

Можно предположить, что расширение объема и содержания категории «санкция» применительно к гражданскому праву обусловлено общей диспозитивной направленностью рассматриваемой отрасли, в том числе возможностью участников правоотношений самостоятельно предусмотреть санкции за нарушение, к примеру, в заключенных ими договорах, как актах индивидуального регулирования. И этот аспект должен учитываться в определении гражданско-правовой ответственности. Однако мы считаем, что проявление диспозитивности не должно искусственно размывать границы юридических понятий, тем более таких, которые сопряжены для участников правоотношений с определенными отрицательными последствиями.

Диспозитивность свойственна всем институтам гражданского права, в том числе и институту деликтной ответственности. Принцип диспозитивности в деликтных обязательствах связан с тем, что потерпевший может как обратиться за возмещением причиненного вреда, так и нет, это зависит в подавляющем большинстве случаев от воли и волеизъявления лица, которое полагает свое право нарушенным. Таким образом, потерпевший решает, будет ли исполнено возникшее обязательство из причинения вреда в силу того, что может как предъявить требования о возмещении вреда, так и не предъявлять его. Лишь в определенных случаях, когда законом установлена обязанность публичных органов власти выступить в защиту субъективных прав и охраняемых законом интересов отдельных категорий лиц, применение гражданско-правовых санкций поставлено в зависимость не от воли лица, которому причинен вред, а от прямого указания на то в нормативном акте.

Таким образом, используя вышеуказанное определение гражданско-правовой ответственности, а также итоги рассуждений о соотношении ответственности и санкции, мож-

но сформулировать следующее определение гражданско-правовой ответственности как родового понятия: гражданско-правовая ответственность – это предусмотренная нормативными правовыми актами, а также индивидуальными актами правового регулирования (например, договором) обязанность субъекта, нарушившего субъективное гражданское право при исполнении обязательства ненадлежащим образом, претерпевать дополнительные негативные последствия, в том числе отказ в защите права.

Указанный подход будет использован нами при рассмотрении вопроса о сущности частноправовой ответственности органов внутренних дел и их должностных лиц.

Специфика гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел и их должностных лиц

Гражданско-правовая ответственность органов внутренних дел и их должностных лиц в обеих странах относится к категории деликтной ответственности и представляет собой ответственность за причинение вреда, сущность которой заключается в том, что причинитель вреда обязуется исполнить обязанность – возместить потерпевшему причиненный вред [9, с. 12].

Таким образом, гражданско-правовая ответственность органов внутренних дел и их должностных лиц предусматривает, что на виновное лицо возлагается конкретная санкция, проявляющаяся в обязанности претерпеть негативные имущественные последствия в виде возмещения вреда. Здесь надо учитывать, что такая ответственность носит внедоговорной характер и, соответственно, возникает не только из гражданско-правовых юридических фактов, но и из публичных оснований, предусмотренных в нормативных правовых актах.

Следует заметить, что в некоторых источниках вопрос о правовой природе ответственности правоохранительных органов в случае причинения ими вреда рассматривается за рамками отрасли гражданского права.

В частности, представители широкого подхода полагают, что при нарушении субъективного права ущемляется целый комплекс

прав, не связанных только с одной отраслью права [11, с. 11]. Другие авторы отстаивают позиции об отношении различных видов деликтных обязательств правонарушений к различным отраслям права. Так, на принадлежность к трудовым правоотношениям в ряде случаев указывает Е.А. Флейшиц [12, с. 13]. Б.Т. Безлепкин [1, с. 123], Л.А. Прокудина [11, с. 13] отстаивают позицию об уголовно-процессуальной природе некоторых из возникших правоотношений. В рамках отрасли конституционного права предлагает решать данную проблему Л.В. Бойцова [2, с. 23].

Подобное многообразие точек зрения на правовую природу ответственности объясняется тем, что органы государственной власти и их должностные лица могут в ходе своей деятельности причинить вред самым различным правам и законным интересам гражданина. Поскольку в указанных правоотношениях возникает обязанность претерпевания неблагоприятных имущественных, а не личностных последствий, что свидетельствует о компенсаторной направленности ответственности [5, с. 25], в результате которой предполагается полное восстановление нарушенных прав, а также учитывая, что в результате совершенного правонарушения возникает обязательство по возмещению вреда, входящее в предмет гражданско-правового регулирования, следует говорить сугубо о гражданско-правовой ответственности. Наличие таких элементов в основании гражданского правонарушения, как уголовное преступление, трудовой проступок или пр., не меняет природы возникшего правоотношения на иную, так как эти юридические факты, являясь толчком к возникновению гражданско-правовой ответственности, в дальнейшем не оказывают влияние на условия ее наступления.

Гражданско-правовая ответственность органов внутренних дел и их сотрудников должна определяться признаками, характерными для гражданско-правовой ответственности государственных органов и должностных лиц, и рассматриваться как ее разновидность [10, с. 14]. Следовательно, она носит имущественный характер, при этом сама по себе противоправность (противоречие нормам права) не влияет на возникновение правоотношения (как, например, в уголовном и других отраслях права). Для возникновения ответственности достаточно причи-

нить вред. При причинении вреда сотрудником органов внутренних дел возникает два рода правовых последствий. Первое возникает тогда, когда сотрудник не исполняет свои служебные обязанности, в этом случае для сотрудника наступают общеправовые последствия. Если сотрудник находился при исполнении, то наступает специальная ответственность.

При этом возмещение вреда независимо от его вида (моральный или имущественный) всегда носит имущественный характер. Также следует обратить внимание на то, что закон допускает компенсацию ущерба, причиненного сотрудниками органов внутренних дел правомерными действиями (п. 37 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»)).

Спецификой гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел и их сотрудников, как и иных государственных органов и их должностных лиц, является то, что возмещение происходит из казны государства (ст. 1070 ГК РФ, ст. 998, 225, 227 ГК КР). В этом отношении нормы Российской Федерации и Кыргызской Республики идентичны.

Сравнивая законодательства двух стран (Российской Федерации и Кыргызской Республики), необходимо отметить, что есть некоторые отличия в правовом регулировании порядка возмещения причиненного вреда органами государственной власти и их должностными лицами. Сравнительный анализ статей ГК РФ и ГК КР показал, что в отличие от норм ГК РФ в ГК КР не содержится нормы об органах и лицах, которые выступают от имени казны при возмещении вреда за ее счет. Так, в ГК РФ такие органы установлены в ст. 1071 ГК РФ. Полагаем, что в ГК КР также необходимо внести статью, указывающую на органы, к которым следует предъявлять требования о возмещении вреда, причиненного государственными органами и их должностными лицами. Такой подход позволит упростить правоприменительный механизм, обеспечив понятность и прозрачность закона, что будет способствовать наибольшей защите прав и законных интересов субъектов права, пострадавших в результате причинения вреда органами внутренних дел и их сотрудниками.

Предлагается дополнить ГК КР ст. 999.1 следующего содержания:

«Статья 999.1. Органы и лица, выступающие от имени казны при возмещении вреда за ее счет.

В случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом или другими законами причиненный вред подлежит возмещению за счет государственной казны или казны местного сообщества, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если законом эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина».

Спецификой ответственности за причинение вреда в исследуемых правоотношениях является наличие особого субъекта – должностного лица, а именно сотрудника органа внутренних дел.

ГК РФ, как и ГК КР, не дают легального определения должностного лица. В РФ на практике используется понятие, данное в ст. 285 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), где выделяется две категории должностных лиц: исполняющее функции представителя власти или выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции как в органах власти, так и в государственных и муниципальных учреждениях, вооруженных силах и пр.

В Кыргызской Республике понятие должностного лица более широкое. Наряду с перечисленными в ст. 285 УК РФ функциями добавлены контрольно-ревизионные и (или) регистрационные функции (п. 10 Приложения 1 к Уголовному кодексу КР (далее – УК КР)). При этом Приложение № 1 к УК КР подробно раскрывает понятие организационно-распорядительных, административно-хозяйственных, контрольно-ревизионных и регистрационных функций, что формирует единую терминологию и позволяет формировать единую практику применения, что является положительным моментом действующего законодательства Кыргызской Республики.

В Российской Федерации (в ФЗ «О полиции») и Кыргызской Республике (в Законе Кыргызской Республики «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики» от 11 января 1994 г. № 1360-ХII) органы внутренних дел определяются сходным образом, как государственные органы, осуществляющие правоохранительную деятельность. Цель указанной

деятельности определяется как охрана и защита прав государства, общества, физических и юридических лиц, в том числе обеспечение общественного порядка и борьба с преступностью [6, с. 426].

Пункт 24 Закона Кыргызской Республики «О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики» подробно раскрывает понятие сотрудника права и обязанности, а также ограничения и запреты, установленные законом. В связи с этим ОВД и сотрудники ОВД могут быть субъектами ответственности в случае незаконных действий при исполнении своих обязанностей или бездействии, то есть неисполнении должностных полномочий.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, законодательство Кыргызской Республики содержит более широкую дефиницию, отличающуюся от российской тем, что государственные, в том числе правоохранительные органы, претерпевают неблагоприятные последствия, предусмотренные законом как при нарушении норм, заложенных в законах, так и в подзаконных правовых актах, а также международных договорах. Помимо этого, кыргызский законодатель предлагает и более широкий подход к пониманию должностного лица, являющегося субъектом ответственности. Во-вторых, механизмы осуществления права на возмещение вреда более четко прописаны в гражданском законодательстве России, в силу этого предлагается внести изменение в действующее законодательство Кыргызской Республики. В-третьих, сформулировано понятие гражданско-правовой ответственности, имеющее в основе разграничение понятия санкции и ответственности, а также учитывающее необходимость претерпевания причинителем вреда дополнительных негативных последствий и несение обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безлепкин, Б. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук / Безлепкин Борис Тимофеевич. – М., 1981. – 356 с.

2. Бойцова, Л. В. Ответственность государства за ущерб, причиненный гражданам в сфере правосудия: генезис, сущность, тенденция развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Бойцова Любовь Валентиновна. – М., 1995. – 34 с.

3. Дерюгина, Т. В. Гражданское право. Общая часть : учебник / Т. В. Дерюгина, А. В. Тумаков, Л. А. Чеговадзе. – М. : Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя. – 2023. – 324 с.

4. Дерюгина, Т. В. О гражданско-правовых формах противоправности как условия возмещения вреда, причиненного в процессе хозяйственной деятельности / Т. В. Дерюгина, Л. А. Чеговадзе // Хозяйство и право. – 2023. – № 1 (552). – С. 25–34.

5. Дерюгина, Т. В. О компенсаторных обязательствах и их месте в системе гражданско-правовых обязательств / Т. В. Дерюгина // Гражданское право. – 2021. – № 6. – С. 24–27.

6. Исраилова, А. Т. Гражданско-правовая ответственность должностных лиц органов государственной власти / А. Т. Исраилова // Научный альманах. – 2017. – № 4-1 (30). – С. 420–426.

7. Кокорин, И. С. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный применением физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кокорин Игорь Сергеевич. – СПб., 2006. – 215 с.

8. Королев, И. И. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда / И. И. Королев. – М. : Статут, 2014. – 136 с.

9. Кузбагаров, А. Н. Обязательства вследствие причинения вреда сотрудниками органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кузбагаров Асхат Назаргалиевич. – СПб., 1998. – 182 с.

10. Малышева, Н. А. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Малышева Наталья Александровна. – М., 2021. – 206 с.

11. Прокудина, Л. А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов: научно-практический комментарий / Л. А. Прокудина. – М. : Юридическое бюро «Городец», 1997. – 197 с.

12. Флейшиц, Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения / Е. А. Флейшиц. – М., 1951. – 205 с.

REFERENCES

1. Bezlepkin B.T. *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo grazhdaninu v ugovolnom sudoproizvodstve: dis. ... d-ra yurid. nauk*

[Compensation for Harm Caused to a Citizen in Criminal Proceedings. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1981. 356 p.

2. Bojcov L.V. *Otvetstvennosti gosudarstva za ushcherb, prichinennyj grazhdanam v sfere pravosudiya: genezis, sushchnost, tendenciya razvitiya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Responsibility of the State for Damage Caused to Citizens in the Field of Justice: Genesis, Essence, Development Trend. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 1995. 34 p.

3. Deryugina T.V., Tumakov A.V., Chegovadze L.A. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast: uchebnyk* [Civil Law. General Part: Textbook]. Moscow, Mosk. un-t MVD Rossii im. V.Ya. Kikoty, 2023. 324 p.

4. Deryugina T.V., Chegovadze L.A. O grazhdansko-pravovyh formah protivopravnosti kak uslovii vozmeshcheniya vreda, prichinennogo v processe hozyajstvennoj deyatel'nosti [On Civil Legal Forms of Wrongfulness as a Condition for Compensation for Harm Caused in the Process of Economic Activity]. *Hozyajstvo i pravo* [Economy and Law], 2023, no. 1 (552), pp. 25-34.

5. Deryugina T.V. O kompensatornyh obyazatelstvakh i ih meste v sisteme grazhdansko-pravovyh obyazatelstv [On Compensatory Obligations and Their Place in the System of Civil Obligations]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2021, no. 6, pp. 24-27.

6. Israilova A.T. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost dolzhnostnyh lic organov gosudarstvennoj vlasti [Civil Liability of Officials of Public Authorities]. *Nauchnyj almanah* [Scientific Almanac], 2017, no. 4-1 (30), pp. 420-426.

7. Kokorin I.S. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost za vred, prichinennyj primeneniem fizicheskoy sily, specialnyh sredstv i oruzhiya*

sotrudnikami organov vnutrennih del: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03 [Civil Liability for Harm Caused by the Use of Physical Force, Special Means and Weapons by Employees of Internal Affairs Bodies. Cand. jurid. sci. diss. 12.00.03]. Saint Petersburg, 2006. 215 p.

8. Korolev I.I. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost za vred, prichinennyj nezakonnymi dejstviyami organov doznaniya, predvaritel'nogo sledstviya, prokuratury i suda* [Civil Liability for Harm Caused by Illegal Actions of the Bodies of Inquiry, Preliminary Investigation, Prosecutor's Office and Court]. Moscow, Statut Publ., 2014. 136 p.

9. Kuzbagarov A.N. *Obyazatelstva vsledstvie prichineniya vreda sotrudnikami organov vnutrennih del: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03* [Liabilities Due to Harm Caused by Employees of Internal Affairs Bodies. Cand. jurid. sci. diss. 12.00.03]. Saint Petersburg, 1998. 182 p.

10. Malysheva N.A. *Kompensatsiya ushcherba, prichinennogo pravomernymi dejstviyami gosudarstvennyh organov: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03* [Compensation for Damage Caused by Lawful Actions of Government Bodies. Cand. jurid. sci. abs. diss. 12.00.03]. Moscow, 2021. 206 p.

11. Prokudina L.A. *Vozmeshchenie ushcherba, prichinennogo nezakonnymi dejstviyami pravoohranitel'nyh organov: nauchno-prakticheskij kommentarij* [Compensation for Damage Caused by Illegal Actions of Law Enforcement Agencies: Scientific and Practical Commentary]. Moscow, Yuridicheskoe byuro «Gorodec», 1997. 197 p.

12. Flejshic E.A. *Obyazatelstva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya* [Obligations Resulting from Causing Harm and from Unjust Enrichment]. Moscow, 1951. 205 p.

Information About the Author

Bayan R. Rysbekova, Junior Scientific Assistant, Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Akademika Volgina St, 12, 117997 Moscow, Russian Federation, b.rysbekova.00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3749-0137>

Информация об авторе

Баян Рысбековна Рысбекова, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117997 г. Москва, Российская Федерация, b.rysbekova.00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3749-0137>

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.20>

UDC 343.1
LBC 67.410.2

Submitted: 07.03.2024
Accepted: 30.03.2024

THE IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE MECHANISM FOR SELECTING AND APPLYING A MEASURE OF RESTRAINT IN THE FORM OF PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS

Marina V. Romashova

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Ryazan, Russian Federation

Introduction: the court's choice to prohibit certain actions corresponds to the general trend of humanization and liberalization of criminal procedure legislation and the more active application of measures of restraint not related to the detention of a person. The relevance of the issue of imposing prohibitions on certain actions in accordance with Art. 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is also determined by the need to restrict the constitutionally significant rights and freedoms of citizens suspected or accused of crimes in order to create conditions for unhindered judicial proceedings, which are ensured by judicial control and other legal guarantees of fairness and proportionality of the chosen prohibitions. The **purpose** of the study is to eliminate doubts and ambiguities that arise when selecting and applying a prohibition on certain actions and to formulate proposals for improving the legal regulation of the measure of restraint in question. In the course of the study, such methods of cognition as formal legal in the form of studying the norms of law, specifically sociological and comparative law, were applied. **Results:** the paper formulates proposals to improve the criminal procedure mechanism for selecting and applying a prohibition on certain actions. **Conclusions:** the recommendations set out in the paper are aimed at developing uniform investigative and judicial practice and can be used in the educational process when teaching criminal procedure sciences, as well as in the practical activities of preliminary investigation officers, prosecutors, and courts.

Key words: measures of restraint, prohibition of certain actions, right to personal freedom, preliminary investigation, criminal proceedings.

Citation. Romashova M.V. The Improvement of the Criminal Procedure Mechanism for Selecting and Applying a Measure of Restraint in the Form of Prohibition of Certain Actions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 156-163. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.20>

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Марина Владимировна Ромашова

Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
г. Рязань, Российская Федерация

Введение: избрание судом запрета определенных действий соответствует общей тенденции гуманизации и либерализации уголовно-процессуального законодательства и более активного применения мер пресечения, не связанных с содержанием лица под стражей. Актуальность вопроса наложения запретов совершения определенных действий в соответствии со ст. 105.1 УПК РФ определяется также необходимостью ограничения конституционно значимых прав и свобод граждан, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, для создания условий беспрепятственного судопроизводства, что обеспечивается судебным контролем и иными правовыми гарантиями справедливости и соразмерности избранных запретов.

Цель: устранить сомнения и неясности, возникающие при избрании и применении запрета определенных действий, и сформулировать предложения по совершенствованию правовой регламентации рассматриваемой меры пресечения. В процессе работы были применены такие **методы** познания, как формально-юридический в виде исследования норм права, конкретно-социологический и сравнительно-правовой. **Результаты:** в статье сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального механизма избрания и применения запрета определенных действий. **Выводы:** рекомендации, изложенные в статье, направлены на выработку единообразной следственной и судебной практики и могут быть использованы в образовательном процессе в ходе преподавания дисциплин уголовно-процессуального цикла, а также в практической деятельности сотрудников органов предварительного расследования, прокуратуры и судов.

Ключевые слова: меры пресечения, запрет определенных действий, право на личную свободу, предварительное расследование, уголовное судопроизводство.

Цитирование. Ромашова М. В. Совершенствование уголовно-процессуального механизма избрания и применения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 156–163. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.20>

Введение

Одной из наиболее актуальных тенденций в области права в течение двух последних десятилетий была и остается гуманизация уголовного и уголовно-процессуального закона, а также правоприменительной практики. Результатом государственной политики либерализации уголовного судопроизводства, а также стремления усовершенствовать законодательство с учетом наиболее успешных наработок, явилось расширение сферы применения мер пресечения, альтернативных содержанию под стражей, в том числе путем избрания запрета определенных действий. Анализ практики законодательных и судебных органов позволяет с большой долей вероятности говорить о том, что темпы гуманиза-

ции снижаться не будут в соответствии с первоочередной задачей уголовного процесса, выражающейся в охране прав и свобод участников судопроизводства [3, с. 567]. О планомерной работе в данном направлении свидетельствуют результаты деятельности судебных органов различных инстанций, в том числе Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, влияющих на тенденции правоприменения и контролирующих соблюдение прав и свобод участников процесса, баланса интересов сторон, требований адекватности и справедливости при выборе меры пресечения, а также при назначении указанных в законе запретов совершения определенных действий.

Ограничения и обязательства, указанные законодателем в ст. 105.1 УПК РФ, неизбежно затрагивают конституционные права граж-

данина, связанные с личной свободой, выбором места пребывания, возможностью передвижения, общения, переписки, телефонных и иных переговоров, а также осуществления трудовой деятельности и получения заработной платы, что свидетельствует об особой важности и серьезности меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Анализ судебно-следственной практики отражает стремительный рост числа лиц, которым избран запрет определенных действий, в связи с чем его появление можно признать своевременным шагом на пути гуманизации судопроизводства и совершенствования института мер пресечения [2, с. 16]. Вместе с тем недостаточная мотивированность и нарушения законности органами предварительного расследования влекут оставление судом ходатайств без удовлетворения, а также жалобы по конкретным уголовным делам и обращения в Конституционный Суд РФ для исследования положений статьи 105.1 УПК РФ на предмет соответствия нормам основного закона государства. Неясности возникают в связи с несовершенством правовой конструкции названной статьи, в тексте которой используются нечеткие формулировки и необоснованно отсутствуют процессуальные сроки для всех видов запретов и меры пресечения в целом.

Указанные обстоятельства в совокупности свидетельствуют об актуальности вопроса избрания и дальнейшего применения запрета определенных действий и необходимости комплексного исследования данного элемента правового института мер пресечения для устранения существующих неясностей и выработки единообразной, законной и справедливой судебно-следственной практики.

Общие положения избрания и применения меры пресечения в виде запрета определенных действий

Суть меры пресечения в виде запрета определенных действий выражается в возложении на подозреваемого, обвиняемого указанных в тексте ст. 105.1 УПК РФ обязательств и ограничений как в полном объеме, так и выборочно, с учетом конкретных обстоятельств совершения преступления и поведе-

ния лица на досудебном этапе и в ходе судебного разбирательства.

Поскольку зафиксированные в законе запреты в значительной степени затрагивают конституционные права граждан, то соблюдение принципа справедливости и адекватности обеспечивается судебным контролем. Именно на суд возлагается обязанность оценить достаточность представленных материалов в обоснование законности и необходимости избрания меры пресечения с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и требования соразмерности меры пресечения ее целям [8].

Официальные данные судебной статистики свидетельствуют о широком применении рассматриваемой меры процессуального принуждения. Так, за 6 месяцев 2023 г. суды рассмотрели 2 186 ходатайств об избрании запрета определенных действий, из них 1 936 удовлетворено, что составляет 89 %. При этом 186 ходатайств (8,5 %) были недостаточно обоснованы и мотивированы, что повлекло отказ в их удовлетворении. За аналогичный период 2022 г. было рассмотрено 1 635 подобных ходатайств, в связи с чем прирост в 2023 г. составил 34 %. Кроме того, в первом полугодии 2023 г. зафиксировано 278 случаев замены заключения под стражу или домашнего ареста на запрет определенных действий, что свидетельствует о востребованности данной меры пресечения и целесообразности ее добавления в правовой институт мер процессуального принуждения.

За 6 месяцев 2023 г. в отношении 73 лиц запрет определенных действий был заменен на заключение под стражу, в отношении 2 лиц – на домашний арест [9], что свидетельствует о нарушении наложенных ограничений и необходимости более тщательного исследования обстоятельств уголовного дела и данных, характеризующих подозреваемого, обвиняемого, при решении вопроса о мере пресечения.

Анализ правоприменительной практики позволил выявить случаи нарушения запрета выходить за пределы жилого помещения, а также умышленного повреждения технических средств контроля [5], поэтому в случае необходимости в целях беспрепятственного осуществления расследования и предупреждения совершения новых преступлений судам следует заключать лицо под стражу, несмотря

на общую тенденцию гуманизации и либерализации уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. Таким образом, либерализация законодательства имеет право на существование в пределах, не допускающих причинение ущерба государственным и общественным интересам [4, с. 95].

Расширение перечня ограничений, налагаемых судом на подозреваемого, обвиняемого при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий

Исследование запретов и ограничений, налагаемых судом в качестве меры пресечения, согласно ст. 105.1 УПК РФ, позволяет говорить об ограничении таких основополагающих прав граждан, как право на свободу и личную неприкосновенность, возможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц, право заниматься трудовой деятельностью и получать заработную плату, что допустимо только на основании федерального закона в целях защиты публичных интересов и гарантируется судебным контролем.

Важно учитывать, что перечень запретов является закрытым, однако сформулированы они недостаточно четко и нуждаются в конкретизации для исключения сомнений при решении вопроса о возможности наложения некоторых ограничений. Например, в ходе расследования уголовного дела в отношении Н.В. Фараджевой, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 и ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, суды первой, второй и кассационной инстанций посчитали обоснованным наложение на обвиняемую запрета покидать территорию муниципального образования на срок применения указанной меры процессуального принуждения, указав в обоснование, что перечень запретов в ст. 105.1 УК РФ не является исчерпывающим и необходимость устанавливать срок действия запретов законодателем не установлена [6]. Однако на момент рассмотрения дела по существу многие запреты были судом отменены и прокуратура вышла с представлением в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции об отмене запрета покидать территорию г. Краснодар и Краснодарского края. Таким

образом правоприменительные органы испытывают сложности при решении вопроса о наложении запрета определенных действий, что связано с недостатками конструкции правовой нормы, положения которой отличаются отсутствием четкости и ясности. С нашей точки зрения, судебные органы обоснованно и мотивированно установили Н.В. Фараджевой необходимые ограничения и обязанности для устранения препятствий в расследовании уголовного дела. Однако в целях выработки единообразной практики ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ следует дополнить пунктом 1.1, регламентирующим запрет выезжать за пределы муниципального образования или региона.

В целях обеспечения права на защиту и получения квалифицированной юридической помощи считаем необходимым закрепить в законе возможность общения с защитником в случае исполнения запрета пользоваться телефонной связью. Данное правомочие в тексте ст. 105.1 УПК РФ отсутствует, однако суды обоснованно указывают его в своих постановлениях, что отвечает принципам разумности и адекватности ограничения прав участников процесса. Например, районный суд установил запрет общаться с обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями, другими участниками уголовного судопроизводства, за исключением общения с защитником [5], что является обоснованным и справедливым. Данное дополнение необходимо закрепить в ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ.

Особенности установления и исчисления срока запрета определенных действий

Срок применения рассматриваемой меры пресечения уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрен, за исключением единственного запрета покидать пределы жилого помещения в определенные периоды времени. В этой связи установление судами срока действия запретов, указанных в п.п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, расценивается вышестоящими судебными инстанциями как нарушение процессуальных норм [10]. По нашему мнению, отсутствие процессуальных сроков для всех запретов напрямую нарушает конституционные права гражданина,

ограничение которых допустимо лишь на определенный период для реализации судебного контроля за законностью и обоснованностью избранной меры пресечения.

Вопросы на практике вызывает позиция законодателя, зафиксированная в ч. 9 ст. 105.1 УПК РФ, позволяющая суду принимать альтернативные решения, включая установление срока на период действия меры пресечения в целом либо определение конкретного срока для данного запрета. При этом в статье не уточняется, какие обстоятельства следует учитывать при решении данного вопроса. Полагаем целесообразным устанавливать срок для меры пресечения в целом, что будет способствовать защищенности прав участников и соответствовать сложившейся практике применения мер пресечения. Так, например, по делу в отношении Е.А. Николенко суд кассационной инстанции указал на нарушение, выразившееся в установлении срока запрета определенных действий [10].

При назначении наказания суды допускали ошибки, связанные с зачетом времени применения рассматриваемой меры пресечения в срок лишения свободы. Например, при вынесении приговора в отношении С.С. Кузнецова, осужденного по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, Кирово-Чепецкий районный суд Кировской области засчитал в срок отбывания наказания в виде лишения свободы время содержания осужденного под стражей, оставив без внимания необходимость зачета в срок наказания времени запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. В связи с нарушением норм процессуального права приговор был изменен по результатам апелляционного рассмотрения Кировским областным судом, постановившим зачесть Кузнецову С.С. в срок лишения свободы время запрета выходить в период с 22 часов до 6 часов за пределы жилого помещения, в котором он проживает, из расчета два дня его применения за один день лишения свободы [1].

Соотношение запрета определенных действий с иными мерами процессуального принуждения

Запрет определенных действий по своему характеру и степени ограничения прав

подозреваемого, обвиняемого является более мягкой и гуманной мерой процессуального принуждения по сравнению с домашним арестом и заключением под стражу, поскольку подозреваемый, обвиняемый подвергается лишь некоторым запретам с учетом совершенного противоправного деяния и не лишен возможности покинуть жилое помещение и общаться с проживающими с ним лицами.

Важно отметить, что возложение запретов совершения определенных действий допускается в отношении лиц любого возраста, включая несовершеннолетних, и не зависит от тяжести совершенного деяния. Это обстоятельство отличает данную меру пресечения от заключения лица под стражу, применение которого согласно ст. 108 УПК РФ не допускается в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, а заключение под стражу несовершеннолетнего возможно только в крайних случаях при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

С другой стороны, обе меры пресечения ущемляют основополагающее право лица на свободу и личную неприкосновенность и должны применяться лишь по судебному решению с соблюдением гарантий прав личности в целях, установленных Конституцией РФ, с учетом требований законности, разумности, соразмерности, справедливости. Возможность применения запрета определенных действий более широко при подозрении или обвинении в совершении преступления небольшой тяжести не свидетельствует о нарушении прав подозреваемого, обвиняемого, а напротив, нацелена на соблюдение его прав и законных интересов.

С появлением в законе запрета определенных действий домашний арест существенно изменился в части, касающейся возможности выходить за пределы жилого помещения на период действия меры пресечения. В связи с этим в случае обоснованной необходимости покинуть жилое помещение целесообразно рассмотреть вопрос об избрании подозреваемому или обвиняемому запрета определенных действий.

При изменении меры пресечения с домашнего ареста на запрет определенных действий суды учитывают такие обстоятельства,

как отсутствие нарушений ранее избранной меры пресечения, необходимость продолжения выполнения трудовых обязанностей для выплаты кредитных договоров, получения своевременной медицинской помощи, завершения обучения в колледже [5]. Данные обстоятельства несовместимы с домашним арестом, предполагающим нахождение лица по месту жительства без возможности выхода за его пределы.

В случае наложения запрета находиться по месту работы рассматриваемая мера пресечения будет иметь сходство с временным отстранением от должности. Так, по уголовному делу в отношении К.В. Шавелькиной, обвиняемой по ч. 2 ст. 293 УК РФ, возникли сомнения при наложении запрета находиться по месту работы согласно ст. 105.1 УПК РФ. Сторона защиты посчитала данное ограничение существенным нарушением трудовых прав К.В. Шавелькиной, поскольку суд лишил ее возможности ежемесячно получать пособие в соответствии со ст. 114 УПК РФ в случае временного отстранения от должности. Полагаем, что нарушение прав обвиняемой в данном случае не усматривается, избранная мера пресечения в виде запрета определенных является законной, адекватной и целесообразной с учетом всей совокупности обстоятельств, влияющих на выбор меры процессуального принуждения, включая связь преступного деяния с трудовой деятельностью и возможность общения с работниками, допрошенными в качестве свидетелей [7].

Для исключения сомнений и неясностей на практике следует дополнить ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ п. 7 «находиться по месту работы, если преступление связано с трудовой деятельностью».

Выводы

Анализ законодательства и судебной следственной практики применения запрета определенных действий позволяет констатировать наличие трудностей правоприменительного характера, влекущих нарушение законности и необоснованное ущемление прав участников уголовного судопроизводства, в связи с чем требуется тщательное исследование правового института мер процессуаль-

ного принуждения и совершенствование законодательной базы их избрания и продления срока действия.

В целях устранения сомнений и неясностей у правоохранительных органов и выработки единообразной правоприменительной практики представляется целесообразным внести следующие изменения в содержание ст. 105.1 УПК РФ: закрепить в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ такие запреты, как выезжать за пределы муниципального образования и региона, находиться по месту работы без права на ежемесячное пособие; в ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ зафиксировать возможность общаться с защитником при наличии запрета пользоваться телефонной связью; в целях соблюдения конституционных прав граждан в тексте ч. 9 ст. 105.1 УПК РФ указать о необходимости установления судом срока действия всех запретов, что обеспечит судебный контроль за соблюдением баланса частных и публичных интересов, законностью и адекватностью избранных ограничений в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное постановление Кировского областного суда от 29 апреля 2019 г. № 22-836/2019 // Кировский областной суд : офиц. сайт. – URL: https://oblsud—kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=7601462&case_uid=ea8f91b9-147d-4f3f-8805-f70cbaec90eb&delo_id=4&new=4
2. Васьянова, О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Васьянова Олеся Дмитриевна. – Омск, 2022. – 27 с.
3. Кравченко, И. О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики / И. О. Кравченко // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – № 5. – С. 565–577.
4. Малахова, В. Ю. К вопросу о либерализации уголовного законодательства в экономической сфере / В. Ю. Малахова, А. И. Лысенкова // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 1. – С. 95–96.
5. Обобщение судебной практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) и запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) // Рязанский областной суд : офиц. сайт. – URL: http://oblsud.riz.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=102

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фараджевой Натальи Владимировны на нарушение ее конституционных прав частями шестой, девятой, десятой статьи 105.1 и пунктом 1.1 части десятой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2023 г. № 3295-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шавелькиной Кристины Витальевны на нарушение ее конституционных прав ст. 105.1 и пунктом 8 части второй статьи 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2022 г. № 3552-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2023 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7041>

10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 02 июля 2021 г. № 211-П20 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2010602

REFERENCES

1. Apellyacionnoe postanovlenie Kirovskogo oblastnogo suda ot 29 aprelya 2019 g. № 22-836/2019 [Appeal Resolution of the Kirov Regional Court Dated April 29, 2019 No. 22-836/2019]. *Kirovskij oblastnoj sud: oficialnyj sajt* [Kirov Regional Court: Official Website]. URL: https://oblsud—kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=7601462&case_uid=ea8f91b9-147d-4f3f-8805-f70cbaec90eb&delo_id=4&new=4

2. Vastyanova O.D. *Zapret opredelennyh dejstvij kak mera presecheniya v ugovnom processe Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The Prohibition of Certain Actions as a Preventive Measure in the Criminal Process of Russia. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Omsk, 2022. 27 p.

3. Kravchenko I.O. Liberalizaciya i gumanizaciya ugovno-pravovoj politiki [Liberalization and Humanization of Criminal Law Policy]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology], 2021, no. 5, pp. 565-577.

4. Malahova V.Yu., Lysenkova A.I. K voprosu o liberalizacii ugovnogo zakonodatelstva v ekonomicheskoj sfere [On the Issue of Liberalizing Criminal Legislation in the Economic Sphere]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Public Service and Personnel], 2020, no. 1, pp. 95-96.

5. Obobshchenie sudebnoj praktiki rassmotreniya sudami hodatajstv ob izbrazanii mery presecheniya v vide domashnego aresta (st. 107 UPK RF) i zapreta opredelennyh dejstvij (st.105.1 UPK RF) [Generalization of Judicial Practice of Consideration by Courts of Petitions for the Election of a Preventive Measure in the Form of House Arrest (Article 107 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and Prohibition of Certain Actions (Article 105.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)]. *Ryazanskij oblastnoj sud: oficialnyj sajt* [Ryazan Regional Court: Official Website]. URL: http://oblsud.riz.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=102

6. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Faradzhevoj Natalyi Vladimirovny na narushenie ee konstitucionnyh prav chastyami shestoj, devyatoj, desyatoj statyi 105.1 i punktom 1.1 chasti desyatoj statyi 109 Ugovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14 dekabrya 2023 g. № 3295-O* [On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Natalia Faradzheva for Violation of Her Constitutional Rights by Parts Six, Nine, Ten of Article 105.1 and Paragraph 1.1 of Part Ten of Article 109 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated December 14, 2023 No. 3295-O]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

7. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Shavelkinoj Kristiny Vitalyevny na narushenie ee konstitucionnyh prav statyej 105.1 i punktom 8 chasti vtoroj statyi 131 Ugovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2022 g. № 3552-O* [On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Shavelkina Kristina for Violation of Her Constitutional Rights by Article 105.1 and Paragraph 8 of Part Two of Article 131 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated December 27, 2022 No. 3552-O]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

8. *O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva o merah presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta, zaloga i zapreta opredelennyh dejstvij: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2013 g. № 41* [On the Practice of Courts Applying Legislation

on Preventive Measures in the Form of Detention, House Arrest, Bail and Prohibition of Certain Actions: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated December 19, 2013 No. 41]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

9. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovolnyh del po pervoj instancii za 6 mesyacev 2023 goda [Report on the Work of the Courts of General Jurisdiction on the Consideration of Criminal Cases in the First Instance for 6 Months of 2023]. *Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude*

Rossijskoj Federacii: oficialnyj sajt [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Official Website]. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7041>

10. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 02 iyulya 2021 g. № 211-P20 [Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation Dated July 02, 2021 No. 211-P20]. *Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii: oficialnyj sajt* [The Supreme Court of the Russian Federation. Official Website]. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2010602

Information About the Author

Marina V. Romashova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 1-ya Krasnaya St, 18, 390043 Ryazan, Russian Federation, sharent@mail.ru, rfmu@mvd.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4094-3420>

Информация об авторе

Марина Владимировна Ромашова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. 1-я Красная, 18, 390043 г. Рязань, Российская Федерация, sharent@mail.ru, rfmu@mvd.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4094-3420>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.21>

UDC 347.985
LBC 67.410.1

Submitted: 19.04.2024
Accepted: 08.05.2024

TRANSFER OF A CASE ACCEPTED FOR PROCESSING TO ANOTHER COURT: THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS

Konstantin S. Ryzhkov

Russian State University of Justice (Ural Branch), Chelyabinsk, Russian Federation

Introduction: in practice, there are numerous problems associated with the application of the mechanism for transferring a case accepted by the court for its processing to another court. In particular, the lack of a legal definition of the concept of “dispute over jurisdiction” leads to difficulties in identifying and resolving these disputes. In general, the legislation on jurisdiction on this issue is characterized by low detail in legal regulation, which leads to legal gaps and difficulties in applying the relevant legal norms. The **purpose** of the study is to analyze the problems of transferring a case to another court and to find ways to solve them within the framework of civil and arbitration proceedings. **Methods:** formal-legal and hermeneutical methods were used in the research process. **Results:** the paper analyzes the issue of the possibility of transferring a case to another court if the case has been received more recently from another court. The issue of the possibility of transferring the case to the court, which more recently returned the statement of claim on the grounds of non-jurisdiction, is also being investigated. In addition, the questions about the admissibility of transferring a case under jurisdiction more than once in the event of replacing an improper defendant are analyzed. **Conclusions:** in order to achieve the purpose of the study, a definition of the concept of “dispute over jurisdiction” has been formulated. The author suggests approaches concerning the differentiation of cases of disputes over jurisdiction from cases when such disputes do not arise. It is proposed to exclude from the number of situations involving a dispute over jurisdiction the transfer of a case to another court from which the mentioned case has not been received, as well as the re-transfer of the case after the substitution of an improper defendant.

Key words: jurisdiction, transfer of a case to cure want of jurisdiction, return of a statement of claim, court ruling, legality, access to justice, procedural economy.

Citation. Ryzhkov K.S. Transfer of a Case Accepted for Processing to Another Court: Theoretical and Applied Problems. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 164-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.21>

УДК 347.985
ББК 67.410.1

Дата поступления статьи: 19.04.2024
Дата принятия статьи: 08.05.2024

ПЕРЕДАЧА ДЕЛА, ПРИНЯТОГО СУДОМ К СВОЕМУ ПРОИЗВОДСТВУ, В ДРУГОЙ СУД: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Константин Сергеевич Рыжков

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Челябинск, Российская Федерация

Введение: на практике возникают многочисленные проблемы, связанные с применением механизма передачи в другой суд дела, принятого судом к своему производству. В частности, отсутствие легальной дефиниции понятия «спор о подсудности» приводит к сложностям при выявлении и разрешении указанных споров. В целом же законодательство о подсудности по данному вопросу характеризуется низкой детализацией правового регулирования, что приводит к правовым пробелам и сложностям в применении соответствующих правовых норм. **Целью** настоящего исследования является анализ проблем передачи дела в другой суд и поиск путей их решения в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства. **Методы:** в процессе исследования применены формально-юридический и герменевтический методы. **Результаты:** в работе анализируется вопрос о возможности передачи дела в другой суд в случае, если дело уже поступило ранее

из другого суда. Также исследован вопрос о возможности передачи дела в суд, который ранее вернул исковое заявление по основанию неподсудности. Кроме того, проанализированы вопросы о допустимости передачи дела по подсудности более одного раза в случае замены ненадлежащего ответчика. **Выводы:** для достижения цели исследования сформулировано определение понятия «спор о подсудности». Автором предложены подходы, касающиеся разграничения случаев возникновения споров о подсудности от случаев, когда такие споры не возникают. Предложено исключить из числа ситуаций, предполагающих спор о подсудности, передачу дела в другой суд, из которого ранее указанное дело не поступало, а также повторную передачу дела после замены ненадлежащего ответчика.

Ключевые слова: подсудность, передача дела по подсудности, возвращение искового заявления, определение суда, законность, доступность правосудия, процессуальная экономия.

Цитирование. Рыжков К. С. Передача дела, принятого судом к своему производству, в другой суд: теоретические и прикладные проблемы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 164–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.21>

Введение

Важность механизма подсудности в современном процессуальном праве не подлежит сомнению: он позволяет не только распределить нагрузку между судами, но и призван обеспечить рассмотрение дела компетентным судом, максимально приближенным территориально к месту жительства или адресу хотя бы одной из сторон. В то же время проблемы правильного определения подсудности гражданских дел остаются актуальными до настоящего времени.

Причиной тому служат как коллизии, вызывающие конкуренцию норм о подсудности, так и пробелы в правовом регулировании, а также недостаточно конкретные формулировки процессуальных норм, посвященных указанному вопросу. Так, по справедливому замечанию Т.А. Савельевой, институт подсудности представляет собой достаточно сложный для правопонимания и применения правовой институт цивилистического процессуального права [6, с. 58]. При этом в доктрине отмечается, что судебными органами достаточно часто допускаются ошибки в установлении суда, правомочного разрешать спор, что, в свою очередь, влечет отмену судебных постановлений [1, с. 96].

Не являясь исключением в этом отношении и правовые нормы о передаче дел, принятых судом к своему производству, в другой суд (далее по тексту – передача дел по подсудности). Поэтому исследуем таковые подробно, применительно к рассмотрению судами гражданских дел в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства.

Задачи механизма передачи дела в другой суд

Передача дела по подсудности служит важной гарантией обеспечения прав и законных интересов сторон судопроизводства, поскольку решает сразу несколько задач:

– обеспечение доступности правосудия для лиц, участвующих в деле, в случае, если дело передается по подсудности по ходатайству ответчика, место жительства (адрес) которого ранее было неизвестно (п. 1 ч. 2 ст. 33 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, далее – ГПК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 39 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, далее – АПК РФ). В частности, по замечанию Е.В. Любимовой, «доступность правосудия, несомненно, может достигаться посредством приближения суда к населению, что, в свою очередь, называют... функцией подсудности» [2, с. 113];

– обеспечение принципа независимости судей, объективности и беспристрастности при рассмотрении дела судом (п. 4 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ, п. 4 и 5 ч. 2 ст. 39 АПК РФ);

– исправление ошибок, ранее допущенных судом (например, если дело было принято не по подсудности, и данный факт был впоследствии установлен судом при рассмотрении дела – п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ, п. 3 ч. 2 ст. 39 АПК РФ);

– реализация принципа процессуальной экономии (например, когда стороны ходатайствуют о рассмотрении дела по месту нахождения большинства доказательств на основании п. 2 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ и п. 2 ч. 2 ст. 39 АПК РФ).

Таким образом, указанный механизм является экстраординарным по своей природе,

так как применяется только при наличии специально предусмотренных законом обстоятельств. При этом он направлен, в числе прочего, на устранение ошибок при выборе суда, компетентного рассматривать конкретное дело.

В то же время важно отметить, что экстраординарный характер механизма передачи дела по подсудности неизбежно приводит к возникновению ряда существенных теоретических и прикладных проблем, связанных с его применением на практике. Рассмотрим некоторые из них.

Проблемы применения норм о подсудности

Как известно, споры о подсудности законом не допускаются (ч. 4 ст. 33 ГПК РФ, ч. 6 ст. 39 АПК РФ). Однако законодатель не раскрывает хотя бы в общих чертах, что есть спор о подсудности сам по себе.

Полагаем, что под спором о подсудности следует понимать ситуацию, при которой имеет место различие позиций нескольких судов относительно рассмотрения одного и того же дела.

Важно при этом отметить, что исключение споров о подсудности реализуется в действующем законодательстве даже в ущерб фактической подсудности дела. Во избежание возникновения такого спора суд, получивший дело, должен рассмотреть его, даже если дело ему фактически неподсудно.

Например, в одном из дел Тюменским областным судом было отмечено следующее. Истец Т.А.Н. обратился в Центральный районный суд г. Тюмени с иском к К.Е.П. о понуждении осуществлении государственной регистрации договора купли-продажи квартиры, которая находится на территории Центрального АО г. Тюмени. На основании определения Центрального районного суда г. Тюмени дело было передано в Ленинский районный суд г. Тюмени по подсудности по месту жительства ответчика. Данное определение сторонами не было обжаловано.

Возвращая данное гражданское дело обратно в Центральный районный суд г. Тюмени, суд исходил из того, что заявленный спор является спором о праве на недвижимое имущество, что относится к юрисдикции Централь-

ного районного суда г. Тюмени, и применил правила об исключительной подсудности иска.

Судебная коллегия Тюменского областного суда не согласилась с данным выводом. Признав правоту судьи Ленинского районного суда г. Тюмени в части определения территориальной подсудности, коллегия все же обратила внимание, что в силу ч. 4 ст. 33 ГПК РФ данное гражданское дело должно было быть разрешено Ленинским районным судом г. Тюмени именно по причине необходимости избежать спора о подсудности [4].

Таким образом, становится очевидным, что споры о подсудности в понимании законодателя являются недопустимым правовым явлением. Прямой запрет на возникновение спора о подсудности говорит даже о его противоправности, хотя никаких санкций за нарушение вышеуказанных норм законодатель не предусматривает.

Вместе с тем интересно другое: как и когда возникает спор о подсудности? Полагаем, что ответить на данный вопрос можно лишь сформулировав дефиницию указанного понятия.

Сам спор при этом можно рассматривать в двух аспектах:

- как ситуацию (положение), при которой у двух и более судов возникают разногласия в части ответа на вопрос, кому из них дело подсудно;
- как юридически значимые действия судов, связанные с таким несогласием.

Говоря о законодательном запрете на споры о подсудности, полагаем, что речь в нем идет все-таки про второй аспект. Законодатель, формулируя правовые нормы, обращенные к суду, запрещает, прежде всего, действия конкретных лиц (судей), вытекающие из разногласий о подсудности.

Исходя из вышеизложенного, следует считать спором о подсудности действия суда, обусловленные разногласиями с другим судом при определении подсудности конкретного дела и выражающиеся в отказе рассматривать данное дело по существу при наличии соответствующей обязанности, установленной нормами процессуального законодательства.

Формулирование указанного определения позволяет рассмотреть и иные, более прикладные по своему содержанию, проблемы, касающиеся передачи гражданских дел по подсудности. Рассмотрим некоторые из них подробно.

**Возможность передачи
по подсудности дела,
ранее уже переданного по подсудности**

Закон позволяет однозначно ответить на вопрос о том, что делать суду, если он получил дело в порядке передачи по подсудности, но полагает, что таковое следовало бы вернуть для рассмотрения по существу обратно. Как уже говорилось ранее в настоящей статье, так делать нельзя. Однако на практике может иметь место и более сложная ситуация.

В качестве примера рассмотрим следующий случай: некий районный суд В получил из районного суда А дело в порядке передачи по подсудности. Однако, придя к выводу о неподсудности дела, судья суда В также решает передать его по подсудности.

На первый взгляд, это невозможно, поскольку, как было сказано ранее, споры о подсудности не допускаются. Но спор – это прежде всего разногласие [3, с. 757], то есть противоречие во мнениях спорящих сторон. Если судья суда В решит вернуть дело в суд А, то спор о подсудности несомненно возникнет. Однако, как быть, если судья суда В решит передать дело по подсудности не обратно в суд А, а в некий иной районный суд С? Ведь с ним спора о подсудности не было. И в таком случае важно ответить на вопрос: с кем именно возникает спор у суда В – с передавшим дело судом А, с еще не знающим об этом деле судом С, или сразу с обоими судами?

Очевидно, что спора о подсудности с судом С здесь нет: он еще не получал дело, а если получит, то, возможно, и не будет возражать против его передачи. Если же возражения возникнут, то недопустимый с точки зрения закона спор о подсудности произойдет уже между судами В и С.

При этом с судом А все несколько сложнее: суд В не согласился с ним, планируя передать дело в суд С. Следовательно, разногласие между судами А и В существует. Однако, если у суда С не будет возражений по поводу рассмотрения данного дела, и он его рассмотрит по существу, будет ли такое разногласие препятствовать доступу сторон к правосудию? Полагаем, что нет.

Косвенно подобный подход выводится из доктринальных положений. Так, А.Ф. Скутин

отмечает, что при передаче дела из арбитражного суда в суд общей юрисдикции сторонами процессуального правоотношения будут «арбитражный суд, передавший дело, и компетентный суд общей юрисдикции, которому было направлено дело областным судом по правилам территориальной подсудности. Именно между этими судами не допускается спор о подсудности» [7, с. 20]. Иными словами, спор о подсудности может возникнуть исключительно между судом, передавшим дело по подсудности, и судом, получившим это дело.

Безусловно, с позиции процессуальной экономии подобный подход имеет свои отрицательные стороны: нет гарантии, что дело не будет передаваться далее, словно в порядке «эстафеты», в какой-либо иной суд, что может привести к его почти бесконечному движению внутри судебной системы. Однако, по нашему мнению, указанный недостаток некоторым образом нивелируется возможностью обжалования определения о передаче дела по подсудности, что позволяет избежать его необоснованной передачи в иные суды.

Поэтому на основании вышеизложенного полагаем, что описанная в данном пункте ситуация вполне допустима и не нарушает норм и принципов процессуального права: суд, получивший дело в порядке его передачи по подсудности, вправе сам передать это дело по подсудности, если только он не передает его обратно (в таком случае спор о подсудности как раз возникает). Полагаем также, что во избежание нарушений единообразия судебной практики подобную правовую позицию следовало бы закрепить в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ.

**Возможность передачи
по подсудности дела в суд,
ранее вернувший исковое заявление**

Второй случай, вызывающий вопросы относительно правильного применения норм о подсудности, выглядит следующим образом. Некий суд А вернул исковое заявление на основании его неподсудности (п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ). Истец после этого обратился в суд В, равный по уровню суду А, но имеющий иную территориальную подсудность. В свою очередь, судья суда

В принял исковое заявление, после чего установил, что дело должно быть рассмотрено все-таки в суде А. Можно ли в таком случае передать дело по подсудности туда, откуда исковое заявление было ранее возвращено?

Полагаем, что в данном случае спор о подсудности все-таки есть (в отличие от предыдущей ситуации). Ведь суд А, возвратив ранее исковое заявление, уже выразил свое мнение относительно неподсудности ему указанного дела. А значит, попытка передать ему по подсудности то же самое дело есть не что иное, как попытка инициировать спор о подсудности. А это, как было сказано ранее, процессуальным законодательством не допускается.

Указанную правовую позицию, по нашему мнению, также следует закрепить в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Возможность возникновения спора о подсудности при замене ненадлежащего ответчика

Не менее интересной в контексте настоящего исследования является ситуация, при которой дело возвращается в суд, передавший дело по подсудности, после замены ненадлежащего ответчика.

Показательным примером подобной ситуации является следующее дело. ЗАО «Управляющая компания “Верх-Исетская”» обратилось в Верх-Исетский районный суд города Екатеринбурга с иском к Р.Т.А. о взыскании задолженности по оплате жилья и коммунальных услуг, а также пени.

Определением Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга дело было передано для рассмотрения в Чкаловский районный суд г. Екатеринбурга по месту жительства ответчицы. Основанием для передачи дела по подсудности послужили сведения отдела адресно-справочной работы УФМС России по Свердловской области.

Впоследствии заочным решением Чкаловского районного суда города Екатеринбурга исковые требования были удовлетворены.

Однако затем от Р.Т.А. поступило заявление об отмене заочного решения. Р.Т.А. пояснила, что никогда не являлась и не является собственником данного объекта недвижимости. После получения заочного решения с це-

лью разрешения возникшей путаницы она съездила по указанному в решении адресу и, опросив соседей по лестничной площадке, установила, что собственником квартиры является ее полная тезка, которая в квартире не проживает.

На основании изложенного заочное решение было отменено, производство по делу возобновлено. По сведениям Управления Федеральной миграционной службы по Свердловской области и ФГБУ «ФКП Росреестра» место регистрации данной гражданки было установлено, после чего суд заменил ненадлежащего ответчика. Затем по делу снова было вынесено заочное решение.

Однако новый ответчик также обратилась с заявлением об отмене заочного решения, поскольку у нее имелись доказательства, способные повлиять на существование решения суда. Также она просила направить гражданское дело для рассмотрения и разрешения по существу в Верх-Исетский районный суд города Екатеринбурга по месту ее жительства.

Чкаловский районный суд города Екатеринбурга передал дело по подсудности обратно, в Верх-Исетский районный суд города Екатеринбурга. При этом судом в своем определении было отмечено, что указанная передача по подсудности не может рассматриваться как спор о подсудности, поскольку рассмотрение по существу Чкаловским районным судом г. Екатеринбурга данного дела, принятого к производству с нарушением правил подсудности, означало бы его разрешение судом в незаконном составе (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, п. 1 ч. 2 ст. 364 ГПК РФ), поскольку ни объект недвижимости в Чкаловском районе города Екатеринбурга не находится, ни ответчица в этом районе не проживает [5].

Указанный вывод, безусловно, неоспорен с позиции ранее сказанного в настоящей статье. Однако действия суда в данном случае все же представляются правильными, поскольку замена ответчика повлекла изменение не только субъектного состава в рамках процесса, но и изменение территориальной подсудности. Новый (надлежащий) ответчик не может быть поставлен в менее благоприятные условия, чем это установлено в силу общего правила подсудности, просто потому, что истец не смог изначально определить, какой ответчик по делу является надлежащим.

Иными словами, в рассмотренном случае спор о подсудности не возникает, так как при каждой передаче дела между судами не было разногласий по поводу подсудности, при этом повторное движение дела между судами было обусловлено исключительно заменой ответчика.

Выводы

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что правовое регулирование передачи гражданских дел по подсудности носит крайне обобщенный характер, в связи с чем необходимо формулирование разъяснений по данному вопросу на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ. Полагаем, что в такое постановление возможно было бы включить, в числе прочего, и предложенные в рамках настоящего исследования положения, касающиеся:

- возможности передачи дела по подсудности в иной суд (кроме суда, из которого поступило дело);
- недопустимости передачи дела по подсудности в суд, который ранее вернул исковое заявление в связи с неподсудностью;
- допустимости передачи дела по подсудности в суд, из которого поступило дело, в случае замены ответчика по делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кайзер, Ю. В. Проблемные вопросы определения правил территориальной подсудности и последствий нарушения данных правил в гражданском процессе / Ю. В. Кайзер // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 1 (38). – С. 96–100.
2. Любимова, Е. В. Влияние «значимости» спора на вопросы подсудности гражданских и административных дел / Е. В. Любимова // *Ex Jure*. – 2018. – № 2. – С. 103–114.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Определение Тюменского областного суда № 33-3079/2016 от 25 мая 2016 г. по делу № 33-3079/2016. – URL: <https://bsr.sudrf.ru>
5. Определение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга № 2-6160/2016 от 25 августа 2016 г. по делу № 2-6160/2016. – URL: <https://bsr.sudrf.ru>

6. Савельева, Т. А. К вопросу о полномочиях арбитражного суда по передаче дела из одного суда в другой / Т. А. Савельева // *Цивилистика: право и процесс*. – 2020. – № 4 (12). – С. 55–59.

7. Скутин, А. Ф. Судебная реформа. Проблемы оптимизации норм о подсудности гражданских дел в судах / А. Ф. Скутин // *Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России*. – 2020. – № 1 (16). – С. 17–20.

REFERENCES

1. Kajzer J.V. Problemnye voprosy opredelenija pravil territorialnoj podsudnosti i posledstvij narushenija dannyh pravil v grazhdanskom processe [Problematic Issues of Determining the Rules of Territorial Jurisdiction and the Consequences of Violating These Rules in Civil Proceedings]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2014, no. 1 (38), pp. 96-100.
2. Lyubimova E.V. Vlijanie «znachimosti» spora na voprosy podsudnosti grazhdanskih i administrativnyh del [The Influence of the “Significance” of the Dispute on the Issues of Jurisdiction of Civil and Administrative Cases]. *Ex Jure*, 2018, no. 2, pp. 103-114.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
4. *Opredeleniye Tyumenskogo oblastnogo suda № 33-3079/2016 ot 25 maya 2016 g. po delu № 33-3079/2016* [Ruling of the Tyumen Regional Court No. 33-3079/2016 Dated May 25, 2016 in Case No. 33-3079/2016]. URL: <https://bsr.sudrf.ru>
5. *Opredeleniye Chkalovskogo rayonnogo suda g. Yekaterinburga № 2-6160/2016 ot 25 avgusta 2016 g. po delu № 2-6160/2016* [Ruling of the Chkalovsky District Court of Yekaterinburg No. 2-6160/2016 Dated August 25, 2016 in Case No. 2-6160/2016]. URL: <https://bsr.sudrf.ru>
6. Savelyeva T.A. K voprosu o polnomochijah arbitrazhnogo suda po peredache dela iz odnogo suda v drugoj [On the Issue of the Powers of the Arbitration Court to Transfer a Case from one Court to Another]. *Civilistika: pravo i process* [Civil Law: Law and Process], 2020, no. 4 (12), pp. 55-59.
7. Skutin A.F. Sudebnaja reforma. Problemy optimizacii norm o podsudnosti grazhdanskih del v sudah [Judicial Reform. Problems of Optimization of Norms on Jurisdiction of Civil Cases in Courts]. *Ekonomicheskoe pravosudie na Dalnem Vostoke Rossii* [Economic Justice in the Russian Far East], 2020, no. 1 (16), pp. 17-20.

Information About the Author

Konstantin S. Ryzhkov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Russian State University of Justice (Ural Branch), Energetikov St, 63, 454135 Chelyabinsk, Russian Federation, knrz2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3882-6612>

Информация об авторе

Константин Сергеевич Рыжков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия, ул. Энергетиков, 63, 454135 г. Челябинск, Российская Федерация, knrz2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3882-6612>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.22>

UDC 343.13
LBC 67.410.2

Submitted: 16.04.2024
Accepted: 08.05.2024

THE BURDEN OF REIMBURSEMENT OF PROCEDURAL COSTS IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY: FEATURES OF LEGAL REGULATION

Vladimir M. Shinkaruk

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Andrey A. Dekhert

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the provisions on the content of the burden of reimbursement of procedural costs in the criminal procedure of the Federal Republic of Germany (hereinafter referred to as Germany). The institution of procedural costs is the subject of constant, intermittent discussion, operating with empirically unprovable assumptions about the fiscal benefits of the convict's burden. Taking into account this state of discussion, there is a need to summarize the positive experience of analyzing the distribution of the burden of reimbursement of procedural costs in the criminal procedure of Germany. In this regard, the **purpose** of the study is to analyze the features of the legal regulation of the institution of procedural costs in the legislation of Germany. The question is raised about the goals and objectives of the limitations of the general principle of reimbursement of procedural costs. **Methods:** using the comparative law method of scientific research as the main one, the authors trace the trend of theoretical and legislative ideas about the essence of the burden of reimbursement of procedural costs in the criminal procedure of Germany, analyze controversial issues of modern criminal procedure science, and clarify and correct previously formed judgments on the issue of the current state of the institution of procedural costs. **Results:** based on the conducted research, four limitations have been deduced in the implementation of the "all-or-nothing" principle, which are of particular importance in the criminal procedure of Germany. **Conclusions:** an analysis of the legal regulation of reimbursement of procedural costs in Germany demonstrates that the "all-or-nothing" principle in the distribution of the burden of costs between the convicted person and the state is ultimately violated with partial conviction, partial acquittal, partial appeal, and coincidence of appeals of the convicted person and the prosecutor.

Key words: procedural costs, recovery, criminal procedure law, criminal law sciences, expenses.

Citation. Shinkaruk V.M., Dekhert A.A. The Burden of Reimbursement of Procedural Costs in the Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany: Features of Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 171-176. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.22>

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 16.04.2024
Дата принятия статьи: 08.05.2024

БРЕМЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕЖЕК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Владимир Маркович Шинкарук

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Андрей Андреевич Дехерт

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье проводится анализ положений о содержании бремени возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе Федеративной Республики Германии (далее – ФРГ). Институт процессуальных издержек является предметом постоянной, периодически вспыхивающей дискуссии, оперирующей эмпирически недоказуемыми предположениями о фискальной выгоде бремени осужденного. С учетом такого состояния дискуссии назревает необходимость обобщить положительный опыт проведения анализа распределения бремени возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе ФРГ. В связи с этим **целями** настоящего исследования являются: анализ особенностей правовой регламентации института процессуальных издержек в законодательстве ФРГ. Поднимается вопрос о целях и задачах ограничений общего принципа возмещения процессуальных издержек. **Методы:** используя в качестве основного сравнительно-правовой метод научного исследования, авторы прослеживают тенденцию теоретических и законодательных представлений о сущности бремени возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе ФРГ, анализируют дискуссионные вопросы современной уголовно-процессуальной науки, уточняют и корректируют ранее сформированные суждения по вопросу о современном состоянии института процессуальных издержек. **Результаты:** на основе проведенного исследования выведены четыре ограничения при реализации принципа «все или ничего», имеющие особое значение в уголовном процессе ФРГ. **Выводы:** анализ правового регулирования возмещения процессуальных издержек в ФРГ демонстрирует, что принцип «все или ничего» при распределении бремени расходов между осужденным и государством в конечном счете нарушается при частичном осуждении, частичном оправдании, частичном обжаловании и совпадении апелляций осужденного и прокурора.

Ключевые слова: процессуальные издержки, взыскание, уголовно-процессуальное право, уголовно-правовые науки, расходы.

Цитирование. Шинкарук В. М., Дехерт А. А. Бремя возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе Федеративной Республики Германии: особенности правовой регламентации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 171–176. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.22>

Введение

К числу частых вопросов, связанных с взысканием процессуальных издержек, возникающих в связи с совершением лицом общественно опасного деяния, можно отнести такие типовые вопросы. Кто должен нести расходы, понесенные в ходе уголовного процесса? Обязана ли их нести та сторона, которая непосредственно вызвала их возникновение [8, с. 321]? Не утрачивают актуальности такие вопросы применительно и к уголовно-процессуальному законодательству ФРГ. Во многом ответы на поставленные вопросы обусловлены тем, что расходы по выплате заработной платы сотрудникам правоохранительных органов или в связи с вызовом свидетелей и экспертов чаще всего компенсирует государство, принимая на себя обязанность по возмещению большего количества затрат на уголовное судопроизводство. Поэтому частичное возмещение судебных расходов со стороны осужденных является неотъемлемой частью процессуальных средств экономии.

Отметим, что распределение бремени расходов между участниками германского уголовного процесса путем стандартизации обя-

занностей по несению расходов не является его отличительной особенностью. Действие норм о процессуальных издержках несколько ограничивается спецификой состязательности в уголовном процессе ФРГ в отличие от гражданского судопроизводства, что означает невозможность взыскания с подсудимого расходов, понесенных государством, даже в случаях его осуждения. Подобной позиции придерживался в России Н.С. Таганцев, который полагал, что «источником тех более или менее значительных издержек, которые падают на государство по поводу исследования и рассмотрения обстоятельств дела, установления виновности подсудимого, в видах применения к нему наказания, составляет естественное последствие его преступного деяния, а потому на осужденного должно возложить и всю тягость этих расходов так же, как она возлагается на проигравшую сторону в процессе гражданском» [7, с. 848].

Меры, необходимые государству для реализации уголовного процесса и направленные в отношении осужденного, часто носят характер воздействия на основные его права. Это означает, что данные соответствуют нормам Уголовно-процессуального кодекса ФРГ

и не влияют на действие положений о презумпции невиновности вплоть до вынесения обвинительного приговора. Поэтому на этом этапе заинтересованное лицо может защищаться, используя исключительно допустимые правовые средства. Но при этом усилия, прилагаемые обвиняемым для своей защиты, становятся весьма уязвимыми, вследствие наличия у органов уголовного правосудия возможности воздействия на них даже при наличии одного подозрения лица в совершении преступления (§ 152 II, 160 I УПК ФРГ) [9, с. 361].

«Все или ничего» при распределении бремени расходов на производстве

Отклонение требований государства о выплате расходов, возникающих с уголовным преследованием обвиняемого, из государственной казны служит связующим фактором, при наличии (хотя бы частичного) осуждения лица (§ 465, 467, 473 УПК ФРГ), указывающим по своей правовой природе на юридическую конкретизацию реализации принципа неотвратимости наказания [4, с. 277]. Если оценивать процедуру взыскания процессуальных издержек как элемент уголовной ответственности лица, признанного виновным, то такой подход является оправданным.

В соответствии с § 465 УПК ФРГ осужденный должен нести расходы, возникающие в ходе производства, постольку, поскольку они возникают в процессе разбирательства по уголовному делу. Как справедливо отмечает М.А. Авдеев, «нет ни одного государства, которое, выделяя средства, не думает о результативности их использования» [1, с. 29]. Распределение бремени компенсации возникших расходов между подсудимым и государственной казной в ФРГ в значительной степени возведено в принцип «все или ничего» («Alles-oder-Nichts-Prinzip»). Его содержание заключается в том, что обвиняемый должен оплатить судебные издержки в полном объеме, если в отношении него вынесен обвинительный приговор (§ 465 УПК ФРГ), и не оплачивать их вовсе, если он оправдан полностью или частично (§ 467 УПК ФРГ). Однако это лишь общий принцип законодательного регулирования, но при его конкретизации и модификации можно выделить и четыре ограничения:

1) Осужденный несет бремя возмещения процессуальных издержек (и безусловно свои собственные расходы) не только в случае его осуждения, но и если суд выносит решение о его предупреждении с оговоркой о наказании или об отказе от наказания (§ 465 УПК ФРГ), или объявляет его свободным от наказания (§ 468 УПК ФРГ). Если подсудимый является несовершеннолетним или малолетним, суд может в соответствии с § 74, 109 Закона о ювенальных судах [6, с. 66] отменить процедуру назначения расходов по воспитательным причинам.

2) В отдельных случаях в отношении оправданного возможно обращение бремени возмещения процессуальных издержек. Подобное решение связывается с неявкой подсудимого на этапе предварительного судебного производства, а также если в ходе предварительного судебного производства лицо спровоцировало предъявление публичного обвинения посредством подачи не соответствующего действительности заявления о совершении преступного деяния (§ 467 УПК ФРГ).

3) Обязательство по оплате судебных расходов возлагается только в той мере, в какой расходы понесены в ходе разбирательства по совершенному преступлению, за которое подсудимый был осужден (§ 465 I УПК ФРГ). Такая корректировка объема бремени расходов имеет силу как в случае частичного оправдания лица, так и в случае частичного непризнания им вины [3, с. 122].

Термин «частичное неосуждение» относится к случаям, регламентированным § 465 II УПК ФРГ, когда для выяснения определенных обстоятельств требуется установление отдельных частей продолжаемого и длящегося преступления, частных юридически значимых признаков состава преступления, квалифицирующих и привилегирующих условий совершения деяния. При «частичном неосуждении» общий результат судебного расследования складывается в пользу обвиняемого. В случаях возникновения специальных судебных расходов, их компенсация обеспечивается государством в соответствии с принципом справедливости. Также «Особые расходы» не обязательно должны быть точно определяемыми («исключаемыми») расходами. Возложение исключительной обязанности по возме-

шению дополнительных расходов на подсудимого происходит только в том случае, если будут указаны их причины, установленные законодателем в нормативно-правовых актах.

Уголовно-процессуальный закон ФРГ не содержит прямого указания на основания частичного оправдания лица. Вместе с тем на частично оправданного может быть также возложена обязанность компенсации процессуальных издержек. Вероятность принятия подобного решения судом достаточно высока. Таким образом, при применении § 465 УПК ФРГ «дополнительные расходы», суду необходимо выяснять вопросы как связанные с вынесением оправдательного приговора, так и с компенсацией процессуальных издержек, в том числе и за счет государственной казны.

4) Четвертое правило начинает действовать в случае неудачно поданной апелляции или по отозванной апелляции. В таком случае лицо, подавшее ее, должно понести личные судебные расходы. В то время как разрешение бремени расходов в случае успешной апелляции осуществляется в соответствии с общими правилами, то есть в соответствии с § 465, 467 УПК ФРГ. Апелляция считается успешной, когда в полном объеме сопоставляется оспариваемое решение и цель апелляции, с одной стороны, и результаты, достигнутые с помощью апелляции, с другой стороны. Если апелляция приводит к отмене оспариваемого решения и передаче уголовного дела на рассмотрение компетентного суда (§ 328, 355 УПК ФРГ) или возвращению его в нижестоящий суд (§ 354 УПК ФРГ), то само по себе признание такого обстоятельства успехом сомнительно, поскольку итог дальнейшего слушания в суде имеет решающее значение. Последующее разбирательство, проведенное после передачи уголовного дела обратно в суд, составляет единое целое с (предшествующим) производством, при условии, что вынесенное в таком порядке решение не будет в дальнейшем обжаловано. Поэтому расходы, понесенные в части такого повторного разбирательства, определяются не в соответствии с § 473 УПК ФРГ, а в соответствии с общими правилами (§ 465, 467 УПК ФРГ).

Следует отметить в этой цепочке место и роль прокуратуры ФРГ [5, с. 6]. Поскольку прокуратура также имеет право инициировать

апелляцию как в пользу, так и против осужденного (§ 296 УПК ФРГ), то в этой связи возможно возникновение нескольких различных юридически значимых ситуаций. Осужденный обязан нести судебные расходы в связи с апелляцией в двух случаях: в соответствии с правилом § 473 УПК ФРГ, если поданная им апелляция осталась без удовлетворения, и если прокуратура против позиции осужденного (в последнем случае обязанность по уплате издержек в обеих инстанциях вытекает из § 465 УПК ФРГ). В остальных случаях государство возлагает на себя бремя возмещения процессуальных издержек, возникающих в ходе апелляционного производства, то есть тогда, когда прокуратура обжаловала судебное решение в пользу осужденного и при удовлетворении этой жалобы судом [10]. Во всех вышеназванных случаях такая обязанность нести расходы вытекает из § 467 УПК ФРГ. Ограничение производства определенными пунктами апелляционной жалобы приводит к применению правила, указанного в § 473 УПК ФРГ.

Иные положения законодательства применяются в случаях частичного удовлетворения апелляции и при одновременной подаче осужденным и прокурором апелляционной жалобы [12].

В первом случае § 473 УПК ФРГ предусматривает, что частично удовлетворенная апелляция приравнивается к неудовлетворенной, но только в той мере, в какой это необходимо для избежания несправедливости. В таком случае часть расходов на апелляционное производство осужденного компенсируется за счет государства.

Если тезисы апелляционных жалоб осужденного и прокурора совпадают, то применяется правило, согласно которому обе апелляции должны оцениваться отдельно, но с учетом их правовых последствий. Разрешается ситуация в случае частичного оправдания лица следующим образом: процессуальные издержки, понесенные в апелляционной инстанции, делятся между осужденным и государством. Если обе апелляции отозваны или не удовлетворены, устанавливается причина расходов, понесенных на апелляционное производство, и при наличии дополнительных расходов, обусловленных подачей апелляционной жалобы

прокурором, они компенсируются государством [11, S. 27].

Заключение

Анализ условий и порядка возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе ФРГ показывает схожесть российского уголовно-процессуального законодательства в части регламентации обязанности осужденного по возмещению процессуальных издержек, за исключением некоторых случаев.

Правовое регулирование процессуальных издержек ФРГ в целом обеспечивает реализацию принципа «все или ничего» при распределении бремени расходов между осужденным и государством. В конечном счете это трудно просматривается при производстве по четырем категориям: частичном осуждении, частичном оправдании, частичном обжаловании и совпадении апелляций осужденного и прокурора. Во всех остальных случаях требование о возмещении судебных расходов тесно связано с разрешением дела по существу спора [2, с. 55].

Существующие противоречия определяют специфику института уголовно-процессуальных издержек в ФРГ. Первая связана с процедурой, закрепленной в ч. 8 ст. 132 УПК РФ, когда обязанность возмещения процессуальных издержек может быть возложена на законных представителей несовершеннолетнего. В случае же с германским ювенальным законом такое возмещение и вовсе заменяется мерами воспитательного характера. Вторая обусловлена оценкой санкции за неявку на процессуальные действия. Германский законодатель относит это к категории процессуальных издержек. Третья особенность выявлена при соотношении с российским институтом частного обвинения, когда на лицо, признанное виновным, возможно наложение бремени возмещения процессуальных издержек наряду с заявителем. Четвертая выглядит как исключение из положений отечественного уголовного процесса, поскольку ограничивает право на апелляцию осужденного в связи с тем, что может при определенных условиях повлечь возникновение у него обязанности по компенсации уголовно-процессуальных издержек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев, М. А. Экономические аспекты уголовно-процессуальной деятельности / М. А. Авдеев, Л. И. Малахова // Современная экономика: проблемы и решения. – 2019. – № 5 (113). – С. 28–35.
2. Азарова, Е. С. Влияние внутреннего убеждения суда на оценку доказательств: цивилизационный подход / Е. С. Азарова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 47–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.1.7>
3. Азарова, Е. С. Механизм формирования судебного усмотрения / Е. С. Азарова // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 122–125.
4. Бажанов, С. В. Стоимость уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук / Бажанов Станислав Васильевич. – Н. Новгород, 2002. – 585 с.
5. Иншакова, А. О. Российская прокуратура как оплот законности и правопорядка / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 6–10. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.1>
6. Предеина, И. Ювенальное уголовное судопроизводство Германии / И. Предеина, А. Соколов // Российская юстиция. – 2004. – № 3. – С. 66–68.
7. Русское уголовное право. Часть Общая : лекции / [соч.] Н. С. Таганцева. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб. : Гос. тип., 1902. – С. 816–1460.
8. Соловьева, Н. А. Взыскание уголовно-процессуальных издержек по делам частного обвинения / Н. А. Соловьева, В. Н. Перекрестов, В. М. Шинкарук // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2017. – № 3 (23). – С. 321–326.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии – Strafprozessordnung (StPO) : науч.-практ. комментарий и перевод текста закона / под ред. П. Головненкова, Н. Спицы. – Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2012. – 404 S.
10. Achenbach, H. Kommentar zur Strafprozeßordnung (Reihe Alternativkommentare) / H. Achenbach. – Neuwied, 1988. – Bd. 1, § 1–93.
11. Die Kostenlast des Verurteilten: eine empirische Untersuchung zur kriminalpolitischen und fiskalischen Bedeutung des strafprozessalen Kostenrechts / B.-D. Meier. – Köln : Bundesanzeiger, 1991. 399 S.
12. Franzen, H. Was kostet eine Richterstunde? Berechnung und Folgerungen / H. Franzen. – NJW, 1974. – S. 784–786.

REFERENCES

1. Avdeev M.A., Malakhova L.I. Ekonomicheskie aspekty ugotovno-processualnoj deyatel'nosti [Economic Aspects of Criminal Procedural Activity]. *Sovremennaya ehkonomika: problemy i*

resheniya [Modern Economy: Problems and Solutions], 2019, no. 5 (113), pp. 28-35.

2. Azarova E.S. Vliyanie vnutrennego ubezhdeniya suda na ocenku dokazatelstv: civilizatsionnyj podkhod [The Influence of the Court's Internal Conviction on the Assessment of Evidence: A Civilizational Approach]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 1, pp. 47-55. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.1.7>

3. Azarova E.S. Mekhanizm formirovaniya sudebnogo usmotreniya [The Mechanism of Formation of Judicial Discretion]. *Zakon i pravo* [Law], 2022, no. 7, pp. 122-125.

4. Bazhanov S.V. *Stoimost ugolovnoogo processa: dis. ... d-ra jurid. nauk* [The Cost of Criminal Proceedings. Dr. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2002. 585 p.

5. Inshakova A.O. Rossijskaya prokuratura kak oplot zakonnosti i pravoporyadka [The Russian Prosecutor's Office as a Bulwark of Law and Order]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 6-10. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.1>

6. Predeina I., Sokolov A. Yuvenalnoe ugolovnoe sudoproizvodstvo Germanii [Juvenile Criminal Proceedings in Germany]. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 2004, no. 3, pp. 66-68.

7. Tagantseva N.S., ed. *Russkoye ugolovnoye pravo. Chast Obshchaya: lektsii* [Russian Criminal

Law. General Part: Lectures]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1902, pp. 816-1460.

8. Solovyova N.A., Perekrestov V.N., Shinkaruk V.M. Vzyskanie ugolovno-processualnykh izderzhkek po delam chastnogo obvineniya [Recovery of Criminal Procedural Costs in Cases of Private Prosecution]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo institute* [Bulletin of the North Caucasian Institute of Humanities], 2017, no. 3 (23), pp. 321-326.

9. Golovnenkov P., Spitca N. *Ugolovno-protsessualnyy kodeks Federativnoy respubliki Germanii – Strafprozessordnung (StPO): nauchno-prakticheskiy kommentariy s kommentariyami i perevodom teksta* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO): Scientific and Practical Commentary with Comments and Translation of the Text]. Potsdam, Universitätsverlag Potsdam, 2012. 404 S.

10. Achenbach H., u. a. *Kommentar zur Strafprozeßordnung (Reihe Alternativkommentare). Bd. 1, §§ 1-93*. Neuwied, 1988. (zit. als AK-Bearbeiter).

11. Meier B.-D. *The Cost Burden of the Convicted Person: An Empirical Study on the Criminal-Political and Fiscal Significance of Criminal Procedural Cost Law*. Cologne, Bundesanzeiger, 1991. 399 S.

12. Franzen H. *Was kostet eine Richterstunde? Berechnung und Folgerungen*. NJW, 1974, S. 784-786.

Information About the Authors

Vladimir M. Shinkaruk, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Andrey A. Dekhert, Postgraduate Student, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, dekhert@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2871-2213>

Информация об авторах

Владимир Маркович Шинкарук, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Андрей Андреевич Дехерт, аспирант кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, dekhert@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2871-2213>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.23>

UDC 343.98
LBC 67.410.2

Submitted: 19.04.2024
Accepted: 13.05.2024

ON THE NECESSITY OF SYSTEM CRIMINALISTIC SUPPORT FOR PROSECUTION

Georgy E. Safronsky

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper examines some criminalistic aspects of prosecution, identifies certain trends, substantiates the fundamental part of the prosecutor's office activities in criminal proceedings, and formulates proposals for improving law enforcement in general. **Purpose:** the substantiation of the statement on the necessity of using forensic recommendations in criminal proceedings in general, as well as the advisability of system criminalistic support for prosecution in particular. **Methods:** the methodological framework for the study consists of methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of analysis, consistency, synthesis, and comparative law. **Results:** the conclusion is formulated that the prosecutor's office should delegate the coordination of the implementation of forensic recommendations at all stages of the criminal process and also assign the duty of enormous control over their implementation on an ongoing basis. **Conclusions:** based on the provisions outlined in the work, the author concludes about the absolute validity of the introduction and use of criminalistic categories in prosecution, regardless of the stages of the criminal process. It is concluded that the application of forensic recommendations will help eliminate certain difficulties in handling the prosecution, which will lead to a reduction in the number of violations.

Key words: criminalistic recommendations, criminal proceedings, criminalistic support for court investigation, trends in the development of criminalistics, criminalistic support for prosecution, system criminalistic support.

Citation. Safronsky G.E. On the Necessity of System Criminalistic Support for Prosecution. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 177-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.23>

УДК 343.98
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 19.04.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

К ВОПРОСУ НЕОБХОДИМОСТИ СИСТЕМНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Георгий Эмилевич Сафронский

Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в настоящей статье проводится исследование некоторых криминалистических аспектов уголовного преследования, выявляются определенные тенденции, обосновывается фундаментальная составляющая деятельности прокуратуры в уголовном процессе, формулируются предложения по совершенствованию правоохранительной деятельности в целом. **Цель:** обоснование утверждения о необходимости использования криминалистических рекомендаций в уголовном процессе в целом, а также целесообразность системного криминалистического обеспечения уголовного преследования в частности. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы анализа, системности, синтеза, а также сравнительно-правовой. **Результаты:** формулируется вывод о том, что прокуратуре следует делегировать координирование внедрения криминалистических рекомендаций на всех стадиях уголовного процесса, а также возложить обязанность тотального контроля за их реализацией на постоянной основе. **Выводы:** на базе изложенных в работе положений автором делается вывод об абсолютной обоснованности внедрения и использования криминалистических категорий при осу-

ществлении уголовного преследования, независимо от стадий уголовного процесса. Делается вывод, что применение криминалистических рекомендаций поможет устранить определенные сложности в процессе поддержания государственного обвинения, что приведет к сокращению числа нарушений.

Ключевые слова: криминалистические рекомендации, уголовное судопроизводство, криминалистическое обеспечение судебного следствия, тенденции развития криминалистики, криминалистическое обеспечение уголовного преследования, системное криминалистическое обеспечение.

Цитирование. Сафронский Г. Э. К вопросу необходимости системного криминалистического обеспечения уголовного преследования // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 177–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.23>

Введение

Обращаясь к ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), можно отметить, что, выделяя основополагающие положения, основанные на признании как самого человека, так и его прав и свобод, провозглашая их высшей ценностью, устанавливаются и фундаментальные принципы уголовного процесса.

Более того, государству предписывается обязанность как признания и соблюдения, так и защиты данных прав и свобод. Непосредственно реализация государством указанных обязанностей осуществляется в том числе посредством специального публично-правового института уголовного преследования [8].

Использование криминалистических категорий при поддержании государственного обвинения

Состязательность и открытость судебных разбирательств не оставляют государственным обвинителям права на ошибку, неточность либо неверный тактический шаг, результатом которого может стать то, что подсудимый не будет привлечен к ответственности по всей строгости закона, а попранные права останутся не восстановлены. Безусловно, вывод в указанных условиях, сделанный судом по уголовному делу, не во всех случаях будет безапелляционен, и может быть обжалован, что в результате пересмотра приведет все же к торжеству правосудия, но, как минимум, данный аспект повлечет дополнительную нагрузку на судебную систему и прокуратуру, а также дополнительные временные затраты. Нельзя сбрасывать со счетов дея-

тельность стороны защиты, хорошо подготовленных адвокатов, оказывающих существенное противодействие, что в ряде случаев создает определенные трудности при поддержании государственного обвинения.

В этой связи использование научно обоснованных криминалистических категорий при поддержании государственного обвинения, а также при подготовке к судебным разбирательствам, видится неотъемлемой частью деятельности государственных обвинителей.

Более того, эффективность деятельности прокуратуры в судах необходимо повышать, учитывая корреляцию указанного вида деятельности со смежной деятельностью правоохранительных органов, задействованных в анализируемой сфере, что может быть достигнуто внедрением имеющегося плана криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов, вовлеченных в процесс уголовного преследования. Одновременно необходимо отметить не только адресность указанного плана, но и его непрерывность – действие на постоянной основе, на протяжении всего процесса уголовного преследования.

Однозначно оснащение государственного обвинения криминалистическими категориями является частной криминалистической теорией, предметом которой будут закономерности деятельности по подготовке к поддержанию государственного обвинения, а также сам процесс поддержания государственного обвинения. Указанная теория основана на познании описанных закономерностей, представляет собой систему криминалистических средств, а также приемов и методов, способных оптимизировать поддержание государственного обвинения [6, с. 15].

Данный аспект приобретает особую актуальность, принимая во внимание стадий-

ность уголовного процесса и длящийся характер уголовного преследования, определяется сменой субъектов правоприменителей.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях могут возникать определенные затруднения в ходе поддержания государственного обвинения по уголовным делам, вызванные нарушениями определенного свойства, именуемыми так называемыми продолжаемыми ошибками, которые, по сути, являются ошибками предшествующих периодов. Кроме того, не исключены различные негативные последствия описанных ошибок [10, с. 141]. Нивелирование анализируемых ошибок представляет определенную сложность и не во всех случаях может быть реализовано посредством допроса в суде сотрудников правоохранительных органов, имеющих отношение к ее (ошибке) происхождению.

Действенным средством, способным свести к минимуму, а в ряде случаев исключить полностью указанные негативные обстоятельства, видится системность использования криминалистических рекомендаций на всем протяжении процесса уголовного преследования. Предложенный глобальный тактический метод позволит ввести оптимизацию, организуя четкую структуру, включающую векторы и драйверы, направленные на достижение конкретных результатов адресно выделенными представителями правоохранительных органов, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, обеспечивая их арсеналом криминалистического свойства [1, с. 10].

В связи с этим доктринальный подход позволяет консолидировать криминалистическую деятельность правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование на разных стадиях уголовного процесса, сформировав единый «стержень» системы. Кроме того, В.А. Образцов отмечает, что деятельность государственного обвинителя в определенном смысле является практически-криминалистической [9, с. 58].

Поддержание государственного обвинения является структурным элементом общего объекта криминалистики, и фактически данным объединением достигается объединение объектов криминалистической деятельности.

Более того, необходимо принять во внимание и следует согласиться с мнением

В.Я. Колдина в части информационных каналов собирания доказательств, а также установления фактов, об их сквозном характере и описанном пути формирования от оперативно-розыскного преследования, через «...предварительное расследование и судебное следствие... формируя вершину описанной информационной системы – финальный продукт – решение суда (приговор) по уголовному делу» [7, с. 16].

Однозначную поддержку выдвигаемой анализируемой концепции можно отметить в трудах В.Н. Исаенко, абсолютно справедливо указывающего на наличие конкретной связи и взаимности этапов рассматриваемой деятельности. Представляется верным видение, что поддержание государственного обвинения в суде является логическим продолжением досудебных стадий [5, с. 192].

В настоящее время полномочия прокурора в уголовном процессе существенно сужены, что, на наш взгляд, нуждается в корректировке. Ранее указания прокурора, вне зависимости от субъекта, осуществляющего уголовное преследование, были обязательны к исполнению. Обретя процессуальную независимость, следственные подразделения, не во всех случаях, безусловно, исполняют требования прокурора, что в итоге может повлечь за собой существенные для производства по делу последствия, и приводит к определенным сложностям.

Необходимо подчеркнуть один из фундаментальных аспектов концепции всего уголовного процесса. Осуществление уголовного преследования считается окончанным только с момента вступления в законную силу принятого судом решения (вынесения приговора либо постановления (определения)) по рассматриваемому уголовному делу. Исключение из данной концепции составляет лишь прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования.

Роль прокуратуры на разных стадиях уголовного процесса варьируется, уголовное преследование по факту осуществляется прокуратурой при рассмотрении уголовных дел судами, а предшествующие стадии уголовного процесса и уголовное преследование ведется не прокуратурой, лишь под ее надзором, а не под непосредственным руководством.

Ответственность прокурора за законность уголовного преследования

Следует помнить, что именно прокуратура ответственна за законность осуществления уголовного преследования. Статья 30 Федерального закона № 2202-1 от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации» регламентирует полномочия прокурора в части надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а также органами, осуществляющими предварительное расследование. Более того, регламентация полномочий прокурора содержится в уголовно-процессуальном законодательстве и других нормативно-правовых актах, таких как приказы Генерального прокурора Российской Федерации [2; 12; 17]. Так, ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уполномочивает прокурора осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, при рассмотрении уголовных дел судами прокурор осуществляет поддержание государственного обвинения. Всей плеядой вышеуказанных нормативно-правовых актов прокурору предписана необходимость обеспечения законности и обоснованности уголовного преследования. Более того, обеспечение законности и обоснованности государственного обвинения невозможно добиться без обеспечения законности и обоснованности в досудебных стадиях [3; 11; 16].

В этой связи видится целесообразным расширить полномочия прокурора в ходе надзора за органами предварительного следствия. Современная редакция УПК РФ предоставляет прокурору полномочия внесения требований об устранении выявленных нарушений, принимая во внимание тот факт, что следователь может не согласиться с внесенным прокурором требованием, что может повлечь за собой зачастую длительную переписку с руководителями следственных подразделений разного уровня, отдаляющую момент выявления нарушения и момент принятия окончательного решения по выявленному нарушению.

В соответствии с ч. 6 ст. 37 УПК РФ, во всех случаях отказа следователя удовлетворить требования прокуратуры, прокурор не лишен права обратиться к руководителю вышестоящего следственного подразделения. При несогласии удовлетворить требования прокуратуры и руководителем указанного следственного органа, прокурор может обратиться к Председателю Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). В случае и их несогласия с требованиями прокурора, прокурор обращается к Генеральному прокурору Российской Федерации. Решение Генерального прокурора РФ будет окончательным.

Дополнительно следует обратить внимание на уголовные дела, имеющие значительный общественный резонанс и представляющие определенную сложность с точки зрения расследования, особенно на дела в столь отдаленном прошлом, которые относились к подследственности прокуратуры, а в настоящее время расследуются следователями СК РФ. Именно по указанным уголовным делам зачастую проявляются определенные сложности с удовлетворением положений требований прокурора об устранении выявленных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе производства по делу. Сложности возникают непосредственно при надзоре за процессуальной деятельностью СК РФ, а учитывая характер уголовных дел, расследуемых данным правоохранительным органом, устранение выявленных прокурором нарушений приобретает особое значение.

Анализ показателей статистики, цифровые показатели основных позиций деятельности органов прокуратуры Российской Федерации дополняют актуальность вышеизложенного. В 2019 г. прокуратурой направлено 316 820 требований об устранении нарушений законодательства в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, в 2020 г. – 339 457, что на 7,1 % превышает аналогичный период предшествующего года (АППГ) [4].

В 2021 г. количество анализируемых требований составило 358 428, что на 5,6 % превышает АППГ (за 2020 г. – 339 457 требований) [4].

В 2022 г. количество анализируемых требований составило 360 884, что на 0,7 % превышает АППГ (за 2021 г. – 358 428 требований) [4].

Вышеуказанные сведения о показателях деятельности органов прокуратуры РФ, в части направления требований об устранении нарушений законодательства в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, представлены на рисунке, где 1–4 – сведения за 2019–2022 гг. соответственно.

Проводя анализ данных статистических показателей, необходимо выделить общее количество направленных требований, а также устойчивую тенденцию к росту. При этом можно отметить определенные позитивные сдвиги, касающиеся темпа роста количества анализируемых требований. Но и это не дает оснований признать данную статистику утешительной.

Вместе с тем сам количественный показатель и тенденция к увеличению количества направляемых требований свидетельствуют об имеющихся нарушениях и о том, что их количество не снижается. Кроме того, необходимо отметить активную позицию прокуратуры в рассматриваемом вопросе, свидетельством чего являются приведенные сведения.

На основании системного анализа вышеизложенного можно прийти к определенным выводам, в первую очередь об однозначной целесообразности существенного расширения полномочий прокуратуры в рассматриваемой

области. Вероятно, совместно с пересмотром решения о создании СК РФ и возвращении следственных функций прокуратуре, обойти вопросы пределов процессуальной независимости следователей вряд ли удастся.

Кроме того, о роли и месте прокуратуры в системе правоохранительных органов ранее было написано, значимость прокурорской деятельности, в том числе и в сфере, подлежащей анализу, трудно умалить. Наряду с многочисленными задачами, стоящими перед прокуратурой, необходимо подчеркнуть, что именно на прокуратуру в первую очередь ложится бремя ответственности за обеспечение суда необходимой базой для разрешения дела вынесения законного, справедливого и мотивированного решения. Как указывалось ранее, прокурор выступает в качестве «распорядителя интересов государства» [13, с. 28].

Обязанности, возложенные на прокуратуру, необходимость соблюдения фундаментальных положений действующего законодательства, в том числе осуществления судопроизводства в разумный срок, регламентированный ст. 6.1 УПК РФ, в условиях строжайшей законности, и вместе с тем объективно, невозможно исполнить без системного внедрения криминалистических категорий на всем протяжении процесса уголовного преследования.

Будет не лишним подчеркнуть, что криминалистические категории в частности, как и наука криминалистика в целом, образуют

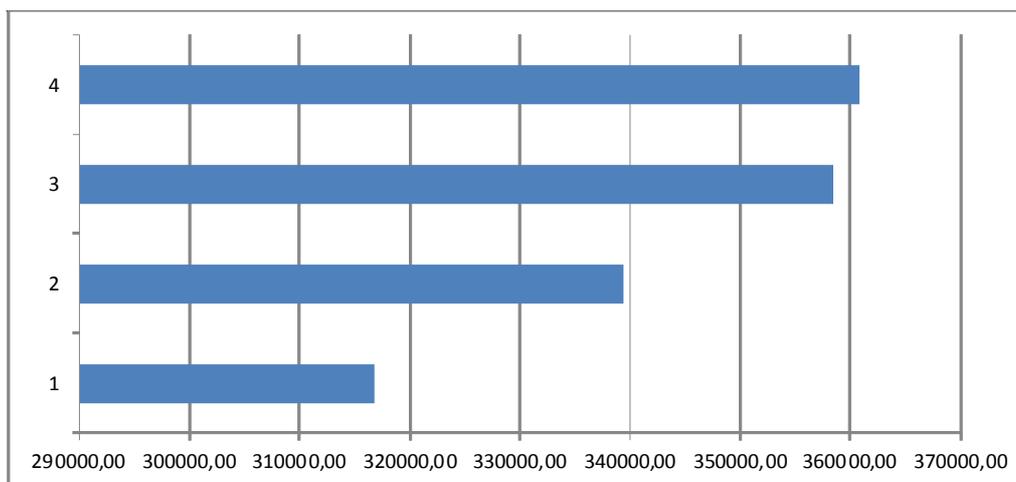

Рисунок. Количество требований об устранении нарушений законодательства в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ за 2019–2022 гг. (показатели 1–4 – сведения за 2019–2022 гг.)

вая отрасль теоретических знаний, на всех этапах развития были тесно связаны с практикой и не теряли своей утилитарной значимости. На стадии зарождения криминалистика решала задачи вооружить правоприменителя эффективными средствами выявления и раскрытия преступлений. Помимо самих теоретических аспектов, криминалистика представляла собой рекомендации, изначально предназначавшиеся исключительно следователям [14, с. 41].

Но развитие криминалистики, на наш взгляд, достаточно стремительное, обеспечило проникновение криминалистических рекомендаций в повседневную деятельность как дознавателей, так и оперативных уполномоченных. Анализируя дальнейшее развитие криминалистики, а также многолетние исследования вкупе с практическим опытом, учитывая безапелляционную утилитарную значимость, необходимо констатировать, что современные криминалистические категории необходимо использовать не только на досудебных стадиях, а также в судах [13, с. 31].

Теоретическим выводом, с практической составляющей, может являться, что криминалистика определенно не ограничена досудебными стадиями уголовного процесса. Криминалистические тактические категории должны широко применяться в судах [15, с. 468].

Подводя итоги, необходимо отметить абсолютную обоснованность применения криминалистических категорий в ходе уголовного преследования. Вместе с тем необходимо организовать системность как применения имеющихся криминалистических категорий в уголовном процессе, так и оперативное внедрение новых научно обоснованных рекомендаций, что обусловлено поступающими вызовами со стороны преступников, применяющих все более совершенные средства для осуществления своих деяний.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Расширение надзорных полномочий прокуратуры является не просто целесообразной мерой, а однозначно актуальной и необходимой. Расширив их, необходимо делегировать прокурорам органи-

зацию внедрения на всем протяжении уголовного преследования и дальнейший контроль реализации системного применения криминалистических рекомендаций.

Данные изменения в законодательстве способны привести к устранению ряда проблемных аспектов, в том числе сложностей при осуществлении поддержания государственного обвинения посредством уменьшения количества нарушений, допускаемых на досудебных стадиях. Очевидно, что сами органы прокуратуры на постоянной основе должны совершенствовать собственную деятельность, также интегрируя в практику соответствующие категории криминалистического обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баев, О. Я. О конечных целях деятельности участников уголовного судопроизводства и стратегиях их достижения (к проблеме криминалистической стратегии) / О. Я. Баев, М. О. Баев // Криминалистика: первопечатный. – 2012. – № 4. – С. 8–19.
2. Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – 20 февр. (№ 8). – Ст. 366. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Ведомости Федерального Собрания РФ. – 2002. – 1 янв. (№ 1). – Ст. 1. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Генеральная прокуратура Российской Федерации – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>
5. Исаенко, В. Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций / В. Н. Исаенко // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1. – С. 183–193.
6. Кисленко, С. Л. Концептуальные основы криминалистического обеспечения деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции : дис. ... д-ра юрид. наук / Кисленко Сергей Леонидович. – Саратов, 2023. – 514 с.
7. Колдин, В. Я. Криминалистика в структуре правоприменения / В. Я. Колдин // Криминалистика в системе правоприменения : материалы конф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, 27–28 октября 2008 г.). – М. : МАКС Пресс, 2008. – URL: <http://www.law.msu.ru/node/9358>
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

9. Образцов, В. А. Криминалистика: парные категории / В. А. Образцов. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 293 с.

10. Посохина, И. В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве : дис. ... канд. юрид. наук / Посохина Ирина Валерьевна. – СПб., 2006. – 235 с.

11. Российская газета. – 2001. – 22 дек. (№ 249).

12. Российская газета. – 1992. – 18 февр. (№ 39).

13. Сафронский, Г. Э. Интеграция криминалистических категорий в практику участия прокурора в гражданском судопроизводстве // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 27–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.4>

14. Сафронский, Г. Э. Прокурор и криминалистическая тактика в суде / Г. Э. Сафронский // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2022. – № 7. – С. 41–46.

15. Сафронский, Г. Э. Угрозы и вызовы национальной безопасности. Взгляд криминалиста / Г. Э. Сафронский // *Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : сб. ст. и тез. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 11–12 ноября 2021 года*. Т. 6. – М. : Московский психолого-социальный университет, 2021. – С. 460–469.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Baev O.Ya., Baev M.O. O konechnykh celyakh deyatel'nosti uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva i strategiyah ih dostizheniya (k probleme kriminalisticheskoy strategii) [On the Ultimate Goals of the Activities of Participants in Criminal Proceedings and Strategies to Achieve Them (On the Problem of Criminalistic Strategy)]. *Kriminalist pervopechatnyy*, 2012, no. 4, pp. 8-19.

2. *Vedomosti SND RF i VS RF* [Vedomosti of the People's Commissariat of Internal Affairs of the Russian Federation and the Armed Forces of the Russian Federation], 1992, Febr. 20, no. 8, art. 366. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

3. *Vedomosti Federal'nogo Sobraniya RF* [Vedomosti of the Federal Assembly of the Russian

Federation], 2002, Jan. 1, no. 1, art. 1. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

4. *General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii* [Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>

5. Isaenko V.N. Gosudarstvennoe obvinenie v sisteme ugolovno-processualnykh funktsij [State Prosecution in the System of Criminal Procedural Functions]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 1, pp. 182-193.

6. Kislenko S.L. *Konceptualnye osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya deyatel'nosti po podderzhaniyu gosudarstvennogo obvineniya v sude pervoy instancii: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Conceptual Foundations of Criminalistic Support for the Maintenance of Public Prosecution in the Court of First Instance. Dr. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2023. 514 p.

7. Koldin V.Ya. *Kriminalistika v strukture pravoprimereniya* [Criminalistics in the Structure of Law Enforcement]. *Kriminalistika v sisteme pravoprimereniya: materialy konf. (MGU im. M.V. Lomonosova, 27–28 oktyabrya 2008 g.)* [Criminalistics in the System of Law Enforcement. Proceedings of Conf. (Lomonosov Moscow State University, October 27–28, 2008)]. Moscow, MAKS Press, 2008. URL: <http://www.law.msu.ru/node/9358>

8. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinjata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020* [Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on December 12, 1993 with Amendments Approved During the All-Russian Vote on July 1, 2020)]. *Internet-portal pravovoy informatsii* [Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

9. Obraztsov V.A. *Kriminalistika: parnye kategorii* [Criminalistics: Paired Categories]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 293 p.

10. Posokhina I.V. *Kriminalisticheskie aspekty podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya po delam o vzyatochnichestve: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminalistic Aspects of Maintaining Public Prosecution in Cases of Bribery. Cand. jurid. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2006. 235 p.

11. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2001, Dec. 22, no. 249.

12. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1992, Febr. 18, no. 39.

13. Safronsky G.E. Integratsiya kriminalisticheskikh kategorij v praktiku uchastiya prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve [Integration of Criminalistic Categories into the Practice of Prosecutor's Participation in Civil Proceedings]. *Legal Concept =*

Pravovaya paradigma, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 27-34.
DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.4>

14. Safronsky G.E. Prokuror i kriminalisticheskaya taktika v sude [The Prosecutor and Criminalistic Tactics in Court]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, and Practice], 2022, no. 7, pp. 41-46.

15. Safronsky G.E. Ugrozy i vyzovy nacionalnoj bezopasnosti. Vzglyad kriminalista [Threats and Challenges to National Security. The Criminalist's View]. *Aktualnyye problemy sovremennoy Rossii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika, upravleniye i pravo: sb. st. i tez. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem, Moskva, 11–12 noyabrya 2021 goda. T. 6* [Actual Problems of Modern Russia: Psychology, Pedagogy, Economics, Management and Law. Collection of Articles and Abstracts of the All-

Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Moscow, November 11–12, 2021. Vol. 6]. Moscow, Moskovskiy psikhologo-sotsialnyy universitet, 2021, pp. 460-469.

16. *Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 25.12.2023)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation Dated December 18, 2001 No. 174-FZ (As Amended on December 25, 2023)]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

17. *Federalnyy zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 (red. ot 25.12.2023) “O prokurature Rossijskoj Federacii”* [Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 (As Amended on December 25, 2023) “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation”]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

Information About the Author

Georgy E. Safronsky, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Prosp. Leninsky, 1/2, Bld. 1, 119049 Moscow, Russian Federation, 9163455@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2581-8401>

Информация об авторе

Георгий Эмилевич Сафронский, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, просп. Ленинский, 1/2, корп. 1, 119049 г. Москва, Российская Федерация, 9163455@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2581-8401>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialities 5.1. Law according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

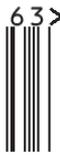
The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-8115

9 772587 811003